

Федеральное государственное образовательное бюджетное учреждение
высшего образования
«Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации»

На правах рукописи

Амбарцумов Роман Андроникович

ЗАЩИТА ПРАВ КРЕДИТОРОВ ПОСРЕДСТВОМ КОНКУРСНОГО И ВНЕКОНКУРСНОГО ОСПАРИВАНИЯ СДЕЛОК ДОЛЖНИКА

5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки

ДИССЕРТАЦИЯ
на соискание ученой степени
кандидата юридических наук

Научный руководитель

Демченко Максим Владимирович,
кандидат юридических наук, доцент

Москва – 2025

Оглавление

Введение.....	3
Глава 1 Теоретико-правовые основы оспаривания сделок должника.....	14
1.1 Понятие, правовая природа и классификация недействительных сделок должника.....	14
1.2 Ретроспективный анализ развития правового регулирования оспаривания сделок должника в России.....	28
1.3 Место института оспаривания сделок должника в системе способов защиты прав кредиторов.....	40
Глава 2 Особенности конкурсного и внеконкурсного оспаривания сделок должника, как способов защиты прав кредиторов	51
2.1 Понятие, правовая природа конкурсного и внеконкурсного оспаривания сделок должника, как способов защиты прав кредиторов.....	51
2.2 Особенности правового статуса лиц, имеющих право на оспаривание сделок должника.....	61
2.3 Правовое регулирование конкурсного и внеконкурсного оспаривания сделок должника в отдельных зарубежных странах	69
Глава 3 Основания и последствия конкурсного и внеконкурсного оспаривания сделок должника.....	86
3.1 Основания и порядок конкурсного оспаривания сделок должника	86
3.2 Основания и порядок внеконкурсного оспаривания сделок должника	106
3.3 Правовые последствия признания сделок должника недействительными.....	113
Заключение	126
Список сокращений и условных обозначений.....	129
Список литературы	130

Введение

Актуальность темы исследования. На Совете по стратегическому развитию и национальным проектам, состоявшемся 21.12.2023, Президент Российской Федерации В.В. Путин поручил уделить особое внимание повышению экономического суверенитета страны. Задача обеспечения экономического суверенитета поставлена также и в Стратегии национальной безопасности. В свою очередь, достижение экономического суверенитета невозможно без эффективного взаимодействия хозяйствующих субъектов между собой и их надлежащей правовой защиты.

Одним из правовых способов защиты прав кредиторов от недобросовестных действий должника является институт оспаривания сделок, который активно применяется лицами, участвующими в деле о банкротстве. Согласно статистическим данным Единого федерального реестра юридически значимых сведений о фактах деятельности юридических лиц, индивидуальных предпринимателей и иных субъектов экономической деятельности (далее – Федресурс) количество принятых заявлений о признании сделок недействительными неизменно растет: 2020 год – 10477, 2021 год – 15344, 2022 год – 18104, 2023 год – 21609, 2024 – 24733 (за 5 лет показатель вырос на 136%). Процент удовлетворенных заявлений также растет: 2020 год – 4046 (38,6%), 2021 год – 6090 (39,69%), 2022 год – 7626 (42,12%), 2023 год – 8682 (40,18%), 2024 год – 9564 (38,67%).

Между тем, доля удовлетворенных требований конкурсных кредиторов по результатам проведения процедуры банкротства на конец 2024 года в среднем составила 7,8% в рамках дел о банкротстве юридических лиц и 5,5% в рамках дел о банкротстве физических лиц. При этом доля дел, в которых кредиторы получили 0 рублей по результатам процедуры банкротства, на конец 2024 года составила 53% в делах о банкротстве юридических лиц и 70% в делах о банкротстве физических лиц. Таким образом, более чем в половине дел о банкротстве кредиторы абсолютно ничего не получают.

Указанное может свидетельствовать как о тщательной подготовке должников к процедуре банкротства, которая заключается в том числе в сокрытии активов, так и о недостаточной эффективности предоставленных кредиторам способов защиты своих прав от подобных «подготовительных» мероприятий.

В частности, отсутствие законодательного регулирования внеконкурсного оспаривания сделок сильно ограничивает механизмы защиты интересов кредиторов. Кредиторам необходим понятный и действенный инструмент, который поможет предотвратить вывод ликвидного имущества должника, если о нем стало известно до возбуждения дела о банкротстве. Данный способ защиты позволяет наиболее оперативно реагировать на недобросовестные действия должника по отчуждению своего имущества, не прибегая при этом к долгой и финансово затратной процедуре банкротства.

В то же время важно учитывать, что необоснованное нарушение принципа стабильности гражданского оборота вследствие признания сделок недействительными может препятствовать достижению национальной цели развития предпринимательства, закрепленной в Указе Президента Российской Федерации от 21.07.2020 № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года». Вышеизложенное свидетельствует о необходимости поиска баланса между интересами кредиторов, нуждающихся в защите своих прав от недобросовестных действий должников и стабильностью гражданского оборота. Между тем, у законодателя и правоприменителя отсутствует концептуальный подход к защите прав кредиторов посредством оспаривания сделок (как конкурсного, так и внеконкурсного).

Степень разработанности темы исследования. Вопросы недействительности сделок рассматривались такими учеными как М.М. Агарков, А.А. Аюрова, Д.А. Барков, Д.Д. Гримм, М.В. Громоздина, А.С. Гутникова, А.В. Егоров, А.Г. Карапетов, Д.Н. Кархалев, С.А. Кузнецов, Г.Ф. Ручкина, С.В. Сарбаш, К.И. Скловский, Е.Д. Суворов, Е.А. Суханов, О.В. Сушкова, М.В. Телюкина, Д.О. Тузов, Ф.С. Хейфец.

На уровне диссертационных исследований вопросам недействительности сделок были посвящены работы таких ученых как Н.В. Рабинович, Д.А. Рыков, А.Э. Циндяйкина, Е.В. Яцева.

Институту оспаривания сделок в банкротстве посвящены работы А.А. Аюровой, А.С. Гутниковой, Д.А. Жестовской, Н.Е. Кантор, С.А. Карелиной, Р.К. Лотфуллина, Д.О. Османовой, И.В. Старцева, Е.Д. Суворова, О.В. Сушковой, Т.П. Шишмаревой.

Вопросы внеконкурсного оспаривания затрагивались в исследованиях Т.П. Шишмаревой, Д.О. Османовой, И.В. Старцева, О.М. Свириденко, К.А. Усачевой.

Последствиям недействительности сделок посвящены работы А.В. Егорова, В.С. Костко, М.В. Столярчук, Д.О. Тузова, И.М. Шевченко.

Между тем, диссертационные исследования, в которых бы всесторонне исследовалось оспаривания сделок как способ защиты прав кредиторов в его конкурсном и внеконкурсном проявлении – отсутствуют.

Цель исследования состоит в выработке теоретических предложений, направленных на развитие представления об оспаривании сделок как способе защиты прав кредиторов и практических рекомендаций по совершенствованию правового регулирования защиты прав кредиторов посредством конкурсного и внеконкурсного оспаривания сделок должника.

Для достижения указанной цели были поставлены и решены следующие **задачи:**

1) исследовать правовую природу недействительных сделок, оспариваемых по законодательству о банкротстве, для обоснования ее самостоятельного характера;

2) проанализировать место института оспаривания сделок в системе способов защиты прав кредиторов с целью выявить его отличительные особенности;

3) проанализировать становление правового регулирования оспаривания сделок в России, чтобы установить их взаимосвязь с социально-экономическими условиями;

4) исследовать теории оспаривания сделок и дать теоретическое обоснование наличия у кредиторов права оспаривать сделки должника;

5) рассмотреть понятия конкурсного и внеконкурсного оспаривания сделок и выявить их основные различия;

6) проанализировать практику применения внеконкурсного оспаривания сделок, чтобы сформулировать условия, при которых у кредитора возникает право на внеконкурсное оспаривание сделки должника;

7) изучить опыт правового регулирования оспаривания сделок в зарубежных странах для выявления перспектив его применения в отечественном регулировании;

8) исследовать последствия недействительности сделок несостоятельного должника, чтобы обосновать их особую правовую природу.

Объектом исследования являются общественные отношения, возникающие в процессе защиты кредиторами своих прав посредством конкурсного и внеконкурсного оспаривания сделок должника.

Предметом исследования являются нормы действующего российского законодательства, регулирующие общественные отношения, возникающие в процессе защиты кредиторами своих прав посредством конкурсного и внеконкурсного оспаривания сделок должника, научные исследования, практика Конституционного Суда Российской Федерации, Верховного Суда Российской Федерации, арбитражных судов и судов общей юрисдикции в указанной сфере.

Область исследования диссертации соответствует п. 6. «Теория субъектов. Особенности правового положения субъектов в отдельных сферах экономики и социально-культурной деятельности. Отношения, связанные с участием в корпоративных организациях; отношения по управлению юридическим лицом. Отношения экономической зависимости.

Несостоятельность (банкротство). Субъекты процессуальных отношений»; п. 7. «Основания возникновения и динамика частноправовых отношений. Сделки в сфере частного права»; п. 10. «Защита прав в частноправовых отношениях. Выбор форм и способов (средств) защиты» Паспорта научной специальности 5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки (юридические науки).

Методология и методы исследования. Основу работы составили общенаучные методы познания, в том числе использовались дедукция (при формировании выводов о возможности применения в отдельных случаях относительной модели оспаривания сделок), индукция (при выявлении условий, необходимых для признания сделки недействительной в рамках внеконкурсного оспаривания по результатам анализа выводов судов, при определении презумпций существенности отклонения цены сделки, предложенных по результатам анализа судебной практики), системный метод (при рассмотрении совокупности обстоятельств, подлежащих доказыванию для признания сделок недействительными), анализ (при выявлении отличительных признаков конкурсного и внеконкурсного оспаривания сделок), синтез (при обобщении признаков таких исследуемых понятий как конкурсное и внеконкурсное оспаривание сделок).

Также в исследовании применялись частно-научные методы, такие как: исторический (при исследовании развития отечественного законодательства в сфере правового регулирования оспаривания сделок должника) и метод комплексного анализа (при выявлении особенностей института оспаривания сделок как способа защиты прав кредиторов и его места в системе способов защиты прав кредиторов).

Использовались специально-юридические методы научного познания такие, как: формально-юридический метод (при определении правовой природы оспаривания сделок должника как способа защиты прав кредиторов) и сравнительно-правовой метод (при исследовании правового регулирования оспаривания сделок в зарубежных странах, а также при исследовании

специфики оспаривания сделок по банкротным основаниям в сравнении с общегражданскими основаниями).

Теоретической основой исследования являлись труды отечественных и зарубежных учёных, посвященные анализу проблем защиты прав кредиторов, конкурсного и внеконкурсного оспаривания сделок должника, последствий недействительности сделок.

Нормативную базу исследования составляют следующие нормативные правовые акты: Конституция Российской Федерации, Гражданский кодекс Российской Федерации, Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации, Федеральный закон от 26.12.1995 № 208-ФЗ «Об акционерных обществах», Федеральный закон от 08.02.1998 № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью», Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» и другие правовые акты.

Эмпирическую базу исследования составляют материалы судебной практики, показатели статистической отчетности Федресурса, комментарии арбитражных судов по вопросам применения института оспаривания сделок должника.

Научная новизна исследования заключается в том, что оно выступает одной из первых работ, в которой оспаривание сделок должника рассмотрено в качестве способа защиты прав кредиторов в его конкурсном и внеконкурсном проявлении, а сформулированные теоретические положения и практические рекомендации, нацелены на достижение баланса интересов кредиторов, должника и стороны оспариваемой сделки.

Выявлена и аргументирована самостоятельная правовая природа недействительных сделок, оспариваемых в рамках процедуры банкротства и последствий недействительности, применяемых в процедурах банкротства.

Обоснованы условия, наличие которых необходимо для признания сделки недействительной в рамках внеконкурсного оспаривания.

Аргументирована необходимость отступления от абсолютной модели оспаривания сделок в отдельных случаях для соблюдения баланса интересов

между кредиторами и добросовестными контрагентами по недействительной сделке.

Научная новизна определяется содержанием положений, выносимых на защиту.

Положения, выносимые на защиту:

1) Обосновано, что самостоятельная правовая природа недействительных сделок, оспариваемых по законодательству о банкротстве, обусловлена целью защиты прав кредиторов и проявляется, во-первых, в расширении перечня действий, которые могут быть оспорены в процедуре банкротства, во-вторых, в наличии особых оснований недействительности (С. 14-26).

2) Аргументировано, что право кредитора, имеющего денежные требования к должнику, оспаривать сделки должника является продолжением его права требовать взыскание. При этом в качестве обоснования возникновения указанного права предлагается рассматривать разумные ожидания кредитора о наличии у должника определенного объема имущества, которое должник намеренно уменьшает путем совершения сделок (С. 51-56).

3) Доказана необходимость разделения оспаривания сделок должника на конкурсное и внеконкурсное оспаривание в зависимости от наличия возбужденной в отношении должника процедуры конкурсного производства (внешнего управления) на момент оспаривания сделки. Такое разделение обусловлено установлением круга лиц, обладающих правом на оспаривание сделки и требований, предъявляемых к ним, а также выбором оснований для оспаривания сделки (С. 56-61).

4) Выявлены отличительные особенности конкурсного оспаривания сделок среди иных способов защиты прав кредиторов: универсальный характер, наличие количественного порога по объему требований для кредиторов, направленность на пополнение конкурсной массы, судебный характер защиты, представляет собой косвенный иск в интересах конкурсной

массы, ограниченность применения в зависимости от процедуры банкротства (С. 40-50).

5) Обоснована необходимость введения опровержимых презумпций существенности и несущественности отклонения цены сделки от рыночных условий совершения сделки для обеспечения принципа правовой определенности при оспаривании сделок должника с неравноценным встречным представлением. Существенным предлагается считать кратное отклонение цены сделки от рыночных условий, а несущественным – отклонение цены сделки менее чем на 20% (С. 90-95).

6) Доказано, что необходимой совокупностью условий для признания сделки недействительной в рамках внеконкурсного оспаривания является: наличие у кредитора, обращающегося за оспариванием, установленных требований к должнику; наличие у должника цели причинить вред совершаемой сделкой; недобросовестность контрагента должника (опponentа по оспариванию); невозможность взыскания кредитором задолженности из стоимости иного имущества (С. 106-113).

7) Обоснована особая правовая природа последствий недействительности сделки в процедурах банкротства, которая обусловлена целями оспаривания сделок – пополнение конкурсной массы и наиболее полное удовлетворение требований кредиторов и проявляется в отказе от применения двусторонней реституции в классическом виде (С. 113-117).

8) Обосновано, что при оспаривании сделок по мотиву неравноценности в качестве последствий недействительности целесообразно возместить имущественные потери конкурсной массе, вместо возврата всего полученного от должника имущества и последующего включения реституционных требований стороны оспоренной сделки в реестр требований кредиторов, что позволит соблюсти баланс интересов между кредиторами и добросовестными контрагентами по недействительной сделке (С. 117-125).

Теоретическая значимость работы обусловлена вкладом в развитие теории гражданского и банкротного права, который заключается в выработке

положений, позволяющих всесторонне исследовать институт оспаривания сделок должника как способ защиты прав кредиторов от недобросовестных действий по отчуждению своего имущества.

Полученные научные результаты способствуют развитию теоретических подходов к пониманию правовой природы конкурсного и внеконкурсного оспаривания сделок, а также применяемых в процедуре банкротства последствий недействительности сделок.

Положения, содержащиеся в диссертации, могут быть использованы в преподавании таких учебных дисциплин, как «Гражданское право», «Защита прав кредиторов при банкротстве юридических лиц и граждан».

Практическая значимость работы состоит в возможности использования предложений, рекомендаций и выводов, сделанных в рамках исследования, для совершенствования норм российского законодательства, актов толкования Верховного Суда Российской Федерации, при подготовке процессуальных документов в спорах об оспаривании сделок должника, обеспечения оказания юридических услуг, предоставляемых ООО «Лемчик, Крупский и партнеры» для защиты интересов кредиторов в процедурах банкротства, а также деятельности иных организаций для осуществления мероприятий по взысканию задолженности с контрагентов.

Выводы и предложения также могут быть использованы в дальнейшем развитии институтов защиты прав кредиторов.

Степень достоверности, апробация и внедрение результатов исследования. Достоверность результатов диссертационного исследования обусловлена использованием монографических и других научных работ, а также обширной судебной практикой по рассмотрению споров об оспаривании сделок за период 2014-2024 годов (всего было использовано более 60 судебных актов).

Основные положения диссертации, а также выводы, сделанные в ходе исследования, изложены на научных, научно-практических международных, всероссийских конференциях, форумах, круглых столах и конгрессах:

на Международном научно-практическом круглом столе «Частное право без границы» памяти профессора М.Г. Прониной (г. Минск, Академия управления при Президенте Республики Беларусь, 28 февраля 2023 г.); на XVIII Международной школе-практикуме молодых ученых-юристов «Молодежь и право» (Москва, ИЗиСП, 5 апреля 2023 г.); на XIII Международном конкурсе научных работ студентов и аспирантов (Москва, Финансовый университет, 2024 г.); на Международной научно-практической конференции «Трансформация банковской деятельности в условиях многополярного мира» (Москва, Финансовый университет, 5 апреля 2024 г.); на Международной студенческой конференции «Цифровые технологии в финансовой сфере» (Москва, Финансовый университет, 27 ноября 2023 г.); на XII Международном научном конгрессе «Развитие предпринимательства: межотраслевые приоритеты, современные механизмы, консолидация интересов» (Москва, Финансовый университет, 17-18 мая 2024 г.); на IX Ежегодной Всероссийской научно-практической конференции студентов и аспирантов «Дни науки Факультета права НИУ ВШЭ – 2025» (Москва, НИУ ВШЭ, 27-28 февраля 2025 г.); на Всероссийской научно-практической конференции «Трансформация банковской деятельности в условиях многополярного мира» (Москва, Финансовый университет, 10 апреля 2025 г.).

Актуальные и значимые положения исследования применяются в практической деятельности ООО «Лемчик, Крупский и партнеры». В частности, разработанные в исследовании положения используются при подготовке заявлений об оспаривании сделок должника. Материалы диссертационного исследования способствуют более качественному оказанию юридических услуг клиентам компании.

Кроме того, материалы исследования используются в практической деятельности юридической образовательной платформы Legal Academy (ООО «Лигал Академия»). В частности, выводы и основные положения диссертационного исследования были использованы при подготовке

практических лекций на тему: «Последствия признания сделки недействительной» и «Особенности оспаривания отдельных сделок должника», а также был записан онлайн-курс на тему: «Оспаривание сделок должника», который помогает более эффективно выявлять и оспаривать сделки должника.

Материалы исследования также используются Кафедрой правового регулирования экономической деятельности Юридического факультета Финансового университета в учебном процессе в преподавании учебных дисциплин «Гражданское право» и «Защита прав кредиторов при банкротстве юридических лиц и граждан».

Апробация и внедрение результатов исследования подтверждены соответствующими документами.

Публикации. Основные положения и результаты исследования отражены в 5 научных работах общим объемом 2,1 п.л. (весь объем авторский), опубликованных в рецензируемых научных изданиях, определенных ВАК при Минобрнауки России.

Структура и объем диссертации. Исследование состоит из введения, трех глав, заключения, списка сокращений и условных обозначений, списка литературы из 214 наименований. Текст диссертации изложен на 161 странице.

Глава 1

Теоретико-правовые основы оспаривания сделок должника

1.1 Понятие, правовая природа и классификация недействительных сделок должника

Исследование понятия недействительности сделки прежде всего требует обращения к рассмотрению общего понятия «сделка». В соответствии со статьей 153 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ), сделками признаются действия граждан и юридических лиц, направленные на установление, изменение и прекращение гражданских прав и обязанностей [1].

Несмотря на наличие законодательно закрепленного понятия сделки, в юридической доктрине и практике имеется ряд дискуссионных вопросов, касающихся правовой природы сделок.

Для проведения полноценного исследования института оспаривания сделок необходимо ответить на вопрос: на какие действия, совершенные субъектами права, распространяются положения о сделках? В частности, в науке отсутствует единое мнение относительно того являются ли сделками действия, направленные на исполнение обязательств.

Конституционный Суд Российской Федерации (далее – КС РФ) давал свою правовую позицию в отношении данного вопроса: «при возникновении спора об отнесении к сделкам тех или иных конкретных действий участников гражданского оборота, в том числе осуществляемых в целях исполнения обязательств по ранее заключенным договорам, суды общей и арбитражной юрисдикции на основе установления и исследования фактических обстоятельств дела и с учетом характера и направленности указанных действий самостоятельно дают им соответствующую правовую оценку» [24]. Следовательно, в каждом конкретном случае суды должны самостоятельно определять являются те или иные действия сделками или нет.

Профессор К.И. Скловский считает, что действия по исполнению обязательств не относятся к сделкам, так как сделка прежде всего направлена на юридических результат, а не на фактический [143, с. 9].

Противоположной точки зрения придерживается профессор С.В. Сарбаш, по мнению которого действие по исполнению обязательства может рассматриваться в качестве односторонней сделки, целью которой является прекращение обязательства [142, с. 62]. При этом следует отметить позицию А.Г. Карапетова, который указывает, что исполнение обязательств зачастую ограничивается лишь фактическими действиями (бездействиями), в которых волеизъявление лица обнаружить затруднительно (например, в обязательствах воздержаться от совершения определенных действий или в договорах об оказании услуг). Соответствующий результат в виде прекращения обязательства произойдет вне зависимости от того, была ли направлена воля лица на прекращение обязательства [144, с. 38]. Следовательно, к таким случаям исполнения обязательства нецелесообразно применять положения о сделках.

В то же время А.Г. Карапетов указывает, что исполнение обязательства может происходить с помощью осуществления «распорядительного волеизъявления, на основании которого непосредственно осуществляется переход того или иного имущественного права от одного лица к другому» [144, с. 39].

Необходимость самостоятельного выделения распорядительных сделок является дискуссионным вопросом в научной среде и признается не всеми юристами.

Критикуя концепцию распорядительных сделок, К.И. Скловский называет их юридическими фикциями, которые не могут иметь универсальный характер. По его мнению, никакого дополнительного волеизъявления для перехода права на имущество не требуется, самого договора об отчуждении достаточно для перехода права [120, с. 149].

Е.А. Суханов называет выделение распорядительных сделок «искусственной, надуманной проблемой» [198, с. 26].

С указанным подходом нельзя в полной мере согласиться, так как он не является универсальным и не работает в ряде случаев. В частности, при заключении договора на отчуждение родовых вещей продавец конкретным имуществом фактически не распоряжается. Воля на распоряжение имуществом проявляется у продавца лишь в тот момент, когда он обособляет из общего числа родовых вещей ту часть, которую он в итоге передаст покупателю. Кроме того, при наличии заключения договор купли-продажи одних и тех же родовых вещей с несколькими покупателями у продавца может не оказаться этого имущества в количестве, достаточном для удовлетворения требований всех покупателей. В такой ситуации продавец именно своей волей на распоряжение имуществом будет определять кому он исполнит обязательство, а кому нет.

Те ученые, которые все-таки выделяют распорядительные сделки, дают различные определения указанному понятию. А.Г. Карапетов называет распорядительными те сделки, «которые непосредственно направлены на перенос прав на имущество» [144, с. 39].

И.В. Бекленищева под распорядительными сделками предлагает понимать «такие распорядительные акты, которые требуют выражения взаимной воли двух сторон и опосредуют переход от одного лица к другому имущественных прав» [117, с. 8-9].

По мнению М.М. Агаркова, распорядительные сделки «переносят существующее право с одного лица на другое» [127, с. 386].

А.В. Егоров распорядительными называет сделки, которые непосредственно воздействуют на субъективное право: передают его, обременяют или прекращают [174, с. 51]. Указанный подход к определению распорядительной сделки представляется наиболее полным, так как распорядительная сделка может преследовать цель не только перенести право на имущество, но и обременить его или прекратить.

Позиция ученых, которые выступают за выделения распорядительных сделок и признают в ряде случаев исполнение обязательства самостоятельной сделкой, представляется более правильной. Указанная концепция имеет важное практическое значение при рассмотрении вопроса об оспаривании сделок должника по законодательству о банкротстве. Так, если договор на отчуждение вещи, преследующий цель вывести имущество из-под взыскания, был заключен за пределами установленного законом периода оспаривания, то такой договор не будет признан судом недействительным. Однако, если сама передача вещи произошла в период подозрительности, то суд может признать ее недействительной, рассматривая как отдельную распорядительную сделку.

Понятие распорядительных сделок проникло и в правоприменительную практику. Так, в определении № 304-ЭС22-20237 от 30.03.2023 года Верховный Суд Российской Федерации (далее – ВС РФ) употребляет термин «распорядительная сделка» в отношении действий супругов по разделу имущества [67].

Ключевым признаком, позволяющим отличить остальные действия от сделок, является то, что сделки – это результат осознанного выбора (воли) на порождение тех или иных правовых последствий. В этой связи примечательным является пункт 50 Постановления Пленума ВС РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса РФ», согласно которому «при решении вопроса о правовой квалификации действий участников гражданского оборота в качестве сделки для целей применения правил о недействительности сделок следует учитывать, что сделкой является волеизъявление, направленное на установление, изменение или прекращение гражданских прав и обязанностей» [28].

Таким образом, если действия по исполнению обязательства носят волевой характер и направлены на прекращение прав и обязанностей, представляется, что их можно признать односторонней, распорядительной сделкой.

Например, в одном из дел ВС РФ рассмотрел вопрос о том, является ли снятие денежных средств со счета сделкой. Указывая на ошибочность вывода нижестоящих судов, которые не признали данное действие сделкой, ВС РФ разъяснил, что «рассматриваемое волеизъявление направлено на прекращение права требования денежных средств» [50].

Говоря о понятии сделки в рамках законодательства о банкротстве, следует обратиться к пункту 1 Постановления Пленума ВАС РФ от 23.12.2010 № 63 «О некоторых вопросах, связанных с применением главы III.1 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» (далее – Постановление Пленума ВАС РФ от 23.12.2010 № 63), в соответствии с которым «под сделками, которые могут оспариваться по правилам Закона о банкротстве, понимаются, в том числе действия, направленные на исполнение обязательств и обязанностей, возникающих в соответствии с гражданским, трудовым, семейным законодательством, законодательством о налогах и сборах, таможенным законодательством Российской Федерации, процессуальным законодательством Российской Федерации и другими отраслями законодательства Российской Федерации, а также действия, совершенные во исполнение судебных актов или правовых актов иных органов государственной власти» [27]. Например, в деле о банкротстве индивидуального предпринимателя Романовой Н.Л. суд признал недействительным отказ от наследства [46].

Как мы видим, данный перечень не является закрытым и оспариваться могут и другие действия, не являющиеся по своей сущности сделками. В частности, признается возможность оспаривания по банкротным основаниям отказа от иска, заявленного в преддверии банкротства [34]. В конце 2024 года ВС РФ в Постановлении Пленума разъяснил, что по нормам Закона о банкротстве, помимо отказа от иска, могут оспариваться такие процессуальные действия (бездействия) как незаявление должником о пропуске срока исковой давности и заключение мирового соглашения. Судебный акт о признании указанных действия (бездействий)

недействительными в рамках дела о банкротстве служит основанием для пересмотра решения по вновь открывшимся обстоятельствам [31].

Таким образом, Закон о банкротстве позволяет признавать недействительными не только сделки, но и любые действия, влекущие неблагоприятные для должника последствия.

Кроме того, указанные положения об оспаривании сделок должника показывают, что в рамках процедуры банкротства не отдается прерогатива исполнению публично-правовых обязательств. Так, в рамках дела о банкротстве застройщика суд признал недействительными операции по списанию денежных средств в счет погашения налоговых обязательств, а действия налогового органа по направлению инкассовых поручений недобросовестными и нарушающими права кредиторов [106].

Таким образом, законодательство о банкротстве позволяет оспаривать любые действия, в том числе направленные на исполнение обязательств. Причем эти обязательства могут быть не только гражданско-правовыми, но и публично-правовыми (например, уплата налогов). Такое положение свидетельствует о паритете в правовом статусе кредиторов в отношениях несостоятельности. Законодатель признает, что вред имущественным правам кредиторов в равной степени причиняется и исполнением гражданско-правовых обязательств, и обязательств по уплате налогов или иных обязательных платежей.

Кроме того, правила об оспаривании сделок распространяются не только на сделки непосредственно, но и на любые действия, способные привести к уменьшению конкурсной массы. Данное обстоятельство обусловлено, прежде всего, необходимостью защитить интересы кредиторов. Ведь механизм оспаривания сделок должника направлен на возврат имущества в конкурсную массу, с целью наиболее полного пропорционального удовлетворения требований кредиторов.

Рассмотрев понятие сделки, можно перейти к рассмотрению понятия и правовой природы недействительной сделки.

Само понятие «недействительная сделка» российским законодательством не определяется. При этом можно дать определение недействительной сделки через правовые последствия, которая она влечет в соответствии со статьей 167 ГК РФ. В таком случае под недействительной следует понимать сделку, которая не влечет для сторон юридически значимых последствий, кроме тех, которые связаны с ее недействительностью.

Сделка признается недействительной, если нарушено какое-либо из условий ее действительности. Такие нарушения называют «пороками сделки». Б.М. Гонгало выделяет следующие пороки [126, с. 250].

- Пороки субъектного состава. К ним, в частности, относят нарушения, которые касаются дееспособности физических лиц или правоспособности юридических лиц.

- Пороки воли. Нарушения касаются волеизъявления лица на совершение сделки.

- Пороки содержания. К данному виду недействительных сделок относятся, например: мнимые и притворные сделки, сделки, нарушающие требования закона или иного правового акта.

- Порок формы сделки. Нарушение касается несоблюдения императивно установленной формы для определенных видов сделок.

В теории права отсутствует консенсус по поводу правовой природы недействительных сделок. Постараемся дать ответы на ключевые вопросы, которые позволят разобраться в правовой природе недействительных сделок.

1) Является ли недействительная сделка юридическим фактом?

Отвечая на этот вопрос, сторонники первого подхода склоняются к тому, что недействительная сделка юридическим фактом не является. К такому выводу, например, приходит С.Ф. Кечекьян, указывая что «юридический факт должен приводить к возникновению, изменению или прекращению правоотношений» [133, с. 177], в то время как недействительная сделка, в силу статьи 167 ГК РФ, не влечет за собой юридических последствий. Поддерживая данную позицию, Д.О. Тузов отмечает: «Недействительность есть отрицание

юридической значимости, правового смысла. Недействительная сделка – это отсутствие юридического факта, действие; для права безразличное» [114, с. 6].

По мнению И.С. Перетерского, действия, вызывающие не те правовые последствия, которые имели в виду стороны, не являются сделками [136, с. 6]. Такого же подхода придерживался М.М. Агарков, который отмечал, что дефиницию «сделка» необходимо применять только к тем действиям, которые направлены «на определенный экономический результат» [157, с. 47-48].

Однако в науке имеется противоположная позиция. Так, отечественный цивилист, профессор Г.Ф. Шершеневич указывал: «Недействительная сделка не производит таких юридических последствий, которых предполагалось достигнуть ее совершением. Зато она приводит к другим юридическим последствиям» [154, с. 127]. И.Б. Новицкий также признавал все недействительные сделки юридическими фактами [151, с. 65].

Указанный подход является более правильным, так как вопреки доводам сторонников первого подхода, недействительная сделка влечет последствия, предусмотренные законом для недействительных сделок, в частности, двустороннюю реституцию. Кроме того, оспоримые сделки недействительны после признания ее таковой судом, в противном случае она влечет для сторон возникновение прав и обязанностей.

2) Является ли правомерность обязательным признаком сделки?

По мнению ряда ученых правомерность является необходимым признаком сделки. Так, Ф.С. Хейфец считал, что «именно признак правомерности отличает сделку от правонарушения» [153, с. 14-15]. М.И. Брагинский также отмечал, что существование конструкции «недействительная сделка» приводит к тому, что понятие «сделка» теряет свой основополагающий признак, а именно правомерность действие [120, с. 108].

Абсолютно другого подхода придерживался Д.М. Генкин. По его мнению, «правомерность не является неотъемлемым элементом сделки как юридического факта, а лишь определяет какие последствия данная сделка за собой повлечет» [124, с. 50]. Позднее данная концепция нашла отражение в

работах Н.В. Рабинович, которая признавала, что «недействительная сделка является и сделкой, и правонарушением одновременно» [137, с. 11] и В.П. Шахматова, который считал, что «правомерность является признаком действительной сделки, а не сделки вообще» [145, с. 25].

Представляется, что недействительная сделка влечет те или иные правовые последствия. Указанный факт сложно опровергнуть. Кроме того, некоторые недействительные сделки не становятся предметом спора в суде в связи с тем, что их совершение не посягает на чьи-либо права и законные интересы.

Так, К.И. Скловский обосновано указывает, что «недопустимо аннулирование сделок, в которых хоть и присутствует тот или иной порок, но без цели защиты прав и законных интересов субъектов права» [143, с. 76].

Рассматривая данный вопрос через призму законодательства о банкротстве, можно привести следующий пример. Пункт 1 статьи 61.2 Закона о банкротстве предусматривает возможность оспаривания сделки, совершенной по заниженной цене. Между тем, до признания должника банкротом обстоятельство нерыночности условий сделки не является пороком, позволяющим ее оспаривать. Более того, свобода установления условий сделки является неотъемлемой составляющей принципа свободы договора. Таким образом, неравноценность сделки становится пороком только в случае банкротства одной из ее сторон.

Классификация недействительных сделок. В гражданском законодательстве среди видов недействительных сделок выделяют оспоримые и ничтожные.

Недействительность ничтожной сделки не зависит от решения суда. Она считается недействительной по закону с момента её заключения и не влечёт правовых последствий.

В случае оспоримой сделки – она также может быть признана недействительной судом по иску заинтересованного лица. В этом случае она также считается недействительной с момента её совершения и не вызывает

правовых последствий. Однако без соответствующего обращения заинтересованного лица сделка будет иметь правовые последствия.

Предусмотренные Законом о банкротстве основания недействительности сделок влекут их оспоримость.

В зависимости от оснований недействительности сделки должника можно разделить на:

1) Оспариваемые по общим основаниям. Указанные основания предусмотрены в ГК РФ и в иных нормативных правовых актах.

Например, могут быть признаны недействительными крупные сделки, совершенные без согласия совета директоров (наблюдательного совета) или общего собрания акционеров, а также сделки с заинтересованностью (пункт 6 статьи 79, статья 84 Федерального закона от 26.12.1995 № 208-ФЗ «Об акционерных обществах») [6].

Кроме того, по требованию одного из супругов может быть признана недействительной сделка по распоряжению совместным имуществом, совершенная другим супругом без согласия второго, если другая сторона сделки знала или должна была знать об отсутствии согласия супруга на совершение сделки (абзац 2 пункт 2 статьи 35 СК РФ) [3].

2) Специальные основания оспаривания сделок, которые предусмотрены Законом о банкротстве. Согласно ему недействительными могут быть признаны:

а) подозрительные сделки, которые делятся на:

– неравноценные;

– сделки, совершенные с целью причинения вреда правам кредиторов.

б) сделки с предпочтением [20].

Кроме того, к специальным основаниям оспаривания сделок должника следует отнести также иные основания, содержащиеся в Законе о банкротстве [27]. В частности, к таким основаниям будут относиться совершение сделок, без требуемого законом согласия управляющего или собрания кредиторов.

При этом стоит отметить, что специальные основания признания сделок недействительными обладают определенными особенностями, отличающими их от общих оснований. В первую очередь, отличительной чертой будет являться наличие особого субъекта – лица, признанного несостоятельным (банкротом), в качестве одной из сторон сделки.

Кроме того, банкротному законодательству присущи особые пороки:

- неравноценность представления;
- причинение вреда кредиторам;
- оказание предпочтения.

Еще одной отличительной чертой является то, что указанные пороки не действуют сами по себе. Они приобретают правовое значение только при совершении сделки в предусмотренный законом временной период («период подозрительности» и «период предпочтительности»). Отправной точкой для отсчета указанных периодов является дата возбуждения дела о банкротстве.

Так, пункт 1 статьи 61.2 Закона о банкротстве устанавливает период подозрительности равный одному году; пункт 2 статьи 61.2 – трехлетний период подозрительности; пункт 2 статьи 61.3 устанавливает месячный период предпочтительности, в то время как пункт 3 указанной статьи содержит шестимесячный период предпочтительности.

Несмотря на очевидные различия специальных («банкротных») и общегражданских оснований для оспаривания сделок, в настоящее время существует проблема в разграничении составов для оспаривания. Особо остро эта проблема стоит в разграничении оснований для оспаривания по статье 61.2 Закона о банкротстве и по статьям 10 и 168 ГК РФ. Ведь от той или иной квалификации сделки будет зависеть срок исковой давности: для банкротных оснований он составляет 1 год, а для общегражданских – 3 года. Однако, указанной проблеме в правовой доктрине не уделяется должного внимания.

В 2014 году ВАС РФ указал, что применение общегражданских оснований возможно только в том случае, если в сделке имеются пороки,

выходящие за пределы пороков, указанных в Законе о банкротстве [35]. В противном случае применение общих положений недействительности к подозрительным сделкам позволит обходить периоды подозрительности, установленные Законом о банкротстве. Данная позиция не раз подтверждалась и ВС РФ [42; 51].

До настоящего времени ВС РФ не указал на обстоятельства, наличие которых позволит разграничить общегражданский состав оспоримости и специальные составы. В судебной практике также отсутствует единообразие в понимании того, какие дефекты могут выходить за рамки составов недействительности, предусмотренных Законом о банкротстве.

Например, в рамках одного из дел суды, применяя в качестве оснований недействительности статьи 10 и 168 ГК РФ, указали на то, что пороки сделки выходят за рамки диспозиции статьи 61.2 Закона о банкротстве, принимая во внимание, что сделка была совершена в условиях корпоративного конфликта [66]. Тем самым суды пришли к выводу, что сделки совершались с целью причинить вред миноритарным участникам общества, а не его кредиторам.

В связи с этим составы недействительности довольно сложно разграничить. Совокупность статей 10 и 168 ГК РФ говорит о недействительности сделки в связи с тем, что она используется с целью злоупотребить своими правами. В рамках дела о банкротстве злоупотребление правом кредиторы видят в том, что с помощью сделки должник отчуждает свои активы с целью избежать обращения взыскания на них. Однако такая квалификация полностью охватывается диспозицией пункта 2 статьи 61.2 Закона о банкротстве, так как ее целью является причинение вреда имущественным правам кредиторов.

Представляется, что оспаривание сделки на основании статей 10 и 168 ГК РФ в рамках конкурсного производства возможно только в случае, если она не затрагивает и не нарушает права кредиторов (иначе она должна оспариваться по пункту 2 статьи 61.2 Закона о банкротстве), но нарушает при этом права иных лиц.

С другой стороны, если мы признаем, что сделка не причиняет вред кредиторам, представляется, что они в таком случае не должны обладать правом на ее оспаривание, так как у них отсутствует материально-правовой интерес.

Говоря об отличии в квалификации сделки как недействительной по статьям 10 и 168 ГК РФ от пункта 2 статьи 61.2 Закона о банкротстве, А. Васильева выделяет наличие умысла причинить вред кредиторам у обеих сторон сделки [165, с. 58].

С этим утверждением нельзя в полной мере согласиться. Доказывание такого субъективного критерия как наличие у стороны сделки злого умысла крайне затруднительно. Вследствие чего разграничение составов по данному признаку будет являться малоэффективным.

Представляется, что пункт 2 статьи 61.2 Закона о банкротстве является специальным видом сделки со злоупотреблением правом, где злоупотребление причиняет вред кредиторам. Как справедливо отмечает Д.Д. Быканов, положения о подозрительных сделках постепенно «выкристаллизовывались» из положений статьи 10 ГК РФ [112, с. 213].

Вследствие этого, представляется, что в рамках процедуры банкротства различия между рассматриваемыми составами отсутствуют, так как любые нарушения прав кредиторов полностью охватываются пунктом 2 статьи 61.2 Закона о банкротстве. Между тем, оспаривание на основании статей 10 и 168 ГК РФ является внеконкурсным аналогом пункта 2 статьи 61.2 Закона о банкротстве.

По цели, преследуемой должником при совершении сделки, возможно выделить:

- 1) Недействительные сделки, направленные на вывод (уменьшение) имущества должника. Вред, который причиняется данными сделками кредиторам, очевиден: именно от размера активов должника зависит размер удовлетворения требований кредиторов. К ним относятся неравноценные сделки и сделки, причиняющие вред кредиторам.

2) Сделки, направленные на установление преимущественного положения одного кредитора перед другими. Вред указанного вида сделок заключается в том, что должником нарушается принцип равного и соразмерного удовлетворения требований кредиторов.

3) Недействительные сделки, совершенные с целью создания фиктивной задолженности. Данные сделки направлены на внедрение дружественных кредиторов в реестр требований кредиторов (далее – РТК) должника. Вред, который причиняется данными сделками, не так очевиден и прямым образом не наносит имущественный вред кредиторам. Однако, обладая преобладающим числом голосов на собрании кредиторов, дружественные кредиторы могут самостоятельно принимать решения выгодные для должника, тем самым во многом определяя ход процедуры банкротства.

В зависимости от процедуры банкротства, в которой могут быть оспорены сделки, предлагаем выделить:

1) Сделки, оспариваемые в наблюдении и финансовом оздоровлении. Общей чертой данных сделок является совершение их в отсутствии требующегося на то согласия арбитражного управляющего.

2) Сделки, оспариваемые во внешнем управлении и конкурсном производстве. Основания недействительности сделок, совершенных в указанных процедурах, приведены в главе III.1 Закона о банкротстве.

Резюмируя вышеизложенное, при рассмотрении вопросов о понятии и правовой природе недействительных сделок должника были сделаны следующие выводы. Введение в отношении одной из сторон сделки процедуры банкротства расширяет как перечень действий, которые могут быть признаны недействительными, так и круг оснований, по которым сделка может быть оспорена. С одной стороны, данное положение дестабилизирует гражданский оборот. С другой стороны, оно необходимо для защиты интересов кредиторов несостоятельного должника. Именно целью защиты интересов кредиторов лица, признанного банкротом, и обуславливается

правовая природа недействительных сделок, оспариваемых по законодательству о банкротстве.

1.2 Ретроспективный анализ развития правового регулирования оспаривания сделок должника в России

Проведение ретроспективного анализа развития правового регулирования оспаривания сделок в отечественном праве является необходимым для комплексного исследования данного явления. Такой анализ позволит отследить, какие изменения претерпевал объект исследования в разные периоды времени, а также связь происходящих изменений с социально-экономическим контекстом того или иного исторического периода.

В настоящей работе предлагается выделить три этапа развития правового регулирования института оспаривания сделок должника в отечественном праве:

- 1) период Российской Империи (дореволюционный период), продолжавшийся с XIX века до начала XX века;
- 2) советский период, который имел место с 1920 годов до 1990 годов;
- 3) современный период развития, длящийся с 1990 годов до настоящего времени.

Первые законодательные положения, позволяющие оспаривать сделки должника, были закреплены еще в дореволюционном праве. Так, Устав о банкротах, изданный в 1800 году, содержал раздел XII, состоящий всего из трех статей и запрещающий должникам производить платежи в уплату долга при наличии признаков несостоятельности и совершать фальшивые сделки [15].

Статья 103 Устава о банкротах устанавливала запрет на совершение сделок по уплате долга в пользу родственников и друзей, если должник понимал, что банкротство неминуемо. Как видно, указанная норма устанавливала два обстоятельства для запрета совершения сделки:

- а) должник должен был понимать, что банкротство неизбежно;
- б) сделка совершена в пользу заинтересованных лиц (родственников или друзей).

Фактически это положение является прародителем оспаривания сделок с предпочтением, которые в настоящее время регулируются статьей 61.3 Закона о банкротстве.

В соответствии со статьей 104 Устава о банкротах запрещалось совершать сделки по принятию на себя необоснованных обязательств, переписывать срок возврата долга для ускорения его возврата и закладывать имущество по уже имеющимся долгам.

Положения указанной статьи были направлены на пресечение недобросовестных действий должников, которые могли привести к выбытию имущества из конкурсной массы должника и созданию фиктивной задолженности, которая уменьшала бы процент удовлетворения требований добросовестных кредиторов.

Статья 105 Устава о банкротах фактически предусматривала последствия совершения действий, запрещенных статьями 103 и 104. Так, если указанные действия будут выявлены, то необоснованные требования кредитора должны быть уничтожены, а переданное имущество возвращено в конкурсную массу.

Кроме того, статья 43 Устава о банкротах предусматривала, что имущество жены должника не включается в конкурсную массу за исключением случаев, когда должник незаконно перевел на нее свои активы.

Таким образом, в Уставе о банкротах 1800 года были заложены основы конкурсного оспаривания сделок в России. На современном этапе указанные положения претерпели серьезные изменения, однако многие существенные характеристики сохранились.

В последствии в 1832 году был принят Устав о торговой несостоятельности [16]. Право на оспаривание сделок вытекало из положения статьи 56 Устава о торговой несостоятельности, согласно которой в состав

имущества должника включалось, в том числе недвижимое имущество, которое было отчуждено или заложено им в течение 10 лет до банкротства.

Согласно статьям 56 и 57 Устава о торговой несостоятельности для включения такого имущества в конкурсную массу должника должны были соблюдаться следующие требования:

- а) имущество заложено или отчуждено безвозмездно;
- б) на момент отчуждения долги, в результате которых возникла неплатежеспособность, в два раза превышали стоимость имущества должника;
- в) сделка совершена в отношении жены, детей или иных родственников.

При этом если отчуждение было произведено в пользу жены, детей или иных родственников сделка считалась безвозмездной.

Устав о торговой несостоятельности устанавливал, что такое имущество включается в состав конкурсной массы вследствие того, что на момент распоряжения имуществом должник из-за наличия задолженности перед кредиторами уже не являлся его собственником; оно по сути уже принадлежало кредиторам.

В этой связи нельзя не согласиться с мнением Г.Ф. Шершеневича о том, что положения Устава о торговой несостоятельности в части опровержения действий должника, совершенных в предбанкротный период, являются не совсем удачными [156, с. 72].

Действительно сложно согласиться с тем, что должник утрачивает право собственности на свое имущество и не может им распоряжаться. Указанное фактически свидетельствовало бы о том, что должник не может совершать и любые прибыльные для конкурсной массы сделки со своим имуществом.

Статья 58 Устава о торговой несостоятельности устанавливала обязательный судебный порядок рассмотрения вопроса о признании отчуждения имущества должника незаконным действием. Обстоятельства, описываемые в статьях 56 и 57 Устава о торговой несостоятельности, должны

были быть доказаны в суде и только суд мог признать сделки по распоряжению имуществом недействительными.

В качестве последствия признания сделок недействительными указанная статья предусматривала возврат отчужденного имущества в конкурсную массу должника.

Устав о торговой несостоятельности 1832 года с некоторыми изменениями действовал вплоть до революции 1917 года.

Рассмотренные выше положения касались конкурсного оспаривания сделок. В то же время в дореволюционный период существовали и положения, предусматривающие возможность внеконкурсного кредиторского оспаривания сделок должника.

С 1835 года начал действовать Свод законов Российской Империи, статья 1539 тома X которого признавала недействительными сделки, совершенные с целью фиктивной передачи имущества для неуплаты долга [17].

Таким образом, законодательство дореволюционного периода позволяло кредиторам оспаривать сделки должника вне процедуры банкротства.

В дальнейшем статья 1539 тома X Свода законов Российской Империи получила свое развитие путем внесения в нее изменений Законом от 03.07.1916.

Указанные изменения устанавливали, что правом на оспаривание сделки, причиняющей вред кредиторам, обладает всякий кредитор при наличии следующих условий:

- а) у кредитора имеется подтвержденное требование к должнику;
- б) обращение взыскания на имущество должника не дало результат или имеются основания полагать, что имущества должника не хватит для полного удовлетворения требований кредитора.

Изменения также конкретизировали какие сделки могут быть оспорены кредиторами. Так, оспариванию, согласно изменениям, подлежали:

«1) сделки, совершенные с намерением причинить вред своим кредиторам, при условии осведомленности противоположной стороны об этом намерении должника;

2) безвозмездные сделки, совершенные в течение 5 лет до предъявления иска кредитором или до объявления должника банкротом. Для указанного основания доказывание осведомленности получателя по сделке не требовалось;

3) безвозмездные сделки, совершенные в течение одного года до предъявления иска кредитором или до объявления должника банкротом, даже при отсутствии намерения должника причинить вред кредиторам» [18].

В юридической доктрине исследуемого периода также признавалось, что кредитор должен обладать способом защиты прав в ситуации, когда должник безвозмездно отчуждает имущество или наличествует осведомленность противоположной стороны сделки о причинении вреда [185, с. 217].

А.Х. Гольмстен выделял объективную и субъективную стороны совершения сделок во вред кредиторам. Объективная сторона заключается в уменьшении имущества должника, на которую кредитором могло быть обращено взыскание, а субъективная сторона – в намерении (умысле) должника причинить вред кредитору совершением сделки [124, с. 91-92]. При этом, по мнению А.Х. Гольмстена, факт безвозмездности сделки должен рассматриваться как неопровержимая презумпция наличия злого умысла [124, с. 134].

Закон от 03.07.1916 ввел применяемую в настоящее время опровержимую презумпцию осведомленности о намерении причинить вред кредиторам, если стороной сделки являлась связанным с должником лицом: «супругом (супругой); родственником самого должника и супруги (супруга) по прямой восходящей или нисходящей линии; усыновителем или усыновленным самого должника или его супруги (супруга); братом или

сестрой самого должника и его супруги (супруга); супругом (супругой) одного из упомянутых выше лиц» [18].

Примечательно, что сделка признавалась недействительной лишь в отношении кредиторов, инициировавших спор о ее оспаривании. В остальном сделка сохраняла свою юридическую силу при отсутствии иных оснований недействительности. Данное обстоятельство свидетельствует о применении в дореволюционном праве относительной модели оспаривания, которая будет подробно рассмотрена в параграфе 3.3.

Указанное положение соответствовало существующей европейской традиции права. Х. Коциоль, рассматривая вопросы оспаривания сделок, также указывал, что кредиторское оспаривание сделки должно влечь недействительность лишь в отношении кредитора, который эту сделку оспаривает [185, с. 201]. Действительно для остальных лиц, которые не имеют притязаний к имуществу должника, совершение сделки по отчуждению актива не влечет каких-либо негативных последствий.

В отношении последствия признания сделки недействительной также стоит отметить, что Закон от 03.07.1916 устанавливал, что сторона по оспоренной сделки вправе требовать возврата переданного имущества или уплаченной суммы только с самого должника.

Таким образом, первые основы оспаривания сделок, как способа защиты прав кредиторов, были заложены еще в дореволюционном праве. При этом дореволюционное право в отличие от действующего законодательства прямо предусматривало возможность кредиторского оспаривания сделок вне конкурсной процедуры.

В советский период из-за особенностей социально-экономического устройства, характерного для социалистического государства, правовому регулированию несостоятельности (банкротства) и институту оспаривания сделок, в частности, перестали уделять должное внимание.

Согласно статье 30 Гражданского кодекса РСФСР 1922 года недействительной признавалась сделка, «совершенная с целью, противной

закону или в обход закона, а равно сделка, направленная к явному ущербу для государства» [19].

При этом в качестве последствия недействительности сделки статья 147 Гражданского кодекса РСФСР 1922 года устанавливала взыскание в доход государства неосновательного обогащения, а не двустороннюю реституцию.

Следовательно, применение указанных норм не могло являться способом защиты прав кредиторов, так как установленное последствие недействительности не способствовало восстановлению нарушенных прав кредитора на отчужденное по недействительной сделке имущество.

В этой связи нельзя не согласиться с мнением профессора, заслуженного юриста России Г.Ф. Ручкиной, которая указывает, что законодательство советского периода прежде всего было направлено на защиту интересов государства и только потом кредиторов [141, с. 15].

Анализируя указанную норму и определяя границы ее применения, ученые-правоведы приходили к различным выводам. По мнению Н.В. Рабинович, указанная норма «имеет значение общей нормы о противозаконных по своему содержанию сделках» [137, с. 11].

Противоположную точку зрения высказывал Д.М. Генкин, который ограничительно толковал данную норму, и считал, что она применяется только к тем сделкам, которые нарушают установленный правопорядок [124, с. 226].

Судебная практика Верховного Суда РСФСР также исходила из широкого толкования статьи 30 Гражданского кодекса РСФСР и позволяла применять указанную норму к сделкам, совершенным во вред кредиторам [123, с. 15].

В дальнейшем постепенно происходил отказ от правового регулирования вопросов несостоятельности (банкротства) и оспаривания сделок должника, ввиду того что данные институты утрачивали свой практический смысл в условиях социалистического государства.

Современный этап развития правового регулирования оспаривания сделок должника получил свое начало с принятием Закона Российской Федерации от 19.11.1992 № 3929-1 «О несостоятельности (банкротстве) предприятий» [20], статья 28 которого устанавливала основания и последствия признания сделок недействительными.

Действующий Закон о банкротстве был принят в 2002 году и за время своего существования претерпел большие изменения в регулировании конкурсного оспаривания сделок. Изначально вопросу оспаривания сделок была отведена одна единственная статья (статья 103), которая аналогично предыдущим законам о банкротстве лишь перечисляла виды сделок, которые могут быть признаны недействительными.

Первой попыткой устранения правовой неопределенности в отношении конкурсного оспаривания сделок и установления единообразия его применения стало Постановление ВАС РФ от 30.04.2009 № 32 «О некоторых вопросах, связанных с оспариванием сделок по основаниям, предусмотренным Федеральным законом «О несостоятельности (банкротстве)» [26], в котором была обобщена практика применения статьи 103, разъяснен порядок оспаривания сделок и устранены некоторые пробелы, в частности:

- 1) было установлено, что арбитражный управляющий вправе оспаривать сделки должника от своего имени;
- 2) разъяснено, что в качестве сделок также могут быть оспорены действия по исполнению обязательств, в том числе банковские операции;
- 3) уточнен круг лиц, которые могут попадать под понятие заинтересованных лиц;
- 4) допущено применение статьи 10 ГК РФ в качестве основания для оспаривания сделки, направленной на нарушение прав кредиторов.

Указанные разъяснения во многом легли в основу редакции Закона о банкротстве от 28.04.2009, которая ввела отдельную главу, посвящённую оспариванию сделок, и придала данному способу защиты прав кредиторов

привычный для нас вид. Среди оснований оспаривания сделок были выделены подозрительные сделки и преференциальные сделки. Отдельная статья стала посвящена последствиям признания сделок недействительными. Был закреплен порядок рассмотрения заявления о признании сделки недействительной, а также круг лиц, обладающих правом инициировать оспаривания.

В таком виде конкурсное оспаривание сделок должника сохранилось до настоящего времени с незначительными изменениями. Наиболее существенным из них – введение редакцией Федерального закона от 22.12.2014 № 432-ФЗ пункта 2 в статью 61.9 Закона о банкротстве, в соответствии с которым конкурсные кредиторы, обладающие более 10% размера кредиторской задолженности от общего размера реестра, получили возможность самостоятельно подавать заявление о признании сделки недействительной.

Между тем, несмотря на достаточно динамичное развитие правового регулирования конкурсного оспаривания сделок, отечественный законодатель после советского периода забвения банкротного права упустил из своего поля зрения внеконкурсное оспаривание сделок, возможность которого признавалась и прямо закреплялась в дореволюционном праве.

Объективная потребность в его применении привела к формированию механизма внеконкурсного кредиторского оспаривания на уровне судебной практики. Из-за отсутствия законодательно закрепленного механизма кредиторского оспаривания вне рамок банкротства правовым механизмом для судов стало применение статей 10 и 168 ГК РФ, на основании которых суд может признать сделки, направленные на отчуждение имущества, недействительными, так как они совершены со злоупотреблением правом [61]. В свою очередь, злоупотребление правом заключается в том, что должник намеренно отчуждает имущество с той лишь целью, чтобы на него нельзя было обратить взыскание.

Первая предпосылка к формированию института внеконкурсного оспаривания возникла в Информационном письме Президиума ВАС РФ от 25.11.2008 № 127 «Обзор практики применения арбитражными судами статьи 10 Гражданского кодекса Российской Федерации» [109]. Так, в пункте 10 указывалось на ничтожность заключенного гражданином договора доверительного управления его имуществом, на основании статьи 168 ГК РФ, поскольку при его заключении было допущено нарушение требований статьи 10 ГК РФ, а целью договора было сокрытие активов от обращения на них взыскания по требованиям кредиторов (*animus fraudandi*).

Позднее ВАС РФ подтвердил возможность применения статей 10 и 168 ГК РФ для оспаривания сделки должника, если она была направлена на нарушение имущественных прав кредиторов [26]. Однако указанные разъяснения были даны только применительно к конкурсному оспариванию сделок.

В дальнейшем данное положение нашло свое отражение в пункте 4 постановления Пленума ВАС РФ от 23.12.2010 № 63, в котором указано, что наличие специальных оснований для признания сделки недействительной не препятствует оспариванию сделки на основании статей 10 и 168 ГК РФ, если при ее совершении должником допущено злоупотребление правом [27].

Однако долгое время этот механизм практически не применялся в судебной практике. Только начиная с 2014 года ВС РФ стал активно рассматривать дела о признании недействительными договоров на основании статей 10 и 168 ГК РФ, формируя в России институт внеконкурсного оспаривания.

В 2015 году ВС РФ разъяснил, что сделка, нарушающая положения статьи 10 ГК РФ, может быть признана судом недействительной в силу статьи 168 ГК РФ [28].

Так, рассматривая вопрос о недействительности договоров купли-продажи долей в уставном капитале общества за 10 000 рублей, ВС РФ указал, что заявленные истцом доводы о заключении оспариваемых договоров

при злоупотреблении правом не были должным образом исследованы нижестоящими судами. ВС РФ указал, что презумпция добросовестности сторон является опровержимой и дал указание как следует распределять бремя доказывания в подобных спорах. В случае если истец привел достаточно убедительные аргументы относительно недобросовестности сторон при заключении договоров, бремя доказывания обратного переходит на ответчиков [36].

Аналогичный подход нашел отражение и в практике Судебной коллегии по гражданским делам ВС РФ. При рассмотрении в рамках внеконкурсного оспаривания договора дарение имущества близкому родственнику, ВС РФ указал, что «при рассмотрении исковых требований о признании договора недействительным в связи со злоупотреблением правом ... необходимо решить: соответствует ли цель совершения оспариваемой сделки цели, обычно преследуемой при заключении аналогичных сделок, влечет ли совершенная сделка негативные последствия для третьих лиц, имеются ли у сторон сделки обязательства перед иными лицами и создаст ли оспариваемая сделка препятствия для исполнения указанных обязательств» [37].

В 2015 году законодателем также была предпринята попытка закрепить институт внеконкурсного оспаривания в Федеральном законе от 02.10.2007 № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве» (далее – Закон об исполнительном производстве) [110].

Законопроект предусматривал обязанность судебного пристава-исполнителя в течение двух месяцев с момента возбуждения исполнительного производства выявлять недействительные сделки должника и предпринимать действия по их оспариванию. Основания недействительности фактически дублировали основания, закрепленные в Законе о банкротстве. Право на оспаривание сделки закреплялось за взыскателем и самим должником (что весьма спорно, учитывая принцип эстоппеля). Однако указанный законопроект подвергся жесткой и справедливой критике в связи с тем, что:

1) вопросы оснований и последствий недействительности сделок должны регулироваться ГК РФ, а не Законом об исполнительном производстве;

2) порядок рассмотрения заявления, процессуальные права и обязанности лиц, участвующих в споре, должны регулироваться процессуальным законодательством, а не Закон об исполнительном производстве;

3) законопроект не предусматривал, что оспаривание сделок в исполнительном производстве возможно только в случае, если иные мероприятия исполнительного производства не привели к результату. Отсутствие такого положение явно нарушало баланс интересов и могло привести к дестабилизации гражданского оборота;

4) законопроект предусматривал оспаривание предпочтительных сделок в исполнительном производстве, что недопустимо, так как предпочтение может быть оказано только в условиях, когда у должника отсутствует имущество, чтобы рассчитаться со всеми своими кредиторами. Оспаривание по этому основанию должно допускаться только в условиях подтвержденной несостоятельности должника в рамках дела о его банкротстве;

5) не учитываются процессуальные особенности внеконкурсного оспаривания сделок и не разрешаются вопросы о соотношении конкурсного и внеконкурсного оспаривания.

В этой связи законопроект был направлен на доработку, а впоследствии и вовсе снят с рассмотрения.

В 2020 году Пленум ВС РФ еще раз подтвердил возможность внеконкурсного оспаривания по иску кредитора, в случае если сделка нарушает его законные интересы, применительно к должникам, в отношении которых действует мораторий на возбуждение дел о банкротстве [30].

На сегодняшний день практика внеконкурсного оспаривания продолжает развиваться и применяться судами, а понятие «внеконкурсное оспаривание» стало прямо употребляться в судебных актах [61; 64].

Таким образом, формирование правового регулирования оспаривания сделок должника прошло длинный и сложный путь, который условно можно разделить на три этапа. Первый – дореволюционный период, характеризующийся становлением первых норм, регулирующих оспаривание сделок. При этом кредиторское оспаривание признавалось и вне рамок банкротства. Второй этап – советский характеризуется постепенным отказом от правового регулирования оспаривания сделок должника и фактически привел к утрате достижений дореволюционного права. Отличительной чертой третьего – современного этапа является динамичное развитие и детальная регламентация применения оспаривания сделок, как способа защиты прав кредиторов.

Между тем, такой важный элемент кредиторского оспаривания сделок как оспаривание сделок вне дела о банкротстве не находит законодательного закрепления вплоть до настоящего момента. Дореволюционный опыт в вопросе правового регулирования внеконкурсного оспаривания может послужить основой для возрождения указанного способа защиты прав кредиторов в современном законодательстве.

1.3 Место института оспаривания сделок должника в системе способов защиты прав кредиторов

В юридической литературе справедливо отмечается, что «в российской национальной модели правового регулирования несостоятельности (банкротства) защите прав кредиторов отводится большее внимание, чем защите прав должников» [191]. При этом очевидно, что наличие эффективных способов защиты прав различных участников дела о банкротстве (в том числе кредиторов) способствует достижению целей правового регулирования банкротства.

До рассмотрения особенностей отдельных способов защиты прав кредиторов и места оспаривания сделок среди них, необходимо определить содержание понятия защиты прав кредиторов.

Ученые-правоведы дают различные определения. Т.И. Илларионова под защитой прав понимает «предусмотренный законом принудительный способ реализации прав, направленный на восстановление их в случае нарушения, который обеспечивается компетентными органами или уполномоченным лицом» [150, с. 39].

Указанное определение нельзя назвать полным, так как защита прав может быть направлена не только на восстановление уже нарушенного права, но и на предотвращение их нарушения в будущем.

С этой точки зрения более точным представляется подход к определению защиты прав кредиторов, данный И.А. Толмачевым. По его мнению, защита прав кредиторов представляет собой «принятие мер по восстановлению и признанию гражданских прав, защите интересов в случае их оспаривание или нарушения» [201, с. 132]. Как мы видим, И.А. Толмачев помимо направленности защиты права на его восстановление делает также акцент и на защите интересов в случае их нарушения.

Л.О. Красавчикова, рассматривая различия охраны прав от защиты прав, указывает, что «охрана прав направлена на предотвращение наступления негативных последствий, а защита прав – на восстановление нарушенного права, устранение влияния негативных последствий нарушения права или недопущение оспаривания права» [117, с. 15].

Несмотря на то, что подходы к определению понятия «защита прав» у авторов разнятся, ряд признаков находит отражение в каждом из понятий:

- 1) защита прав представляет собой установленные законом меры;
- 2) данные меры направлены на восстановление нарушенных прав, недопущение нарушения прав, а также устранение негативных последствий, связанных с нарушением прав;

3) защита прав происходит посредством обращения в компетентный орган или к уполномоченному лицу.

Как указывает профессор Т.П. Шишмарева, защита прав кредиторов в процедурах банкротства происходит «с учетом особенностей, установленных Законом о банкротстве» [204, с. 46], а «способы защиты прав кредиторов определены судебным характером процедуры» [204, с. 46].

На основании вышеизложенного под защитой прав кредиторов следует понимать принятие кредиторами предусмотренных законом мер, направленных на восстановление нарушенных прав, недопущение нарушения прав, а также устранение негативных последствий, связанных с нарушением прав кредиторов.

Соответственно под способами защиты прав кредиторов в настоящей работе понимаются предусмотренные законом меры, с помощью которых кредиторы могут защищать свои права в деле о банкротстве.

Помимо оспаривания сделок должника Закон о банкротстве предусматривает и иные механизмы, с помощью которых кредиторы могут защитить свои права. Для того, чтобы в полной мере оценить значение института оспаривания сделок должника как способа защиты прав кредиторов, необходимо проанализировать его место в системе способов защиты прав кредиторов и его взаимосвязь с другими способами защиты прав.

В статье 12 ГК РФ названы способы защиты гражданских прав. Указанные способы защиты являются универсальными и безусловно могут применяться и для защиты прав кредиторов.

В свою очередь, Закон о банкротстве предусматривает ряд специальных способов защиты прав кредиторов, а также развивает способы защиты, установленные в статье 12 ГК РФ. При этом отдельная статья, которая бы называла способы защиты прав кредиторов, применяемые в деле о банкротстве, отсутствует. Фактически указанные способы «разбросаны» по всему Закону о банкротстве.

Таким образом, в рамках настоящего параграфа предлагается рассмотреть (помимо оспаривания сделок) такие способы защиты прав кредиторов как:

- 1) заявление кредитором своих требований о включении задолженности в РТК;
- 2) заявление возражений против необоснованных требований кредиторов и экстраординарное обжалование судебных актов, на которых требования основаны;
- 3) привлечение к субсидиарной ответственности контролирующих лиц;
- 4) участие в собрании кредиторов;
- 5) подача жалобы на арбитражного управляющего.

Рассмотрим подробнее каждый из указанных способов защиты прав кредиторов и установим их взаимосвязь с оспариванием сделок должника.

1) Первым способом защиты прав кредиторов, который, фактически, предваряет остальные, является заявление кредитором своих требований в РТК должника.

Как указано в пункте 13 Постановления Пленума ВАС РФ от 15.12.2004 № 29 «О некоторых вопросах практики применения Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)»: «предъявление не подтвержденных судебным актом требований кредиторов, вступающих в дело о банкротстве, – один из способов судебной защиты гражданских прав» [25].

Порядок установления требований кредиторов в рамках процедуры наблюдения закреплен в статье 71, а также в статье 100 Закона о банкротстве для процедур внешнего управления и конкурсного производства.

По результатам рассмотрения заявления арбитражный суд выносит определение о включении либо об отказе во включении требований в РТК. Включение требований кредитора в РТК наделяет его статусом конкурсного кредитора и дает ему право голосовать на собраниях кредиторов и участвовать в распределении конкурсной массы должника.

Именно по результатам реализации кредитором данного способа защиты своих прав, у него возникают правовые основания для защиты своих прав с помощью других перечисленных выше способов защиты прав, в том числе право на оспаривание сделок в рамках дела о банкротстве.

Так, заявление об оспаривании сделки может быть подано конкурсным кредитором, если размер задолженности перед ним включен в РТК и составляет более 10%.

Как мы видим, для защиты своих прав посредством оспаривания сделок требования кредитора должны быть включены в РТК. Таким образом, имеется прямая взаимосвязь двух способов защиты прав кредиторов. Защита кредитором своих прав посредством конкурсного оспаривания сделок без включения его требований в РТК должника невозможна.

2) Заявление возражений против требований конкурирующих кредиторов и экстраординарное обжалование судебных актов, на которых основаны требования кредиторов, заявленные в деле о банкротстве. Указанные способы защиты прав кредиторов направлены на предотвращение включения в РТК должника необоснованных требований. Существование данных способов защиты прав обусловлено тем, что необоснованные требования кредиторов увеличивают общий объем РТК, в результате чего добросовестные кредиторы получают меньший процент удовлетворения своих требований.

В этой связи нельзя не согласиться с утверждением о том, что создание должником искусственного долга в преддверии неплатежеспособности для последующего включения его в РТК является распространенным способом уклонения от расчетов с кредиторами [212, с. 3].

Право на заявление возражений приобретают кредиторы, предъявившие свои требования к должнику в установленном законом порядке. При этом закон ограничивает временной период заявления возражений тридцатью календарными днями со дня окончания срока на предъявление требований кредиторов [7].

Заявление кредитора об отмене судебного акта, подтверждающего взыскание задолженности с должника, рассматривается как заявление о пересмотре решения по вновь открывшимся обстоятельствам. Закон позволяет кредиторам представлять новые доказательства в обоснование своей позиции и заявлять новые доводы.

Взаимосвязь указанных способов защиты прав кредиторов с оспариванием сделок прослеживается в следующем. Кредитор, возражающий против включения в РТК должника необоснованных требований иного кредитора или обращающийся с экстраординарным обжалованием судебного акта, вправе основывать свои возражения на недействительности договора, являющегося основанием требований.

Например, должники зачастую заключают с аффилированными лицами мнимые договоры займа, для того чтобы создать видимость кредиторской задолженности и включить в реестр «дружественного» кредитора. В таких случаях суды при наличии обоснованных возражений кредиторов, отказывают во включении требований в РТК [59; 60].

Так в рамках одного из дел рассматривалось заявление о включении требований в реестр, которое было основано на договоре поручительства, заключенном должником. Суды признали договор поручительства недействительным ввиду отсутствия экономической целесообразности в его заключении. Так, он был подписан обществом, когда основным должник уже являлся неплатежеспособным. В результате во включении требований в РТК было отказано [68].

Таким образом, одновременно с рассмотрением заявления о включении требований в РТК суд рассматривает возражения относительно действительности сделки, на которой основаны заявляемые кредитором требования. В случае признания сделки недействительной суд может отказать во включении требований в реестр.

3) Еще одним способом защиты прав кредиторов является привлечение контролирующих должника лиц к субсидиарной ответственности.

Как указывает О.М. Свириденко, субсидиарная ответственность является экстраординарным способом защиты нарушенных прав кредиторов [192, с. 19].

С данным утверждением нельзя не согласиться. Экстраординарность данного способа заключается в том, что его применение возможно в исключительных случаях, так как его правовая природа заключается в отступлении от принципа ограниченности ответственности и обособления имущества юридического лица от имущества контролирующих лиц, а также от принципа защиты управленческих решений руководителей организации.

В силу статьи 61.14 Закона о банкротстве подать соответствующее заявление могут: арбитражный управляющий, конкурсные кредиторы, уполномоченный орган, представитель работников должника, работники и бывшие работники должника, перед которыми имеется задолженность [7].

Как видно, правом на подачу заявления о привлечении к субсидиарной ответственности наделяются конкурсные кредиторы независимо от объема их требований, включенных в реестр. Количественный критерий, установленный для наделения кредитора правом оспаривать сделки, не применяется.

Кроме того, указанный способ защиты может быть реализован в любой процедуре банкротства в отличие от оспаривания сделок, которое допустимо только во внешнем управлении и конкурсном производстве.

Говоря о взаимосвязи указанных способов защиты прав кредиторов, необходимо отметить следующее. Контролирующее лицо может быть привлечено к субсидиарной ответственности, в случае если полное погашение требований кредиторов невозможно в результате его действий. При этом одним из обстоятельств, свидетельствующим о том, что именно действия привлекаемого лица повлекли невозможность полного удовлетворения требований кредиторов, является совершение им сделок, причинивших существенный вред кредиторам.

Так, в рамках одного из дел суды привлекли генерального директора к субсидиарной ответственности, указав в числе прочего, что ранее суды

признали недействительными сделки с четырьмя различными контрагентами, которые причинили вред кредиторам [104].

Таким образом, наличие оснований для привлечения к субсидиарной ответственности в отдельных случаях ставится в зависимость от совершения сделок, причиняющих вред кредиторам. Оспоренная кредитором сделка становится «кирпичиком», который ложится в основание для привлечения контролирующих лиц к субсидиарной ответственности.

4) Право на участие в собрании кредиторов является одним из важнейших прав кредитора в деле о банкротстве. Правовая природа данного способа защиты права заключается в том, что кредитор приобретает организационные права, связанные с участием в определении юридической судьбы должника [122, с. 38]. Реализация указанного права позволяет кредиторам принимать ключевые решения, касающиеся деятельности должника, например: выбирать применяемую процедуру банкротства, утверждать положение о порядке продажи имущества, избирать арбитражного управляющего.

В этой связи нельзя не отметить позицию профессора М.Н. Илюшиной, которая указывает, что решение собрания кредиторов является одним из наиболее важных юридических фактов в делах о несостоятельности [178, с. 42]. Указанное право возникает у кредитора с момента включения его требований в РТК.

Взаимосвязь указанного способа защиты прав с оспариванием сделок можно установить в том, что решение собрания кредиторов может послужить основанием для обращения арбитражного управляющего в суд с заявлением о признании сделки недействительной. При этом если он не исполнит принятое собранием кредиторов решение, то с соответствующим заявлением может обратиться представитель собрания кредиторов.

5) Подача жалобы на арбитражного управляющего. Существование данного способа защиты прав кредиторов обусловлено необходимостью

осуществления контроля за деятельностью арбитражного управляющего, так как его действия могут причинить вред правам кредиторов.

Указанный способ защиты прав кредиторов также имеет связь с институтом оспаривания сделок. Например, если арбитражный управляющий не обратился с заявлением об оспаривании сделки, кредитор имеет право подать в арбитражный суд жалобу на его бездействие на основании статьи 60 Закона о банкротстве. Если требования кредитора будут удовлетворены, то суд может отстранить арбитражного управляющего.

Таким образом, с помощью указанного способа защиты прав кредиторов могут контролировать деятельность арбитражного управляющего, в том числе пресекать его бездействие, выражающееся в неоспаривании недействительных сделок должника.

Рассмотрев основные способы защиты прав кредиторов, а также их взаимосвязь с оспариванием сделок должника, предлагается выделить основные отличительные особенности оспаривания сделок как способа защиты прав кредиторов.

1) Универсальный характер. Оспаривание сделок является способом защиты прав кредиторов, который применяется в делах о банкротстве как юридических, так и физических лиц. Указанное отличает его от защиты прав посредством привлечения контролирующих лиц к субсидиарной ответственности, применяемого исключительно в делах о банкротстве юридических лиц.

2) Установлено особое требование к объему голосов у кредитора для получения права инициировать оспаривание сделки. Как указывалось выше, таким правом обладают только кредиторы, чьи требования превышают 10% общего объема требований кредиторов. Ни для одного из рассмотренных способов защиты прав кредиторов подобные ограничения по размеру требований не установлены. Указанный порог необходим для ограничения чрезмерного и несогласованного оспаривания сделок, которое может привести к затягиванию рассмотрения дела о банкротстве.

3) Основной целью является пополнение конкурсной массы. На эту цель неоднократно указывал и ВС РФ [55]. При этом если удовлетворение заявления о признании сделки недействительной не приведет к достижению указанной цели, то суд может отказать в признании сделки недействительной, даже если для этого есть все основания [79].

4) Является судебным способом защиты права. Реализация указанного способа защиты происходит посредством предъявления соответствующего заявления в суд. Это отличает оспаривание сделки от защиты прав путем участия в собрании кредиторов, которое реализуется во внесудебном порядке.

5) Заявление об оспаривании сделки «представляет собой групповой косвенный иск» [63]. Указанный иск предъявляется не в интересах конкретного лица, а в интересах конкурсной массы должника. Эта особенность отличает оспаривание сделок должника от иных рассмотренных способов защиты прав кредиторов, не считая привлечение к субсидиарной ответственности контролирующих лиц.

6) Ограничение применения по процедурам банкротства. Применение такого способа защиты прав кредиторов как конкурсное оспаривание сделок невозможно в процедурах наблюдения и финансового оздоровления. В отличие, например, от привлечения к субсидиарной ответственности и подачи жалобы на арбитражного управляющего, которые применяются независимо от процедуры банкротства. Ограничение применения в зависимости от применяемой процедуры связано с необходимостью соблюдения баланса между правами кредиторов и стабильностью гражданского оборота.

Таким образом, способы защиты прав кредиторов представляют собой предусмотренные законом меры, с помощью которых кредиторы могут защищать свои права в деле о банкротстве, а именно: восстановить нарушенные права, не допустить нарушение своих прав, а также устранить негативные последствия, связанные с нарушением своих прав. Закон о банкротстве предусматривает ряд специальных способов защиты прав кредиторов.

Проведенный анализ способов защиты прав кредиторов и установление их взаимосвязи с оспариванием сделок должника позволили определить место оспаривания сделок должника в системе способов защиты прав кредиторов, а также выявить отличительные особенности оспаривания сделок должника как способа защиты прав кредиторов. Среди таких особенностей предлагается выделить:

- 1) универсальный характер;
- 2) наличие количественного порога по объему требований для кредиторов;
- 3) направленность на пополнение конкурсной массы;
- 4) судебный характер защиты;
- 5) является групповым косвенным иском;
- 6) ограниченность использования в зависимости от применяемой процедуры банкротства.

Глава 2

Особенности конкурсного и внеконкурсного оспаривания сделок должника, как способов защиты прав кредиторов

2.1 Понятие, правовая природа конкурсного и внеконкурсного оспаривания сделок должника, как способов защиты прав кредиторов

При рассмотрении кредиторского оспаривания сделок должника становится очевидным, что оно затрагивает противоположные по своей сути права и интересы разных лиц [161, с. 52]:

- 1) право кредитора требовать от должника исполнение денежного обязательства, в том числе за счет принадлежащего должнику имущества;
- 2) право должника на свободное заключение договоров;
- 3) право контрагента должника по оспариваемой сделке на стабильность гражданских правоотношений.

Конкуренция указанных прав поднимает закономерный вопрос: почему и при каких условиях право кредитора на взыскание задолженности может ставиться выше, чем права и интересы иных лиц?

Многие отечественные и зарубежные ученые предпринимали попытки дать теоретическое обоснование правовой природе оспаривания кредитором сделок должника. Иными словами, дать ответ на вопрос: на чем основано право кредитора вторгаться в чужие правоотношения и расторгать сделки, умаляя тем самым основополагающие принципы гражданского права о свободе договора и нарушая стабильность гражданского оборота? В связи с этим было выработано множество теорий оспаривания сделок, которые нами будут подробно рассмотрены ниже.

Для того чтобы дать ответ на данный вопрос, в первую очередь рассмотрим понятие оспаривания сделок в общем, а также понятия конкурсного оспаривания и внеконкурсного оспаривания сделок.

Законодательно закрепленные определения указанных понятий отсутствуют. Т.П. Шишмарева называет оспаривание сделок «способом противодействия выводу активов должника» [205, с. 74].

По мнению С.А. Кузнецова, оспаривание сделок «представляет собой лишь средство достижения целей отдельных процедур банкротства и института банкротства в целом (соразмерное удовлетворение требований кредиторов и восстановление платежеспособности должника)» [135].

В.Г. Федоров указывал, что «оспаривание сделок представляет собой требование, обращенное к третьему лицу, о возвращении в пользу кредитора или конкурсной массы той материальной ценности, которую это лицо получило от должника по сделке, совершенной во вред неудовлетворенных кредиторов» [152, с. 14].

Анализ указанных позиций ученых позволяет выделить ключевые признаки оспаривания сделок должника:

- является способом защиты прав кредиторов;
- достигается путем признания сделки недействительной;
- направлено на пресечение недобросовестного поведения должника;
- целью является возврат отчужденного имущества.

Дореволюционный отечественный правовед А.Х. Гольмстен выделял три теории оспаривания: деликтную, теорию исключительной охраны интересов кредиторов (легальная) и теорию исполнительной силы судебного решения [124, с. 20]. В.Г. Федоров дополнительно выделял квазиделиктную, французскую залоговую теорию и судебную-залоговую теорию оспаривания [152, с. 16-17].

Рассмотрим каждую из них более детально.

Суть деликтной теории, выдвинутой в свое время немецкими учеными Отто и Шульце, заключается в том, что право кредитора оспаривать сделки основано на совершенном должником и его контрагентом деликте (правонарушении). Согласно указанной теории, правонарушение заключается в намеренном причинении вреда имущественным правам кредитора.

Презюмируется, что контрагент должника, вступая с ним в правоотношения и получая от него имущество, злонамеренно действует против интересов кредиторов. Г.Ф. Шершеневич, критикуя указанную теорию, отрицал возможность рассматривать сделки, совершенные должником, как правонарушение [155, с. 235].

Действительно, если считать, что право кредитора оспаривать сделки основано на деликте, то возникает ряд противоречий. Во-первых, признание действий должника и его контрагента деликтом влечет за собой полную утрату юридической силы оспариваемого действия как в отношении кредитора, его оспаривающего, так и в отношениях между должником и его контрагентом. Вопреки указанным выводам, отношения между должником и его контрагентом при опровержении сделки сохраняются. Например, у контрагента, уплатившего должнику денежные средства по оспоренному договору, сохраняется право требовать их возврат. Если же в основе оспаривания сделок лежал деликт, то подобного права не возникало бы.

Во-вторых, если признать, что в основании права кредитора оспаривать сделку лежит деликт, то в качестве последствий опровержения действия должника следовало бы вести речь о возмещении причиненных убытков, в то время как в действительности мы имеем возврат отчужденного имущества.

Согласно квазиделиктной теории, в действиях контрагента хоть и не усматривается прямого злого умысла, но они рассматриваются как таковые, в связи с чем подлежат оспариванию.

Как указывает А.А. Аюрова, основной недостаток указанной теории «заключается в отсутствии в современной доктрине четкого определения самой конструкции квазиделикта, что не позволяет взять ее за основу при попытке найти основание предусмотренного действующим законом института» [163, с. 57].

Суть теории исключительной охраны интересов кредиторов заключается в том, что в силу закона между кредитором и контрагентом должника, получившим от него имущество по сделке, возникает особое

обязательственное правоотношение, в рамках которого кредитор имеет право требовать отчужденное должником имущество от лица, которое его получило.

Среди представителей указанной теории можно назвать немецких ученых М.Э. Экциус и К. Козака. По мнению первого, такое обязательство основывается на том, что кредитор вправе требовать возвращения имущества, потому что такое имущество может рассматриваться как неотчужденное. По мнению второго, это особое обязательство лежит на всех приобретателях имущества банкрота, так как общим назначением этого имущества является удовлетворение требований кредиторов [124, с. 32-33].

По мнению Г.Ф. Шершеневича, указанная теория «лишь утверждает, что право опровержения не основывается ни на договоре, ни на правонарушении. Закон есть основание всех прав и обязанностей, обязанности, вытекающие из договора и из правонарушения, в конце концов, основываются на законе» [155, с. 260].

Среди существенных недостатков этой теории можно выделить абсолютное игнорирование субъективного элемента, а именно злонамеренность действий контрагента. В отличие от деликтной теории, где субъективный элемент выходит на передний план, теория исключительной охраны интересов кредиторов как бы абстрагируется от него. В результате этого указанная теория не делает никакого различия в ответственности лиц, действующих при осведомленности о злонамеренной цели, которую преследует должник при заключении сделки и лиц, которые об этой цели не знали и не могли знать.

Согласно теории исполнительной силы судебного решения, право кредитора требовать признания сделки должника недействительной является продолжением права требовать взыскания с должника и по сути своей является одной из стадий исполнительного процесса. Указанное право направлено на то, чтобы сделать взыскание с должника осуществимым, вернув его имущество. В силу этого такой иск является требованием об исполнении судебного акта и носит вещный характер. По мнению Гартмана,

придерживавшегося указанной теории, должник «как бы продолжает владеть этими объектами, в силу чего по отношению к ним и применяется взыскание» [124, с. 41].

Критикуя указанную теорию, А.А. Аюрова отмечает, что на сегодняшний день взгляд на конкурсное производство как на стадию исполнительного производства устарел [163, с. 58]. Между тем, представляется неверным отождествление конкурсного производства с правом на оспаривание сделок. Оспаривание сделок должника по заявлению кредитора может происходить и без возбужденного в отношении должника дела о банкротстве.

В непосредственной связи с указанной теорией находится французская залоговая теория, согласно которой кредитору принадлежит вещное право на имущество должника. Указанной теории придерживался И.И. Карницкий, который считал, что лицо, принимая на себя определенные обязательства, должно ограничивать себя в распоряжении имуществом. По его мнению, с момента принятия должником на себя определенных обязательств, его имущество становится обеспечением их исполнения [182].

Развивая указанную теорию, А.Х. Гольмстен выдвинул теорию судебного залога (судебно-залоговая теория). Он соглашается с исходными началами теории исполнительной силы судебного акта и признает, что право кредитора на оспаривание сделок должника является средством взыскания. При этом ученый ведет речь о том, что с момента взыскания в пользу кредитора задолженности с должника возникает особая форма залога – судебный залог [124, с. 51]. Так, по мнению А.Х. Гольмстена, суд, взыскивая задолженность, фактически запрещает должнику отчуждать имущество в указанном размере. Кроме того, судебному праву залога ученый придает обратную силу с момента его установления (взыскание задолженности) до момента совершения оспариваемой сделки. В связи с этим, разрешается проблема характерная для французской залоговой теории, которая заключается в том, что если бы кредитор действительно имел залоговое право

на имущество должника, то он должен был быть ограниченным в своем праве распоряжаться имуществом. Таким образом, согласно судебно-залоговой теории, основанием оспаривания сделки является нарушение должником права судебного залога.

Итак, были проанализированы основные положения теорий кредиторского оспаривания сделок должника, а также выделены их недостатки. Основное положение теории исполнительной силы судебного решения, согласно которому право оспаривать сделки является продолжением права требовать взыскания задолженности, представляется наиболее верным. В подтверждение указанного тезиса можно вспомнить проект Федерального закона № 711269–6 «О внесении изменений в Федеральный закон «Об исполнительном производстве» [110], которым правом на оспаривание сделок планировалось наделить судебного пристава-исполнителя. Несмотря на то, что указанный законопроект не был принят, рассмотрение судебного пристава-исполнителя в качестве лица, полномочного оспаривать сделки должника, подтверждает наш основной вывод.

Между тем, возникновение указанного права обусловлено тем, что лицо, вступая в те или иные правоотношения, разумно полагается на наличие у его контрагента определенного объема имущества, с помощью которого можно будет удовлетворить свои требования в случае неисполнения обязательства. Следовательно, если должник намеренно уменьшает объем своего имущества, совершая сделки по его отчуждению, то такое недобросовестное поведение должника не должно иметь юридического действия в отношении кредитора. Это означает, что кредитор имеет право восстановить имущественное положение должника и удовлетворить свои требования из стоимости отчужденного имущества, как если бы оно не отчуждалось должником.

Теперь, когда было рассмотрено понятие и правовая природа оспаривания сделок должника, перейдем к рассмотрению более узких понятий: конкурсное оспаривание и внеконкурсное оспаривание сделок должника.

Е.Д. Суворов рассматривает понятие конкурсного оспаривания в двух значениях. В классическом – оно представляет собой «оспаривание сделок по специальным основаниям, предусмотренным Законом о банкротстве» [146, с. 11], в рамках которого защищаются исключительно права кредиторов. В широком – это «любое оспаривание сделок, инициированное в деле о банкротстве» [146, с. 11], в том числе направленное на защиту прав самого должника или его бенефициаров.

Согласно позиции Д.А. Жестовской, под конкурсным оспариванием понимается «опровержение юридических фактов и сделок в рамках возбужденного дела о банкротстве», а под внеконкурсным – «опровержение вне его рамок» [176].

Указанная позиция представляется не совсем точной. Конкурсное оспаривание допускается только в процедурах внешнего управления и конкурсного производства. Следовательно, не любое оспаривание, инициированное в рамках дела о банкротстве (например, в процедурах наблюдения или финансового оздоровления) можно отнести к конкурсному.

С этой точки зрения более верной представляется позиция И.В. Старцева, согласно которой конкурсное оспаривание «представляет собой оспаривание сделок должника в рамках конкурсного производства, то есть по основаниям, предусмотренным главой III.1 Закона о банкротстве» [195, с. 24], а внеконкурсное – «признание недействительной сделки, которая была совершена во вред кредитору, по иску данного кредитора вне рамок конкурсного производства» [195, с. 24].

О.М. Свириденко под внеконкурсным оспариванием понимает «оспаривание сделок в ущерб кредиторам еще до момента признания должника банкротом» [193, с. 1]. Между тем, в научной среде имеется и другая точка зрения. По мнению Д.О. Османовой, внеконкурсное оспаривание необходимо трактовать более широко и рассматривать как процесс установления злоупотребления при банкротстве [139]. С указанным мнением нельзя в полной мере согласиться. Рассмотрение внеконкурсного оспаривания

как процесса установления злоупотребления при банкротстве ограничивает его сферу действия, так как оно применяется и вне рамок дела о банкротстве. Представляется, что внеконкурсное оспаривание является лишь одним из способов пресечения злоупотребления правом.

Резюмируя вышеизложенные позиции ученых, предлагается:

1) разделять оспаривание сделок должника на конкурсное и внеконкурсное в зависимости от наличия возбужденной в отношении должника процедуры конкурсного производства (внешнего управления) на момент оспаривания сделки. Указанное деление является необходимым для определения круга лиц, обладающих правом на оспаривание сделки и требований, предъявляемых к ним. Кроме того, от указанного деления зависит выбор оснований для оспаривания сделки;

2) под конкурсным оспариванием понимать способ защиты прав кредиторов, реализуемый посредством признания сделок должника недействительными по правилам главы III.1 Закона о банкротстве;

3) под внеконкурсным оспариванием понимать способ защиты прав кредиторов, реализуемый посредством признания сделок должника недействительными по правилам параграфа 2 главы 9 ГК РФ вне рамок процедур внешнего управления и конкурсного производства.

Рассмотрев понятия «конкурсное оспаривание сделок должника» и «внеконкурсное оспаривание сделок должника» предлагаем выделить их общие и особенные характеристики.

Очевидно, что конкурсное и внеконкурсное кредиторское оспаривание имеют много схожего. Во-первых, они являются способами защиты прав кредиторов. Во-вторых, защита прав кредиторов и в том, и в другом случае достигается посредством признания сделки должника недействительной в судебном порядке. В-третьих, оба механизма преследуют одну цель – возврат активов должника.

Между тем, необходимо обратить внимание, на различия конкурсного и внеконкурсного оспаривания.

Во-первых, для реализации конкурсного оспаривания необходимым условием является введение в отношении должника процедуры конкурсного производства или внешнего управления.

Во-вторых, заявление о признании сделки недействительной в рамках конкурсного оспаривания подается и рассматривается в рамках дела о банкротстве, в то время как внеконкурсное оспаривание происходит по общим правилам о подсудности.

В-третьих, конкурсное оспаривание представляет собой групповой косвенный иск, так как подается в интересах конкурсной массы должника, а не отдельного кредитора. Отличие внеконкурсного оспаривания заключается в том, что иск подается кредитором с целью защиты исключительно собственных имущественных прав. Следовательно, внеконкурсное кредиторское оспаривание носит единоличных характер.

В-четвертых, можно констатировать, что при оспаривании сделок в конкурсном и внеконкурсном порядке различаются стандарты доказывания. Так как законодательно закрепленное определение понятия «стандарт доказывания» отсутствует, представляется необходимым для начала его раскрыть.

По мнению А.Г. Карапетова, под стандартом доказывания следует понимать «минимальную, пороговую степень субъективной уверенности судьи в истинности спорного факта, при которой суд должен прийти к выводу о достаточности доказательств и признании бремени доказывания выполненным» [180, с. 10].

А.А. Смола определяет стандарт доказывания как «совокупность критериев оценки доказательств, подлежащих применению судами при рассмотрении дел определенной категории и позволяющих, в частности, определить достаточность доказательств необходимой степени достоверности (для того или иного правового вывода)» [194].

ВС РФ признает стандарт доказывания критерием достаточности доказательств [47]. В рамках настоящей работы понятие «стандарт

доказывания» будет употребляться в значении минимально достаточного количества доказательств, необходимых для признания судом сделки недействительной.

В связи с этим следует признать, что стандарт доказывания для внеконкурсного оспаривания выше, чем в рамках конкурсного оспаривания. Это объясняется тем, что в рамках конкурсного оспаривания, когда в отношении должника уже открыто конкурсное производство, является очевидным тот факт, что имеющихся у должника средств недостаточно для погашения требований кредиторов, в то время как при внеконкурсном оспаривании кредитору надо доказать целесообразность нарушения стабильности гражданского оборота.

Но как мы видим и в том, и в другом случае при определенных обстоятельствах и с определенной спецификой кредитор может своей волей «порушить» сделки, заключенные должником с третьими лицами. Представляется, что внеконкурсное и конкурсное оспаривание имеют одинаковую правовую природу. Разница заключается в числе лиц, чьи права нарушаются сделкой. Если кредитор один и оспаривание происходит до признания должника банкротом, то это внеконкурсное оспаривание. Если имеется неопределенное количество кредиторов и оспаривание происходит после признания должника банкротом, то это конкурсное оспаривание.

Таким образом, на основе анализа доктринальных позиций ученых доказано, что под оспариванием сделок должника необходимо понимать способ защиты прав кредиторов, реализуемый посредством признания сделок должника недействительными, целью которого является возврат отчужденного имущества должника для удовлетворения требований кредиторов из стоимости указанного имущества.

Проведенный анализ различных теорий оспаривания сделок позволил предложить авторскую концепцию оспаривания. Так, обосновано, что право оспаривать сделки должника является продолжением права требовать взыскание. Между тем, в качестве обоснования возникновения указанного

права было предложено рассматривать разумные ожидания кредитора о наличии у должника определенного объема имущества, которое должник намеренно уменьшает путем совершения сделок.

Деление оспаривания сделок на конкурсное и внеконкурсное было предложено осуществлять в зависимости от наличия возбужденной в отношении должника процедуры конкурсного производства или внешнего управления на момент оспаривания сделки.

В результате проведенного исследования были выявлены основные различия конкурсного и внеконкурсного оспаривания по следующим критериям:

- 1) наличие / отсутствие определенной процедуры банкротства;
- 2) подсудность заявления о признании сделки недействительной;
- 3) круг лиц, чьи интересы защищаются;
- 4) обстоятельства, подлежащие доказыванию и стандарт доказывания.

2.2 Особенности правового статуса лиц, имеющих право на оспаривание сделок должника

Прежде всего необходимо установить, что включает в себя понятие правового статуса лица. Вопрос определения правового статуса лица не является дискуссионным и мнения ученых схожи в восприятии данного понятия.

По мнению А.Ю. Якимова, правовой статус представляет собой закрепленную в законе модель поведения, включающую в себя потенциальные права и обязанности лица [206, с. 6]. Л.П. Рассказов определяет правовой статус как совокупность прав, свобод и обязанностей лица, признанных и охраняемых государством [140, с. 149]. А.В. Красильников приходит к выводу, что правовой статус лица представляет собой систему прав, обязанностей и ответственности субъектов правоотношений [186, с. 48].

Рассматривая проблемы правового статуса конкурсных кредиторов в делах о банкротстве, К.Б. Кораев указывает, что основу правового статуса конкурсных кредиторов составляют их правовые возможности в конкурсных отношениях, а элементами их правового статуса являются принадлежащие им права и обязанности [134, с. 27].

К.Б. Кораев также выделил три основания для классификации правового статуса конкурсных кредиторов: 1) в зависимости от применяемой процедуры банкротства; 2) в зависимости от обеспеченности требований; 3) в зависимости от содержания правового статуса [134, с. 27].

Представляется, что указанную классификацию стоит дополнить таким основанием, как размер требований кредиторов. Данная классификация имеет особое значение в рамках рассматриваемой в настоящей диссертации темы, так как от размера требований кредитора зависит наличие у него права на конкурсное оспаривание сделок должника, что подробнее будет рассмотрено далее.

Как видно, ученые схожи в основных характеристиках понятия «правовой статус» лица. В рамках настоящего параграфа под правовым статусом лиц, имеющих право на оспаривание сделок должника, предлагаем понимать совокупность прав и обязанностей указанных лиц, а также совокупность предъявляемых к ним требований, необходимых для возникновения права на оспаривание сделок должника.

Статья 61.9 Закона о банкротстве содержит перечень лиц, наделенных правом подавать заявления об оспаривании сделок должника [7]. Рассмотрим подробнее особенности правового статуса указанных лиц.

Внешний или конкурсный управляющий как по своей инициативе, так и по решению собрания кредиторов или комитета кредиторов.

При этом арбитражный управляющий является профессиональным участником правоотношений, связанных с банкротством, и несет самостоятельную ответственность за принятие решений о необходимости оспаривания сделок. Его право оспаривать сделки не зависит от решения

собрания кредиторов [27]. Даже если собрание кредиторов приняло решение не оспаривать какую-либо сделку, неподача соответствующего заявления при наличии на то оснований может быть признана незаконным, а с управляющего могут быть взысканы причиненные убытки [101].

В то же время, управляющий должен оценивать эффективность мер по оспариванию сделки. При принятии решения об оспаривании сделки он должен прогнозировать потенциальный результат такого спора, а при возбуждении бесперспективных производств с управляющего также могут быть взысканы убытки [51].

Аналогичные по своей природе положения содержатся в статье 213.32 Закона о банкротстве, закрепляющей особенности оспаривания сделок в делах о банкротстве граждан, в которых право на оспаривание сделок возникает с даты введения процедуры реструктуризации долгов.

Право на подачу заявления об оспаривании сделок должника имеют также временный и административный управляющий, что подтверждается абзацем 2 пункта 1 статьи 66 и абзацем 7 пункта 4 статьи 83 Закона о банкротстве соответственно [7]. Однако данное право распространяется только на те сделки, которые совершены с нарушением порядка согласования сделок, необходимого в соответствующих процедурах и, по сути, к конкурсному оспариванию сделок не относится.

Таким образом, на правовой статус арбитражного управляющего в разрезе правоотношений по оспариванию сделок влияет применяемая в отношении должника процедура банкротства. Только после введения внешнего управления или конкурсного производства арбитражный управляющий приобретает право оспаривать фraudаторные и преференциальные сделки. Указанное различие в правовом статусе арбитражного управляющего объективно оправдано целями той или иной процедуры банкротства. При этом очевидно, что арбитражный управляющий обладает только правом на конкурсное оспаривание сделок должника, так как

до возбуждения дела о банкротстве такой участник правоотношений как арбитражный управляющий отсутствует.

Представляется, что наделение временного и административного управляющего правом подачи заявления об оспаривании сделки на основании главы III.1 Закона о банкротстве, являлось бы нецелесообразным, так как не служит достижению тех целей, которые перед собой ставят процедуры наблюдения и финансового оздоровления (анализ финансового состояния, восстановление платежеспособности и другие). Так, главным результатом, на который направлено оспаривание сделок, является пополнение конкурсной массы должника для удовлетворения в последующем требований кредиторов из стоимости этого имущества. Кроме того, по результатам указанных процедур арбитражным судом может быть отказано в признании должника банкротом или прекращено производство по делу о банкротстве, в связи с чем оспаривание сделок на данных этапах банкротства привело бы к необоснованной дестабилизации гражданского оборота.

Правом оспаривания сделок должника Закон о банкротстве также наделил конкурсных кредиторов и уполномоченный орган, если размер их требований к должнику превышает 10 процентов общего размера реестра требований кредиторов, не считая размера требований кредитора, в отношении которого данная сделка оспаривается и его аффилированных лиц.

Стоит отметить, что указанные лица приобрели право оспаривать сделки относительно недавно — в 2014 году [8]. До внесения соответствующих изменений указанным правом обладал только арбитражный управляющий. Наделение кредиторов правом конкурсного оспаривания несомненно повышает эффективность производства по делу о банкротстве. Отсутствие данного права у кредиторов создавало высокий риск того, что порочные сделки не будут оспорены в случае недобросовестного бездействия со стороны арбитражного управляющего, действующего в интересах должника.

Несмотря на то, что кредиторы с размером требований менее 10 процентов не наделены правом оспаривать сделки, они вправе

воспользоваться иным механизмом для защиты своих прав. Так, они имеют право обратиться к арбитражному управляющему с предложением об оспаривании сделки. Отказ или бездействие управляющего дает возможность кредитору обратиться в суд с жалобой на него, что может являться основанием для его отстранения [27].

Кроме того, конкурсные кредиторы могут объединить свои требования для преодоления установленного законом порога. «Установленный в Законе о банкротстве десятипроцентный барьер предназначен лишь для ограничения чрезмерного и несогласованного оспаривания сделок по заявлениям миноритарных кредиторов, что может нарушить баланс интересов лиц, участвующих в деле о банкротстве, привести к затягиванию процедуры банкротства и увеличению текущих расходов. Возможность соединения требований нескольких кредиторов для достижения общих задач отвечает целям конкурсного производства и способствует эффективному восстановлению их нарушенных прав» [39].

Однако минимальный порог в размере требований является не единственным барьером. Согласно позиции ВС РФ «конкурсное оспаривание может осуществляться в интересах только тех кредиторов, отношения с которыми существовали к моменту совершения предполагаемой противоправной сделки» [66].

Указанный подход высшей судебной инстанции является неоднозначным. Представляется, что на практике возможна ситуация, когда должник намеренно выводит актив незадолго до вступления в правоотношения со своим кредитором, для того чтобы в будущем избежать обращения взыскания на него. Вследствие чего правом на оспаривание сделки должны обладать лица, которые не являлись кредиторами на момент совершения оспариваемой сделки, но стали ими в будущем при условии умышленных действий должника, направленных на причинение вреда.

Таким образом, правовой статус конкурсного кредитора и уполномоченного органа в рамках оспаривания сделок зависит от

количественного критерия, выраженного в размере требований, включенных в реестр. Представляется, что установление десятипроцентного порога для оспаривания сделок в отношении уполномоченного органа не является оправданным. По нашему мнению, уполномоченный орган должен обладать правом оспаривания сделок независимо от объема его требований. Указанное положение поможет защитить публичные интересы в том числе в ситуации, когда должником при содействии лояльных кредиторов намеренно «раздувается» РТК для размытия объема требований налогового органа.

Кроме того, согласно устоявшейся судебной практике, кредиторы имеют возможность оспаривать сделки и в порядке внеконкурсного оспаривания.

Из-за отсутствия законодательно закрепленных правил о внеконкурсном оспаривании правовой статус кредиторов в рамках указанных правоотношений весьма размыт, что создает правовую неопределенность.

Анализ судебной практики позволяет сформулировать условия, при которых у кредитора возникает право на внеконкурсное оспаривание:

1) У кредитора имеется денежное требование к должнику, обладающее исполнительной силой. Так, признавая обоснованным заявление кредитора о признании сделки должника недействительной, арбитражный суд указал на то, что «требование кредитора уже существовало и являлось бесспорным» [89].

Указанное условие укладывается в основные положения теории исполнительной силы судебного решения, которой мы придерживаемся. Как указывалось ранее она заключается в том, что право кредитора оспаривать сделки является продолжением права требовать взыскания задолженности. В связи с этим абсолютно логично, что для инициирования внеконкурсного оспаривания сделки, кредитор должен обладать подтвержденным судом правом взыскания задолженности. Наличие подтвержденного требования к должнику свидетельствует, что у истца имеется законный интерес в оспаривании сделки.

2) У должника отсутствует иное имущество, за счет которого может

быть удовлетворено требование кредитора. Вмешательство в договорные отношения сторон при наличии у должника иного имущества, стоимость которого позволяет удовлетворить требования кредитора, противоречит смыслу внеконкурсного оспаривания и может привести к необоснованному нарушению принципа стабильности гражданского оборота.

Представляется, что подтверждением отсутствия у должника иного имущества в таком случае может служить длительное непогашение задолженности в рамках исполнительного производства, а также полученные от судебного пристава-исполнителя сведения о ходе исполнительного производства, подтверждающие неэффективность исполнительного производства.

Дискуссионным на сегодняшний день является вопрос о необходимости наделения контролирующих должника лиц правом оспаривать сделки. Анализ статьи 61.9 Закона о банкротстве содержит закрытый перечень лиц, обладающих правом оспаривать сделки, и контролирующие должника лица в него не входят.

Между тем, на сегодняшний день наблюдается явная тенденция по расширению прав контролирующих должника лиц в делах о банкротстве. В 2021 году КС РФ признал неконституционными статьи 42 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации (далее – АПК РФ) и 34 Закона о банкротстве в их взаимосвязи «в той мере, в какой по смыслу, придаваемому им судебной практикой, они не позволяют лицу, привлеченному к субсидиарной ответственности по обязательствам должника, обжаловать судебный акт, принятый без участия этого лица, о признании обоснованными требований кредиторов должника и о включении их в реестр требований кредиторов за период, когда это лицо являлось контролирующим по отношению к должнику» [22].

Данная позиция КС РФ привела к появлению в Законе о банкротстве нормы, наделяющей контролирующих должника лиц правом привлекаться в качестве участника дела о банкротстве для участия в спорах, способных

повлиять на размер их потенциальной ответственности. Как мы видим, законодатель не стал строго очерчивать споры, в которых контролирующие лица могут принимать участие, а избрал весьма широкую формулировку. Представляется, что абсолютное большинство споров, рассматриваемых в деле о банкротстве, так или иначе могут повлиять на привлечение к субсидиарной ответственности и споры по оспариванию сделок не исключение.

Взаимосвязь институтов оспаривания сделок должника и субсидиарной ответственности контролирующих лиц можно проследить в следующем. С одной стороны, в рамках споров по оспариванию сделок могут быть установлены обстоятельства недобросовестного поведения контролирующих лиц, связанные с выводом активов в ущерб интересам кредиторов, которые лягут в основу субсидиарной ответственности. С другой стороны, чем больше имущества, отчужденного по недействительным сделкам, вернется в конкурсную массу, тем меньше в результате будет размер субсидиарной ответственности.

Однако должны ли указанные лица обладать правом самостоятельно инициировать споры по оспариванию сделок? Ответ на данный вопрос должен быть отрицательным. Предоставление контролирующим должника лицам полномочий по оспариванию сделки может создать широкое поле для злоупотребления указанным правом. Например, указанные лица могут оттягивать момент установления размера субсидиарной ответственности, инициируя новые споры об оспаривании сделок, для того чтобы вывести принадлежащие им активы на случай личного банкротства по долгам контролируемого общества.

При этом и без права на оспаривание сделок у контролирующих лиц имеется достаточно механизмов для защиты своих прав и законных интересов. В частности, они могут обратиться с жалобой на арбитражного управляющего, не оспаривающего сделки. Наличие такого права подтверждено ВС РФ [56].

Кроме того, после введения конкурсного производства за участниками (акционерами) общества сохраняется право на оспаривание сделок должника по общегражданским основаниям и законодательству о хозяйственных обществах [32].

Таким образом, указанные выше положения определяют правовой статус лиц, обладающих правом на оспаривание сделок должника. Правовой статус арбитражного управляющего определяется применяемой в отношении должника процедурой банкротства. Правовой статус конкурсных кредиторов обосновано определяется объемом их требований к должнику. Между тем, автором обосновано, что в отношении уполномоченного органа отсутствует необходимость в установлении десятипроцентного порога для возникновения права на оспаривание сделок. Наделение уполномоченного органа правом оспаривать сделки независимо от размера требований необходимо для защиты публичных интересов в ситуации недобросовестного поведения лиц, участвующих в деле о банкротстве.

2.3 Правовое регулирование конкурсного и внеконкурсного оспаривания сделок должника в отдельных зарубежных странах

Как указывалось ранее, ввиду отсутствия в советский период рыночной экономики институт оспаривания сделок должника, как и любые иные институты законодательства о банкротстве, не были востребованы и не нашли своего развития, а существующая дореволюционная практика применения законодательства о банкротстве была утрачена.

В это же время в иностранных государствах происходили значительные изменения норм о банкротстве. Как указывает Д.А. Рыков: «на сегодняшний момент такое различие в опыте применения законодательства о банкротстве становится все более очевидным, что существенным образом влияет на экономическую ситуацию в стране, негативно сказывается на инвестиционном климате» [113, с. 5].

Указанное утверждение представляется абсолютно верным. Вопросы оспаривания сделок являются частью обязательственного права, которое оказывает существенное влияние на стабильность гражданского оборота. В свою очередь, невозможно представить благоприятный инвестиционный климат в условиях нестабильности и правовой неопределенности в отношении заключения тех или иных сделок.

В связи с вышеизложенным представляется целесообразным проанализировать правовое регулирование оспаривания сделок должника в зарубежных странах.

Наиболее интересным и практически полезным, на наш взгляд, является рассмотрение опыта Германии и Франции, где указанный институт действует уже на протяжении долгих лет и эффективно применяется. Кроме того, эти страны, как и Российская Федерация относятся к романо-германской правовой семье, что упрощает рецепцию правовых норм в случае необходимости.

Кроме того, ввиду развития в последние годы активного экономического сотрудничества с Китайской Народной Республикой, представляется целесообразным изучение правового регулирования защиты прав кредиторов путем оспаривания сделок должника в этой стране. Преемственность опыта и унификация регулирования там, где это целесообразно и возможно, позволит создать наиболее благоприятствующие условия для экономической интеграции двух стран.

Оспаривания сделок по праву Германии.

Для начала стоит отметить, что в правовой доктрине Германии является общепризнанным разделение сделок на обязательственные (Verpflichtungsgeschäfte) – сделки, которые создают обязанность совершить предоставление и распорядительные (Verfügungsgeschäfte) – посредством которых право непосредственно переходит, обременяется, изменяется или прекращается [207, с. 59-60].

Предметом оспаривания в Германии являются юридические действия (нем. Rechtshandlungen), которые максимально широко толкуются. Под ними

понимается любое волевое поведение субъекта, которое может изменить имущество должника в ущерб его кредиторам. К ним относятся:

- волеизъявления (сделки);
- сделкоподобные действия – заявления, направленные на достижение фактического результата, чьи последствия наступают в силу закона. Например, уведомления о расторжении договора;
- реальные акты, в той мере в которой они производят правовые последствия. Например, соединение вещей, смешение, переработка.

В качестве средства оспаривания юридически значимых действий, совершенных в ущерб кредиторам, используется *actio pauliana*. Его применение в конкурсном производстве регулируется Законом о банкротстве Германии (*Insolvenzordnung – InsO* [10]), а вне процедуры банкротства – Законом Германии об оспаривании (*Anfechtungsgesetz – AnfG* [11]).

В немецкой доктрине господствует обязательственно-правовая концепция оспаривания сделок (*schuldrechtliche Theorie*) [116, с. 424]. Согласно указанной концепции, осуществление права на оспаривание обосновывается наличием у кредитора обязательственно-правового притязания к ответчику на возврат имущества должника. Данное правопритязание возникает с момента введения процедуры банкротства.

Кроме того, как отмечает Г.-П. Кирхгоф оспаривание в процедуре банкротства не затрагивает сделку полностью, а лишь направлено на запрет осуществления тех прав, которые причиняют имущественный вред конкурсной массе [210]. Указанное свидетельствует о применении в Германии обязательственной модели оспаривания, суть которой сводится не к полному аннулированию сделки, а к возмещению ущерба, причиненного конкурсной массе.

Оспаривание сделок после введения конкурсного производства в Германии производится в интересах всех кредиторов, между которыми распределяется конкурсная масса несостоятельного должника. При этом правом оспаривания наделен только управляющий.

На наш взгляд, в рамках российской правовой действительности, в которой арбитражный управляющий зачастую не бывает независимым лицом, как того требует закон, наделение правом конкурсного оспаривания сделок кредиторов должника является оправданным.

В рамках конкурсного производства в Германии оспариванию подлежат:

1) Юридические действия по преимущественному удовлетворению требований, а также действия, направленные на обеспечение прав отдельных кредиторов. Условием оспаривания является совершение таких действий не ранее чем за 3 месяца до подачи заявления о банкротстве.

2) Юридические действия, совершенные с целью причинить вред кредиторам. Период совершения таких действий для оспаривания – 10 лет до подачи заявления о банкротстве.

3) Безвозмездные сделки, за исключением обычных подарков небольшой стоимости. Указанные действия должны быть совершены не ранее чем за 4 года до подачи заявления о банкротстве. В частности, судебная практика ФВС Германии относит к безвозмездным сделкам произведенную должником оплату чужого долга [107].

Как указывает профессор Т.П. Шишмарева: «при предъявлении конкурсного иска притязание управляющего направлено на все имущество, которое находится у приобретателя или его правопреемника, а не только на неосновательное обогащение» [116, с. 415].

Как видно, в Германии установлены более «глубокие» периоды совершения сделок, которые могут быть оспорены в конкурсном производстве. Представляется, что установленный российским законодателем трехлетний период подозрительности является весьма коротким, так как зачастую процесс доведения общества до банкротства может быть сильно растянут во времени. В то же время совершение сделки за пределами трехлетнего периода подозрительности является практически безусловным основанием для отказа в признании ее недействительной на основании пункта 2 статьи 61.2 Закона о банкротстве.

Закон Германии об оспаривании позволяет оспаривать вне конкурсного производства действия и бездействия должника, ущемляющие права кредиторов.

Кредитор наделяется правом на такое оспаривание при одновременном соблюдении двух условий:

- 1) у кредитора имеется на руках исполнительный лист, срок исполнения которого уже наступил;
- 2) исполнительное производство не привело к удовлетворению требований кредитора в полном объеме либо есть основания полагать, что принудительное взыскание не привело бы к полному исполнению.

Как мы видим, в Германии четко урегулирован правовой статус кредиторов, имеющих право на внеконкурсное оспаривание. Указанные положения соответствуют тем выводам, к которым мы пришли в параграфе 2 настоящей главы.

Закон Германии об оспаривании выделяет следующие основания для внеконкурсного оспаривания:

- 1) Намеренное причинение вреда правам кредиторов. Для применения указанной нормы контрагент по сделке должен быть осведомлен о недобросовестной цели должника. При этом осведомленность о такой цели предполагается, если контрагент знал о неплатежеспособности должника.
- 2) Безвозмездные сделки, единственным необходимым условием, для признания которых недействительными является сам факт безвозмездности (за исключением подарков небольшой стоимостью).
- 3) Действия наследников по исполнению завещательного отказа и права на обязательную долю при банкротстве наследственной массы. Кредитор имеет право оспорить такие действия как безвозмездные сделки наследника, если превосходит получателей по рангу или имеет равное с ним положение.
- 4) Корпоративное финансирование общества его участниками в виде займов. Так, в порядке внеконкурсного оспаривания может быть оспорено предоставление обществом обеспечения, а также удовлетворение требования

участника по такому займу.

В качестве правового последствия внеконкурсного оспаривания Закон Германии об оспаривании предусматривает предоставление кредитору имущества должника, отчужденного по оспоренной сделке. После возврата переданного имущества ответчик (контрагент по сделке) приобретает права требования только к должнику.

Кроме того, в Законе Германии об оспаривании подробно урегулирован вопрос соотношения внеконкурсного и конкурсного оспаривания.

Так, согласно праву Германии, в результате открытия конкурсного производства приоритет приобретает конкурсное оспаривание сделок, так как единоличный интерес отдельно взятого кредитора в связи с открытием конкурсного производства заменяется общим интересом конкурсной массы должника.

Вследствие этого, если до возбуждения дела о банкротстве кредитором инициирован спор по внеконкурсному оспариванию сделки, то после открытия конкурсного производства такой спор подлежит приостановлению. Дальнейшее оспаривание может осуществляться арбитражным управляющим. При этом даже если до открытия конкурсного производства кредитор получил вступившее в законную силу решение суда о признании сделки недействительной, однако к моменту открытия конкурсного производства это решение не было исполнено, то последующее исполнение решения осуществляется конкурсным управляющим.

Если же кредитор получил исполнение по результатам внеконкурсного оспаривания, то конкурсный управляющий имеет возможность оспорить указанный акт и кредитор будет обязан вернуть полученное в конкурсную массу должника, так как такое удовлетворение в случае открытия конкурсного производства будет являться преференциальным по отношению к другим кредиторам.

В результате приостановления спора по внеконкурсному оспариванию, вследствие открытия конкурсного производства, у конкурсного

управляющего появляется два варианта действий:

1) вступить в указанный спор. В таком случае заявленные требования преобразуется вследствие того, что они теперь направлены на пополнение конкурсной массы. Кроме того, управляющий имеет право дополнить заявленные требования;

2) отказаться от вступления. При этом такой отказ не означает отказ от требований, так как конкурсный управляющий имеет право подать самостоятельный иск об оспаривании.

После прекращения конкурсного производства судьба исков об оспаривании сделки зависит от различных обстоятельств.

1) Если управляющий не вступил в спор по внеконкурсному оспариванию, заявленному кредитором, то после прекращения дела о банкротстве кредитор имеет право его возобновить.

2) Если управляющий вступил в указанный спор, однако до прекращения дела о банкротстве спор не завершился, то кредитор, который изначально подавал соответствующий иск, имеет право его продолжить. При этом заявленные требования преобразуется обратно на требование в пользу отдельного кредитора.

3) Если оспаривание сделки инициировал сам конкурсный управляющий, то после прекращения дела о банкротстве кредиторы не могут продолжить указанный спор, а могут подавать новый иск.

Правовое регулирование внеконкурсного оспаривания, существующее в Германии, является хорошим примером для законодательного урегулирования данного способа защиты прав кредиторов в Российской Федерации. Кроме того, представляется, что в части защиты прав кредиторов для российского банкротного права может представлять интерес немецкая доктрина «соломенных человечков» («Strohmann»), которая признает, что для сокрытия активов должника могут использоваться номинальные собственники, которые осуществляют «держание актива, выгоды от реализации которого относятся к другому лицу – реальному бенефициару» [131, с. 158].

При таком способе сокрытия активов должник формально никогда не является собственником ценного имущества, что существенно затрудняет как выявление этого имущества, так и его возврат в конкурсную массу должника. Это порождает серьезные препятствия в защите прав кредиторов.

По мнению Е.В. Блохиной, под мнимым держанием активов следует понимать «непоименованное правоотношение между должником и номиналом, обладающее агентской природой, основанное на фиктивном переходе титула собственности должника к номиналу в целях создания «видимости права собственности» последнего на актив» [164, с. 54].

С этим утверждением нельзя не согласиться. Фактически между номинальным и реальным собственником возникают негласные договорные отношения. В свою очередь, представляется, что сделка по оформлению имущества на номинального собственника является притворной, прикрывающей сделку с другим субъектным составом [160, с. 81]. При этом продавец зачастую не догадывается, что покупатель является лишь номинальным собственником.

Анализ судебной практики показал, что при выявлении номинального характера владения защита прав кредиторов в большинстве случаев происходит путем подачи заявления об оспаривании сделки. При этом основанием служат как специальные нормы недействительности (пункт 2 статьи 61.2 Закона о банкротстве), так и общегражданские (статьи 170, 10 и 168 ГК РФ) [94; 96; 97].

В свою очередь немецкая правоприменительная практика позволяет включать в конкурсную массу должника имущество, номинальным держателем которого является другое лицо. Правопорядок игнорирует номинального собственника, а защита прав кредиторов происходит без вмешательства в договорные отношения [131].

Представляется, что такой подход к защите прав кредиторов от мнимых собственников является достаточно эффективным и может применяться в процедурах банкротства в России. Очевидным преимуществом является и то,

что его применение не требует каких-либо законодательных изменений. Защита может происходить в рамках предусмотренного российским правом иска о признании права собственности на имущество [159, с. 101].

Оспаривание сделок во французском праве.

Во Франции отсутствует разделение сделок на ничтожные и оспоримые. Вместо этого разделение недействительных сделок происходит по кругу лиц, чьи права она нарушает. По указанному критерию французское обязательственное право выделяет абсолютную недействительность (*la nullité absolue*), которая относится к сделкам, нарушающим публичный интерес и относительную недействительность (*la nullité relative*), которая посягает на права и законные интересы отдельного лица или группы лиц.

В случае абсолютной недействительности иск предъявлен любым заинтересованным лицом, а также прокурором в защиту публичных интересов. Л.Ж. Морандиер указывает, что абсолютная недействительность возникает в случае, если сделка не соответствует условиям действительности, установленным для охраны публичных интересов [130, с. 95]. Кроме того, суд также может признать такую сделку недействительной по собственной инициативе (*ex officio*).

В случае относительной недействительности соответствующее требование уполномочено заявлять только лицо, чей законный интерес нарушается такой сделкой. По общему правилу в случае относительной недействительности суд не может по собственной инициативе констатировать недействительность сделки. Между тем, судебная практика допускает, что в особых случаях суд может поднять вопрос о недействительности *ex officio*, в частности при наличии очевидной несправедливости условий договора [108].

Критикуя французский подход, Д.О. Тузов указывает, что отказ от деления недействительных сделок на ничтожные и оспоримые может привести к повышению нагрузки на судебную систему, так как такой подход означает, что констатация недействительности сделки происходит только судом [149, с. 122].

Данная точка зрения представляется абсолютно верной. В то же время представляется, что деление недействительных сделок можно проводить как по кругу лиц, имеющих право на их оспаривание (абсолютно недействительные и относительно недействительные), так и по необходимости наличия судебного решения для констатации факта недействительности (ничтожные и оспоримые). Указанные классификации не являются взаимоисключающими и могут сосуществовать вместе.

Стоит отметить, что во французской доктрине признается, что относительная недействительность действует лишь в рамках внеконкурсного оспаривания. При открытии процедуры банкротства относительность пропадает, так как оспаривание происходит в отношении всех лиц (*erga omnes*) [211].

Во Франции положения об оспаривании действий должника в рамках дела о банкротстве содержатся в Торговом кодексе Франции (*Code de Commerce*). Согласно ему недействительными могут быть признаны, в частности, следующие действия, если они совершены с даты прекращения исполнения обязательств (ст. L632-1) [12]:

- 1) безвозмездные сделки;
- 2) неравноценные сделки;
- 3) платеж по обязательству, срок исполнения которого еще не наступил;
- 4) платеж по наступившему обязательству, произведенный иным образом, чем наличными, векселями, уступкой прав требования или любым другим способом оплаты, общепринятым в деловом обороте;
- 5) обеспечительные сделки по ранее возникшим долгам;
- 6) передача имущества или прав в доверительном управлении, если только эта передача не была осуществлена в качестве обеспечения одновременно возникшего долга, а также любое дополнение к договору доверительного управления, затрагивающее права или имущество, уже переданные в доверительное управление, в обеспечение долгов, возникших до этого дополнения.

Как мы видим в качестве точки отсчета периода подозрительности французский закон установил дату прекращения исполнения обязательств. Представляется, что избранный отечественным законодателем подход, заключающийся в привязке периода подозрительности к моменту возбуждения дела о банкротстве более удачный, так как является объективным и упрощает процесс оспаривания сделок должника, не требуя установления даты прекращения исполнения обязательств.

Согласно французскому законодательству, помимо арбитражного управляющего, который именуется как администратор, правом на конкурсное оспаривание сделок обладает также и представитель кредиторов (ст. L632-4) [12].

В этом плане российское законодательство наделяет правом конкурсного оспаривания более широкий круг лиц, чем немецкий или французский правопорядок.

Права кредиторов оспаривать сделки должника во внеконкурсном порядке закреплены в Гражданском кодексе Франции (далее – ФГК). В 2016 году во Франции произошли масштабные изменения ФГК, затронувшие обязательственные отношения. В результате произошедших изменений в отдельную главу были выделены положения о механизмах защиты кредиторами своих прав при нарушении должником своих обязательств [190].

Так, кредиторам предоставляются следующие способы защиты прав:

1) Косвенный иск кредитора в пользу должника. Кредитор вправе самостоятельно осуществлять от имени должника его права, если отказ от их осуществления ущемляет права кредитора. Исключение составляют неразрывно связанные с личностью обязательства (статья 1341-1 ФГК).

2) Паулианов иск, предъявляемый кредитором от своего имени. При этом доказыванию также подлежит недобросовестность контрагента по сделке, который знал о злонамеренной цели сделки. В таком случае сделка признается недействительной лишь по отношению к оспаривающему ее

кредитору, заявившему соответствующее требование. Это означает, что единственным выгодоприобретателем в результате оспаривания является кредитор, предъявивший иск (статья 1341-2 ФГК). Указанное положение и является правовым основанием внеконкурсного оспаривания во французском праве.

Как справедливо замечает Е. Годэмэ, такой иск направлен на восстановление положения кредитора, существовавшего до совершения сделки, таким образом как будто сделка не была совершена вовсе [125, с. 170].

3) Иск кредитора к должнику своего должника. В установленных законом случаях кредитор имеет право заявлять требования об исполнении обязательства к должнику своего должника (статья 1341-3 ФГК) [13].

Таким образом, согласно французской модели, внеконкурсное оспаривание сделок является иском, в результате которого сделка должника может быть признана недействительной лишь по отношению к кредитору (относительная недействительность сделки).

Для предъявления указанного иска необходимо наличие ряда обстоятельств:

- 1) Оспариваемая сделка причиняет вред правам кредитора.
- 2) Намерение должника причинить вред кредитору совершением оспариваемой сделки.
- 3) Недобросовестность действий второй стороны сделки. При этом в зависимости от того была сделка возмездной или нет, стандарты доказывания недобросовестности контрагента меняются. Если при совершении безвозмездной сделки недобросовестность контрагента не нуждается в доказывании, то при возмездном договоре требования к доказыванию недобросовестности более высокие.

Как усматривается из анализа правового регулирования внеконкурсного оспаривания, в обеих странах применение этого института во многом тождественно. Законодательства обеих стран выделяют схожие условия и последствия внеконкурсного оспаривания.

Оспаривание сделок в праве Китая.

В Китайской Народной Республике (далее – КНР) вопросы оспаривания сделок должника урегулированы в Законе КНР от 27.08.2006 «О банкротстве предприятий» в статьях 31–34 [14] (далее – Закон КНР о банкротстве).

Согласно указанным нормам, недействительными могут признаваться сделки должника, совершенные в течение 1 года до возбуждения дела о банкротстве.

Представляется, что в отличие от установленного в отечественном законодательстве максимального трехлетнего срока на оспаривание сделок по специальным (банкротным) основаниям, установленный Законом КНР о банкротстве годичный срок чрезмерно короткий и не позволяет эффективно защитить права кредиторов.

При этом среди сделок, которые могут быть оспорены, Закон КНР о банкротстве устанавливает:

- 1) безвозмездное отчуждение имущества;
- 2) сделки с явно необоснованной ценой;
- 3) передача имущества в залог по обязательствам, ранее не обеспеченным залогом;
- 4) досрочное исполнение обязательств, с не наступившим сроком исполнения;
- 5) отказ от прав кредиторов.

Недействительными также признаются действия должника по сокрытию или передаче имущества с целью избежать исполнение обязательств перед кредиторами, а также создание фиктивной задолженности и отказ от признания имеющихся обязательств.

Кроме того, недействительными могут быть признаны действия по преимущественному погашению задолженности перед отдельными кредиторами.

В отличие от российского правового регулирования нормы, регулирующие основания оспаривания сделок в КНР, достаточно скудные и

не содержат конкретных обстоятельств, подлежащих доказыванию, а также правовых презумпций, облегчающих процесс доказывания. Представляется, что это негативно сказывается на защите прав кредиторов, так как не отвечает содержанию принципа правовой определенности.

Закон КНР о банкротстве наделяет правом подачи ходатайства о признании действий должника недействительными только управляющего имуществом. В отличие от российского правового регулирования кредиторы таким правом не наделены, что существенно ограничивает их в защите своих законных интересов.

В связи с вышеизложенным нельзя не согласиться с мнением Ю. Цзян, который указывает, что в правовом регулировании оспаривания сделок в КНР отсутствует системный подход. По его мнению, нормы об оспаривании сделок не рассматривают защиту интересов кредиторов в качестве основы для оспаривания. В правовом регулировании оспаривания сделок в КНР не существует единой концепции и стандарта идентификации поведения, как ущемляющего интересы кредиторов, в результате чего отсутствует единообразие применения норм судами [209, с. 65-66].

В качестве последствий недействительности действий Закон КНР о банкротстве устанавливает обязанность ответчика возвратить имущество должника в его конкурсную массу.

Несмотря на указанные выше недостатки, правовое регулирование оспаривания сделок должника в КНР имеет нормы, которые в положительном ключе отличаются от правового регулирования в России.

В частности, анализ статьи 40 Закона КНР о банкротстве показывает, что право КНР по общему праву допускает проведение зачетов с банкротом, в отличие от российского права, где зачеты квалифицируются как преимущественное удовлетворение требований. Исключение для проведения зачета по Закону КНР о банкротстве составляют следующие случаи:

- 1) если кредитор получил права требования к должнику от третьих лиц после возбуждения дела о банкротстве;

2) если кредитор знал о несостоятельности должника при образовании задолженности перед ним;

3) дебитор должника получил права требования к должнику, зная о его несостоятельности.

В КНР большое значение в регулировании банкротства и оспаривании сделок должника, в частности, имеют акты толкования Народного Верховного Суда КНР [197]. Народный Верховный Суд КНР вынес два акта, способствующих единообразному применению норм судами:

1) Судебное толкование Народного Верховного Суда КНР о некоторых вопросах применения Закона КНР о банкротстве № 1 от 09.09.2011.

2) Судебное толкование Народного Верховного Суда КНР о некоторых вопросах применения Закона КНР о банкротстве № 2 от 05.09.2013 [208, с. 2].

В отношении оспаривания сделок указанные акты толкования содержат ряд положений, касающихся возможности оспаривания зачетов, совершенных в преддверии банкротства. В частности, разъясняется, что управляющий может не оспаривать зачет, если он выгоден должнику. Кроме того, устанавливается право кредитора потребовать от управляющего произвести зачет его задолженности, возникшей перед ним до возбуждения дела о банкротстве.

Также указанные разъяснения допускают проведение зачета несмотря на осведомленность кредитора о неплатежеспособном состоянии должника в двух случаях: 1) если долг перед кредитором возник на основании нормативного акта или закона; 2) если долг перед кредитором возник более чем за год до возбуждения дела о банкротстве.

Рассмотренный нами опыт может стать основой для дальнейших изменений российского правового регулирования защиты прав кредиторов посредством оспаривания сделок должника. Особое внимание следует обратить на развитое в указанных странах регулирование внеконкурсного кредиторского оспаривания.

Таким образом, проведенный анализ особенностей конкурсного и

внеконкурсного оспаривания сделок должника, как способов защиты прав кредиторов, позволяет прийти к следующим выводам и предложениям.

Под оспариванием сделок должника следует понимать способ защиты прав кредиторов, реализуемый посредством признания сделок должника недействительными, целью которого является возврат отчужденного имущества должника для удовлетворения требований кредиторов из стоимости указанного имущества.

Доказано, что по своей правовой природе право на оспаривание сделки является продолжением права требовать взыскания задолженности, а в качестве основания возникновения указанного права было предложено рассматривать разумные ожидания кредитора о наличии у должника определенного объема имущества, которое должник намерено уменьшает путем совершения сделок.

В свою очередь, оспаривание сделок было предложено классифицировать в зависимости от наличия возбужденной в отношении должника процедуры конкурсного производства (внешнего управления) на момент оспаривания сделки на конкурсное и внеконкурсное, а также обоснована необходимость такой классификации.

При этом в результате проведенного исследования были выявлены основные различия конкурсного и внеконкурсного оспаривания на основании следующих критериев:

- 1) наличие / отсутствие определенной процедуры банкротства;
- 2) подсудность заявления о признании сделки недействительной;
- 3) круг лиц, чьи интересы подлежат защите;
- 4) обстоятельства, подлежащие доказыванию и стандарт доказывания.

Было установлено, что на правовой статус кредитора как лица, обладающего правом оспаривать сделки, влияет объем его требований, а установленный законом порог помогает избежать несогласованного оспаривания и затягивания дела о банкротстве. Между тем, было предложено наделить уполномоченный орган правом оспаривания сделок независимо от

объема его требований, с целью защиты публичных интересов в ситуации недобросовестного поведения лиц, участвующих в деле о банкротстве.

С учетом анализа судебной практики и зарубежного регулирования предлагается установить, что кредитор наделяется правом на оспаривание сделки должника при соблюдении следующих условий:

- 1) у кредитора имеется денежное требование к должнику, обладающее исполнительной силой;

- 2) у должника отсутствует иное имущество, за счет которого возможно удовлетворение требований кредитора.

Глава 3

Основания и последствия конкурсного и внеконкурсного оспаривания сделок должника

3.1 Основания и порядок конкурсного оспаривания сделок должника

Рассмотрев правовую сущность кредиторского оспаривания сделок и определив понятия конкурсного и внеконкурсного оспаривания сделок, необходимо перейти к рассмотрению оснований и установленного законом порядка оспаривания сделок.

Сначала определим, что понимается под «основанием оспаривания сделки». Механизм оспаривания сделок фактически является иском о признании сделки недействительной. Под основанием любого иска понимаются фактические обстоятельства, на которых основано право требования истца (заявителя).

Г.Л. Осокина выделяет фактическое и правовое основание иска [138]. Под фактическим основанием следует понимать юридические факты, а под правовым – указание на нормы права, на которых основано требование истца.

М.А. Викут считает, что признавать основанием иска только лишь факты юридические неверно, так как истец не обязан давать какую-либо юридическую квалификацию фактам, которые он приводит. Кроме того, по его мнению, отсутствует необходимость выделения в иске правового основания [166, с. 58-60].

Между тем, указанная позиция не распространена среди ученых-процессуалистов. Критикуя данный подход, В.Н. Иванкин указывает, что поскольку истец должен обосновать свое правовое требование, то факты, которые он приводит, должны иметь юридическое значение [177, с. 76]. По мнению А.А. Добровольского, для правильного разрешения спора необходимо установить не только фактическое основание иска, но и правовое [129, с. 128].

Таким образом, опираясь на общее понятие основания иска, предлагаем под основанием оспаривания сделки понимать совокупность юридических фактов и норм права, на которых основано требование о признании сделки недействительной.

Основания конкурсного оспаривания сделок содержатся в главе III.1 Закона о банкротстве. Анализ указанной главы позволяет выделить следующие основания для конкурсного оспаривания сделок:

- 1) неравноценность встречного представления;
- 2) наличие цели причинить вред имущественным правам кредиторов;
- 3) оказание предпочтения.

Как указывалось ранее в параграфе 1.1, отличительной особенностью конкурсного оспаривания сделок является наличие особых временных периодов, в которых пороки сделки будут приобретать свое правовое значение («период подозрительности» и «период предпочтительности»). Указанные периоды исчисляются ретроспективно от даты принятия судом заявления о банкротстве. Данные периоды характеризуют «глубину» проверки сделок по тому или иному основанию конкурсного оспаривания.

Совершение сделки в один из указанных периодов, соответствующих выбранному основанию для ее оспаривания, является обязательным условием для признания сделки недействительной.

Несмотря на то, что периоды подозрительности и предпочтительности играют важную роль при конкурсном оспаривании сделок, законодательство о банкротстве не содержит указанных понятий. В юридической науке данным категориям также не уделялось должного внимания. При этом данные понятия активно применяются как в разъяснениях органов власти [111], так и в судебной практике [98; 99; 100].

А.Ш. Кузулгуртова, не давая определения понятию «период подозрительности», указывает на существование четырех периодов подозрительности: месяц, 6 месяцев, 1 год и 3 года до возбуждения дела о банкротстве [189].

С указанной позицией нельзя в полной мере согласиться. Представляется, что периодом подозрительности можно считать только период, установленный для недействительности подозрительных сделок, то есть равный одному году (для неравноценных сделок) и трем годам (для сделок, целью которых является причинение имущественного вреда кредиторам). Периоды, установленные для недействительности преференциальных сделок – 1 и 6 месяцев, логичнее именовать периодами предпочтительности, так как указанные сделки к подозрительным не относятся.

А.Э. Циндяйкина указывает, что период подозрительности устанавливается с целью обеспечения стабильности гражданского оборота [115, с. 91].

Из правовой позиции, изложенной ВС РФ, можно сделать вывод, что период подозрительности (предпочтительности) – это «ретроспективный период глубины проверки сделки, с помощью которого достигается баланс интересов между должником, его контрагентом по оспариваемой сделке и кредиторами должника, а также обеспечивается стабильность гражданского оборота» [49].

Предлагается под периодом подозрительности понимать ретроспективный период, исчисляемый от даты возбуждения дела о банкротстве, а также период после указанной даты, в течение которого пороки подозрительных сделок приобретают свое правовое значение. Соответственно, под периодом предпочтительности – ретроспективный период, исчисляемый от даты возбуждения дела о банкротстве, а также период после указанной даты, в течение которого пороки преференциальных сделок приобретают свое правовое значение.

Одной из важных практических проблем, касающихся периодов подозрительности и предпочтительности, является вопрос о возможности «расширения» глубины проверки сделок.

В большинстве случаев при выходе сделки за пределы установленного периода проверки арбитражные суды отказывают в признании ее недействительной, ссылаясь на это обстоятельство [91; 105]. Между тем, анализ судебной практики показал, что в отдельных случаях суды могут допустить возможность расширения периода подозрительности или предпочтительности.

В частности, суд в числе прочего допустил возможность оспаривания сделки на основании пункта 2 статьи 61.2 Закона о банкротстве, несмотря на то что сделка была заключена за пределами трехлетнего периода подозрительности. Позиция суда была основана на том, что должник своими действиями намерено «отодвигал» дату возбуждения дела о банкротстве, желая вывести совершенные сделки за пределы трехлетнего периода подозрительности, чтобы обезопасить их от оспаривания: «установление ретроспективного периода подозрительности позволило бы проверить спорные сделки, как совершенные в созданных самим должником условиях, препятствующих возбуждению в отношении его дела о банкротстве, и искусственному отдалению от даты совершения сделок периода подозрительности» [93].

Указанная правовая позиция является очень важной для обеспечения защиты прав кредиторов от недобросовестных действий должника, направленных на недопущение оспаривания сделки. Представляется, что формальный подход к установлению факта совершения сделки в период подозрительности недопустим и в исключительных случаях суды должны допускать оспаривание сделок, совершенных за пределами установленных законом сроков.

Важно отметить, что для установления факта совершения сделки в период подозрительности или предпочтительности необходимо учитывать не дату подписания самого договора, а дату его фактического исполнения (дата совершения распорядительной сделки). Данное положение является следствием цели конкурсного оспаривания сделок, а именно пополнение

конкурсной массы путем устранения последствий недобросовестного вывода имущества. Например, в одном из дел ВС РФ указал, что «перенос титула собственника производится в момент государственной регистрации» [45], поэтому в качестве даты совершения сделки необходимо рассматривать дату государственной регистрации сделки, а не дату заключения договора.

Рассмотрим подробнее каждое из имеющихся в главе III.1 Закона о банкротстве оснований для оспаривания сделок.

В силу пункта 1 статьи 61.2 Закона о банкротстве недействительной может быть признана сделка, совершенная в течение года до возбуждения в отношении должника дела о банкротстве в случае, если цена этой сделки или иные условия существенно в худшую для должника сторону отличаются от цены или иных условий, при которых в сравнимых обстоятельствах совершаются аналогичные сделки [7].

С.А. Кузнецов считает, что отсутствуют основания оспаривания сделок с неравноценным встречным исполнением, если в момент совершения сделки контрагент должника не был осведомлен о его неплатежеспособности [188, с. 105].

А.Э. Циндяйкина, напротив, указывает на эффективность подхода, при котором кредиторы имеют право оспаривать сделки, исходя только из объективного критерия – неравноценности, не доказывая субъективные обстоятельства [115, с. 94].

Подход А.Э. Циндяйкиной представляется абсолютно верным. Казалось бы, в силу гражданско-правового принципа свободы договора стороны вправе самостоятельно определять условия сделки, в том числе стоимость передаваемого имущества. В то же время деятельность любой коммерческой организации должна быть направлена на получение максимальной прибыли.

В условиях банкротства одной из сторон сделки невыгодные условия сделки нарушают права ее кредиторов на наиболее полное удовлетворение их требований, ведь должник недополучает активы, которые могли бы войти в состав конкурсной массы. Таким образом, возникает ситуация, при которой

принцип свободы договора вступает в противоречие с защитой прав кредиторов. Допуская оспаривание сделок с неравноценным встречным представлением, Закон о банкротстве фактически ограничивает принцип свободы договора с целью защиты прав кредиторов.

В научной среде существует позиция, согласно которой сделки с неравноценным встречным представлением рассматриваются как частный случай притворных сделок. По мнению А.Э. Циндяйкиной, при продаже имущества по существенно заниженной стоимости «оплачивается лишь часть имущества, а остальная фактически передается безвозмездно, что свидетельствует о прикрытии данной сделкой договора дарения» [115, с. 167].

Д.А. Рыков, развивая данную мысль, считает, что притворные сделки включают в себя неравноценные сделки в качестве подвида [113, с. 66].

С указанным подходом нельзя согласиться. Признание сделки притворной означает ее ничтожность в силу прямого указания ГК РФ. Между тем, предусмотренные Законом о банкротстве основания недействительности влекут их оспоримость. Одна и та же сделка не может быть ничтожной до возбуждения дела о банкротстве, а после его возбуждения трансформироваться в оспоримую. Кроме того, такой подход означал бы, что любая неравноценная сделка недействительна в силу самого факта своего существования, даже если она не нарушает чьих-либо прав, что явно нарушало бы принцип свободы договора.

Из содержания рассматриваемой нормы, а также положения статьи 65 АПК РФ логично вытекает, что к обстоятельствам, подлежащим доказыванию для признания сделки недействительной вследствие неравноценности встречного представления, относятся:

- 1) совершение сделки в годичный период подозрительности;
- 2) существенное отклонение условий сделки в худшую для должника сторону (неравноценность встречного представления).

Основным обстоятельством, входящим в предмет доказывания, является факт неравноценности встречного исполнения, совершенного по сделке.

Неравноценным встречным исполнением обязательств признается, любая передача имущества или иное исполнение обязательств, если рыночная стоимость переданного должником имущества или осуществленного им иного исполнения обязательств существенно превышает стоимость полученного встречного исполнения обязательств, определенную с учетом условий и обстоятельств такого встречного исполнения обязательств [7].

В практике арбитражных судов содержится вполне логичный вывод о том, что для установления факта неравноценности встречного исполнения, необходимо знать стоимость имущества, отчужденного по сделке, и стоимость представления, полученного должником за данное имущество [82; 83].

Так, основным видом доказательства стоимости имущества является отчет независимого оценщика. Зачастую на практике возникает ситуация, когда стоимость объекта оценки в представленных разными сторонами отчетах значительно расходится. В таком случае суд может поставить вопрос о назначении судебной экспертизы.

Однако оценка эксперта не имеет для суда заранее установленной силы. В частности, суд не вправе отказать в признании сделки недействительной на основании результатов судебной экспертизы, если выводы эксперта не согласуются с кадастровой стоимостью. В таком случае суд должен обосновать причины расхождения [44].

Кроме того, для оспаривания сделки по указанному основанию может быть необходимо проведение сравнительного анализа условий оспариваемой сделки с аналогичными сделками, которые совершаются в сравнимых обстоятельствах. При этом при сравнении условий сделки с аналогичными сделками следует учитывать как условия аналогичных сделок, совершавшихся должником, так и условия, на которых аналогичные сделки совершались иными участниками оборота [27].

Так, в качестве доказательств неравноценности суды принимают во внимание сведения о цене и иных условиях аналогичных сделок, совершенных иными участниками гражданского оборота в тот же период. Например, при

принятии решения суды основываются на общедоступной информации, имеющейся в сети Интернет, о продаже аналогичного имущества, обладающего схожими характеристиками (например, марка автомобиля, год выпуска, пробег и другие) [77].

Одной из практических проблем при оспаривании сделок по указанному основанию является определение существенности отклонения стоимости полученного исполнения от рыночной стоимости переданного по сделке имущества.

В законодательстве о несостоятельности (банкротстве) не содержится критерий существенности или несущественности отклонения цены. Между тем, установление правильного порога существенности является необходимым для того, чтобы соблюсти баланс между стабильностью гражданского оборота и защитой интересов кредиторов должника. Так, чрезмерно низкий порог будет необоснованно ограничивать свободу договора и нарушать стабильность гражданского оборота. С другой стороны, чрезмерно высокий порог нарушит интересы кредиторов, так как у должника появится возможность выводить свои активы в преддверии банкротства по заниженной цене.

В настоящее время вопрос о том является ли отклонение стоимости исполнения от рыночной стоимости имущества существенным решается судом в каждом конкретном случае, исходя из обстоятельств дела. Наличие такой оценочной характеристики создает возможность эффективного ее применения к неограниченному числу конкретных правовых ситуаций [23].

Как указывает А.А. Томтосов «вряд ли может быть оправдано установление правопорядком простой «математической планки» для такой оценки ... , каждый случай уникален и требует вдумчивого погружения в обстоятельства заключения каждой сделки» [148, с. 151].

Между тем, в доктрине права существует и иное, отличное от указанного выше мнение. Судья Сысоева О.В. обращает внимание, что отсутствие критерия существенности размывает объективность данного основания

недействительности [200, с. 91]. Д.В. Федотов также указывает, что отсутствие каких-либо критериев предоставляет судам излишнюю свободу усмотрения [202, с. 36].

Действительно суды должны иметь возможность самостоятельно оценивать существенность отклонения условий сделки, исходя из конкретных обстоятельств спора. Между тем, представляется, что отсутствие каких-либо рамок создает правовую неопределенность для участников гражданского оборота.

Анализ практики арбитражных судов показывает, что несущественным признается судами отклонение цены менее, чем на 20% однозначно [78; 88]. При отклонении цены на 20% и более выводы судов о существенности отклонения расходятся. В одних случаях такое отклонение признается существенным [85], а в других нет [61; 74; 81].

Количественный показатель в 20% многие арбитражные суды применяют по аналогии со статьей 40 НК РФ [90; 102]. Между тем, представляется, что такая аналогия в данном случае неприменима, ввиду того что в налоговых правоотношениях данный показатель приводит не к признанию сделки недействительной, а лишь к доначислению налога. Соответственно для такого существенного последствия, которое приводит к нарушению стабильности гражданского оборота, необходимо применять более высокий количественный критерий.

Д.А. Рыков при определении критерия существенности отклонения цены обращается к доктрине римского права *laesio enormis*, согласно которой «предполагается, что сделка всегда является кабальной (неравноценной), если ее цена в два или более раза превосходит то, что мог бы предоставить кто-нибудь другой» [113, с. 68].

Кратное отклонение цены признается существенным и во многих разъяснениях высших судебных инстанций: пункт 2 постановления Пленума ВАС РФ от 16.05.2014 № 28 «О некоторых вопросах, связанных с оспариванием крупных сделок и сделок с заинтересованностью», пункт 93

постановления Пленума ВС РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации», пункт 2 постановления Пленума ВАС РФ от 30.07.2013 № 62 «О некоторых вопросах возмещения убытков лицами, входящими в состав органов юридического лица». Применение по аналогии указанных положений представляется более подходящим, чем аналогия с НК РФ.

Таким образом, для укрепления принципа правовой определенности и формирования единообразной судебной практики необходимо ввести в Закон о банкротстве презумпцию несущественности отклонения цены, в соответствии с которой не признается существенным отклонение рыночной стоимости имущества от стоимости полученного встречного исполнения менее чем на 20 процентов в худшую для должника сторону, пока не доказано иное. При этом кратное отклонение стоимости предлагается признавать существенным, пока не доказано иное.

Такое положение, с одной стороны, даст судам и участникам гражданского оборота некий единый ориентир при определении неравноценности сделки, с другой стороны, оно не исключает возможность исходить из обстоятельств каждого конкретного дела и представленных сторонами доказательств.

Перейдем к рассмотрению следующего основания конкурсного оспаривания сделок. Сделка, совершенная должником в целях причинения вреда имущественным правам кредиторов, может быть признана арбитражным судом недействительной, если в результате ее совершения был причинен вред имущественным правам кредиторов и если другая сторона сделки знала об указанной цели должника к моменту ее совершения [7].

Анализ указанной нормы позволяет выделить обстоятельства, с наличием которых закон связывает недействительность сделки.

1) Целью совершения сделки являлось причинение вреда имущественным правам кредиторов. Указанное обстоятельство носит

субъективный характер, вследствие чего его доказывание является весьма затруднительным для лица, оспаривающего сделку. Очевидно, что для кредиторов не представляется возможным достоверно доказать, какие мотивы преследовал должник при заключении той или иной сделки.

В связи с этим Закон о банкротстве содержит правовые опровержимые презумпции, которые помогают доказать указанную цель. Среди данных презумпций – наличие у должника признаков неплатежеспособности на момент совершения сделки, совершение сделки в отношении заинтересованного лица, безвозмездный характер сделки и другие.

Эти презумпции призваны помочь кредиторам защитить свои права, позволяя доказывать субъективные обстоятельства через доказывание объективных факторов.

2) Сделка причинила вред имущественным правам кредиторов. Вред может выражаться в уменьшении имущества должника или же в увеличении его обязательств. Иными словами, возможности по удовлетворению требований кредиторов были бы более перспективными в отсутствие оспариваемого действия.

В этой связи не причиняет имущественный вред кредиторам распоряжение должником имуществом, на которое кредиторы не могли бы претендовать (например, единственное жилье, не являющееся роскошным). По этой же причине не оспариваются действия должника, касающиеся его личных неимущественных прав, изменение его личного статуса, даже если в результате опосредованный вред для кредиторов возникает. Например, нельзя оспорить развод при наличии у должника несовершеннолетнего ребенка на том основании, что у него возникнут обязательства по уплате алиментов. Обстоятельство наличия причиненного вреда носит объективный характер.

Интересной, на наш взгляд, представляется практика признания недействительными брачных договоров в делах о банкротстве граждан. Зачастую, для вывода ликвидных активов из-под взыскания супруги в

преддверии банкротства заключают брачный договор, изменяя тем самым установленный СК РФ режим совместного имущества.

Так, по данной категории дел суды делают вывод о причинении вреда, если в результате заключения брачного договора распределение активов и пассивов между супругами носит явно непропорциональный характер. Например, суд пришел к выводу о том, что брачным договором причинен вред кредиторам, исходя из того, что должник по нему получил наименее ликвидные активы (доли в обществах, которые уже не вели хозяйственную деятельность либо находились в банкротстве), в то время как супруге переданы доли в действующих организациях, обладающих коммерчески ценным имуществом. Таким образом, один супругов намеренно ставится в крайне невыгодное имущественное положение по отношению к другому [80].

Кроме того, вред также может быть причинен заключением алиментного соглашения, которое также можно признать недействительным в деле о банкротстве граждан. Между тем, ввиду того что в таком споре противопоставляются интересы ребенка и кредиторов, судам необходимо правильно соблюсти баланс между ними. При этом защита интересов ребенка для суда должна иметь приоритетное значение по отношению к остальным кредиторам, поэтому стандарт доказывания вреда повышается.

Так, отправляя спор на новое рассмотрение, кассационная инстанция указала, что для констатации причинения вреда правам кредиторов и признания алиментного соглашения недействительным необходимо, чтобы установленный таким соглашением размер алиментов был явно завышенным. При этом алиментное соглашение может быть признано недействительным только в части превышения разумно достаточной для содержания ребенка суммы [73].

3) Контрагент по сделке был осведомлен о противоправной цели должника. Данное обстоятельство также носит субъективный характер.

Доказывание факта заинтересованности контрагента допустимо также с помощью подтверждения фактической, а не юридической аффилированности.

О фактической аффилированности может свидетельствовать характер сложившихся между сторонами отношений, в частности, если между ними заключаются сделки на условиях, которые недоступны другим участникам гражданского оборота. Так, арбитражный суд приходил к выводу о фактической аффилированности между должником и его кредитором на основании того, что сделка по продаже имущества была заключена с отсрочкой платежа, без предоставления какого-либо обеспечения по ней, а переход права собственности произошел до момента оплаты по сделке [58].

Кроме того, при рассмотрении фактической аффилированности представляет интерес практика признания лица скрытым бенефициаром. Так, ВС РФ указал, что позиция нижестоящих судов о том, что факт осуществления контроля над обществом может быть подтвержден лишь прямыми доказательствами, является неверным. Суд обосновал это тем, что конечный бенефициар, как правило, скрывает существование возможности оказывать влияние на должника. При такой ситуации необходимо анализировать поведение сторон сделки. Так, ВС РФ указал: «В частности, об этом [подконтрольности единому центру] могли свидетельствовать следующие обстоятельства: действия названных субъектов синхронны в отсутствие к тому объективных экономических причин; они противоречат экономическим интересам одного члена группы и одновременно ведут к существенной выгоде другого члена этой же группы; данные действия не могли иметь место ни при каких иных обстоятельствах, кроме как при наличии подчиненности одному и тому же лицу и т.д.» [52].

По мнению Ф.А. Воронова, в рамках споров об оспаривании сделок аффилированность должна регулироваться *ex ante*, а расширительное толкование этого термина недопустимо [168]. С указанной позицией нельзя согласиться. Представляется, что сужение способов доказывания аффилированности исключительно до «юридической» серьезно ограничит кредиторов и снизит эффективность оспаривания сделок [158, с. 360].

Также следует отметить, что сделка не может быть признана недействительной только на том основании, что она не была исполнена. Порок сделки и её исполнение необходимо строго разграничивать. Кроме того, если оспаривание сделки и взыскание задолженности по ней имеют одинаковый экономический эффект для конкурсной массы – это означает, что вред или неравноценность, позволяющие оспаривать сделку, отсутствовали в ней изначально.

Представим, что будущий должник выдал денежные средства в заём, однако заемщик в установленный срок их не вернул. В деле о банкротстве займодавца кредиторы и арбитражный управляющий могут встать перед выбором: оспаривать договор займа и выдачу должником денежных средств по нему как сделку, причиняющую вред кредиторам или взыскивать с заемщика выданные денежные средства. И то и другое действие потенциально может привести к одинаковым последствиям для конкурсной массы – возврат выданных денежных средств. Более того, оспаривание договора займа приведет к недействительности условий по вознаграждению за пользование займом (процентной ставке). В такой ситуации взыскание задолженности по договору займа вместе с предусмотренными договором процентами может быть даже более выгодным для конкурсной массы, чем признание этого же договора недействительным. В такой ситуации оспаривание сделки на основании статьи 61.2 Закона о банкротстве не должно применяться.

Следующее основание недействительности в рамках конкурсного оспаривания сделок, которое мы рассмотрим, является преференциальность или оказание предпочтения при совершении сделки.

Положения пунктов 1 и 2 статьи 61.3 Закона о банкротстве позволяют признавать недействительной сделку, совершенную не позднее чем за месяц до возбуждения дела о банкротстве или после его возбуждения, если такая сделка влечет или может повлечь оказание предпочтения одному из кредиторов в части удовлетворения его требований относительно других кредиторов.

Указанная норма Закона о банкротстве отсылает нас к римскому праву, где признавался принцип равного отношения ко всем кредиторам (*par condicio creditorum*). В ситуации конкурсного производства, когда уже констатирована невозможность должника рассчитаться со всеми кредиторами в полном объеме, сформированная конкурсная масса должна распределяться между кредиторами пропорционально их требованиям. Погашение задолженности перед одним кредитором в ущерб требованиям других нарушает принцип равенства и соразмерности.

Закон о банкротстве содержит открытый перечень составов, при которых преференциальная сделка может быть признана недействительной (абзацы 2-5 пункта 1 статьи 61.3).

О.В. Сушкова указывает, что на практике у судов возникают затруднения в разграничении составов предпочтительности сделок. Зачастую суды признают сделку недействительной, ссылаясь на весь пункт рассматриваемой статьи, не привязываясь к определенному основанию, что приводит к нарушению требований, предъявляемых к судебному решению (часть 4 статьи 170 АПК РФ) [199]. Аналогичной позиции придерживаются и иные исследователи [187].

Поддерживая данную мысль, С.И. Ковалев обосновывает необходимость установления предмета доказывания по каждому из закрепленных в пункте 1 статьи 61.3 Закона о банкротстве условий [183, с. 69].

С данным утверждением стоит согласиться с некоторой оговоркой. Действительно ссылка на конкретный абзац рассматриваемой статьи необходима хотя бы потому, что Закон о банкротстве предусматривает разный предмет доказывания при наличии условий, обозначенных в абзацах 2-3 и при наличии иных условий. Так, при наличии условий, обозначенных в абзацах 2-3 пункта 1 статьи 61.3 Закона о банкротстве, доказывание осведомленности стороны сделки о неплатежеспособности должника не требуются независимо от того, в какой период предпочтительности такая сделка попадает.

В то же время перечисленные в пункте 1 статьи 61.3 Закона о банкротстве условия носят ориентировочный характер и не представляют собой закрытый перечень. Соответственно, если заявителем приведены иные условия, свидетельствующие об оказании предпочтения, с которыми суд согласился, суд должен будет сослаться на весь пункт указанной нормы, обозначив при этом неназванное в этом пункте условие, которое он положил в основу своего решения.

Важно отметить, что для признания недействительной сделки, совершенной в месячный период, лицу, оспаривающему сделку, не требуется доказывать факт недобросовестности контрагента должника, так как «законодателем, по сути, установлена неопровержимая презумпция недобросовестности контрагента должника (объективно вмененная осведомленность о факте неплатежеспособности должника)» [87]. Указанное обстоятельство отличает состав предпочтительности, установленный в пункте 3 статьи 61.3 Закона о банкротстве.

Если же сделка была совершена не ранее чем за 6 месяцев, но не позднее чем за 1 месяц до возбуждения дела о банкротстве доказыванию подлежит одно из следующих обстоятельств:

- 1) Сделка направлена на обеспечение исполнения обязательства должника или третьего лица перед отдельным кредитором, возникшего до совершения оспариваемой сделки, либо привела или может привести к изменению очередности удовлетворения требований кредитора по обязательствам, возникшим до совершения оспариваемой сделки.

- 2) Имеются иные условия, названные в пункте 1 статьи 61.3 Закона о банкротстве и при этом на момент совершения сделки кредитору или иному лицу, в отношении которого совершена такая сделка, было или должно было быть известно о признаке неплатежеспособности или недостаточности имущества либо об обстоятельствах, которые позволяют сделать вывод о признаке неплатежеспособности или недостаточности имущества.

При решении вопроса об осведомленности кредитора, во внимание принимается то, насколько он мог, действуя разумно и проявляя требующуюся от него по условиям оборота осмотрительность, установить наличие неплатежеспособности или недостаточности имущества. В частности, об осведомленности могут свидетельствовать следующие факты:

- неоднократное обращение должника к кредитору с просьбой об отсрочке долга по причине невозможности уплаты его в изначально установленный срок;
- известное кредитору (кредитной организации) длительное наличие картотеки по банковскому счету должника (в том числе скрытой);
- осведомленность кредитора о том, что должник подал заявление о признании себя банкротом [27].

Данный перечень не является закрытым. Так, Арбитражный суд Волго-Вятского округа, признавая недействительной сделку по безакцептному списанию денежных средств в пользу общества со счета должника, пришел к выводу об осведомленности общества о неплатежеспособности должника на том основании, что при рассмотрении исков общества к должнику последний неоднократно обращался с заявлениями о снижении государственной пошлины и неустойки, ссылаясь на тяжелое материальное положение [72].

При этом тот факт, что должник своевременно не исполняет свои обязательства по внесению платежей, сам по себе не может свидетельствовать о том, что ответчик должен был знать о неплатежеспособности лица.

Так, отказывая в признании недействительным платежа в пользу банка на том основании, что факт осведомленности банка не был доказан, суд указал, что получение банком платежа с существенной просрочкой не свидетельствует о том, что он должен был знать о неплатежеспособности должника. Данный вывод подтвердил ВС РФ, отказывая в передаче кассационной жалобы на рассмотрение в экономическую коллегию [48].

Стоит отметить, что в отношении заинтересованных лиц законодатель установил презумпцию осведомленности о неплатежеспособности должника, переложив тем самым бремя доказывания неосведомленности на заинтересованных лиц.

При этом было бы неверно говорить о преимущественном удовлетворении в сделке, где происходит обмен встречными предоставлениями при самом её исполнении. Например, гражданин оплачивает приобретённый им товар. При такой ситуации оставление товара в конкурсной массе при одновременном возврате в конкурсную массу уплаченных должником денежных средств, вследствие признания такого платежа предпочтительным, приводило бы к неосновательному обогащению конкурсной массы.

В связи с этим пункт 3 статьи 61.4 Закона о банкротстве не допускает оспаривание таких сделок на основании статьи 61.3 Закона о банкротстве. Согласно практике ВС РФ указанное правило применяется только в том случае, если должник исполнил обязательство первым, после чего незамедлительно получил равноценное встречное исполнение, поскольку в обратной ситуации у должника появляется выбор, в пользу кого исполнить обязательство при недостаточности средств, что не исключает возможности оспаривания преимущественного удовлетворения» [70].

Наиболее дискуссионным и практически значимым представляется вопрос оспаривания зачетов в преддверии банкротства.

Так, в рамках одного из дел арбитражный суд признал недействительным соглашение о взаимозачете требований, указав, что на момент его совершения у должника имелись иные неисполненные обязательства, в частности по выплате заработной платы [75].

В свою очередь, А.В. Егоров отмечает, что установленные ограничения на осуществление зачета ущемляют права участников гражданского оборота. По его мнению, зачет носит обеспечительный характер, так как позволяет получить удовлетворение своих требований от должника [174, с. 38].

Указанную позицию поддерживает М.В. Телюкина, которая указывает на допустимость осуществления зачетов до введения конкурсного производства, так как данный способ прекращения обязательств соответствует целям процедуры наблюдения и внешнего управления [147, с. 308].

Противоположной точки зрения придерживается В.В. Витрянский, который считает недопустимым прекращение денежных обязательств путем зачета с момента возбуждения дела о банкротстве [167, с. 101]. Р. Циммерманн указывает, что «зачет в банкротстве всегда направлен против принципа равенства кредиторов» [213, с. 43-44].

Начиная с 2018 года ВС РФ пошел по пути смягчения существовавшего подхода в отношении оспаривания зачетов и начал применять теорию сальдирования.

Из года в год ВС РФ расширяет возможности применения института сальдирования. Если изначально сальдирование допускалось только в рамках подрядных отношений [43], то в последующем ВС РФ расширил сферу его применения и на договоры возмездного оказания услуг [54]. Таким образом, институт сальдирования потенциально может быть применен в рамках любой договорной конструкции.

В связи с этим необходимо ответить на вопрос: чем институт сальдирования отличается от привычного зачета?

Как отмечает Н.Е. Кантор, сальдирование не влияет на имущественную массу должника и не создает преференциального удовлетворения требований [179, с. 136].

Анализ судебных актов ВС РФ по вопросам сальдирования позволил нам выделить наиболее характерные черты, отличающие сальдирование от зачета:

- 1) сальдирование не влечет оказание предпочтения, потому что кредиторы не могли бы рассчитывать на получение денежных средств, учитываемых при расчете сальдо;

2) сальдирование является расчетом задолженности одной из сторон на определенную дату и представляет собой соотнесение встречных исполнений в денежной форме;

3) сальдирование происходит, как правило, при нарушении обязательств по договору, так как возникает необходимость пересчитать встречное представление или при расторжении договора;

4) сальдирование возможно только в рамках одного договора либо нескольких договоров, связанных одной целью;

5) сальдирование происходит автоматически и не зависит от воли сторон, которые лишь закрепляют в документе конечное сальдо.

Представляется, что ВС РФ взял правильный вектор по либерализации подхода, сложившегося в отношении оспаривания соглашений о зачете встречных требований. Приведенные позиции безусловно оказывают позитивное воздействие на стабильность гражданского оборота.

В то же время, между зачетом встречных однородных требований и сальдированием существует весьма тонкая грань, а возможность применения института сальдирования в банкротстве породила ряд вопросов, касающихся: определения момента сальдирования, правовой судьбы обязательств в результате сальдирования, применение сальдирования к обязательствам, которые еще не наступили и другие.

Единообразному применению судами данного института способствовало бы принятие ВС РФ обзора судебной практики, в котором были бы собраны все ключевые правовые позиции по данному вопросу.

Кроме того, Закон о банкротстве содержит специальную статью, посвященную особенностям оспаривания отдельных сделок должника (статья 61.4). В частности, указанная норма устанавливает, что не признаются недействительными сделки, совершенные в процессе обычной хозяйственной деятельности, совершенные на открытых торгах.

Представляется, что выработанные арбитражными судами подходы к оспариванию действий сторон по определению конечного сальдо существенно

отличаются от оспаривания иных видов сделок, чтобы найти свое законодательное закрепление в статье 61.4 Закона о банкротстве. Таким образом, указанную статью целесообразно дополнить пунктом 8, в соответствии с которым действия должника, представляющие собой соотнесение встречных исполнений в денежной форме в рамках одного или нескольких взаимосвязанных договоров, не могут быть оспорены на основании статей 61.2 и 61.3 Закона о банкротстве.

3.2 Основания и порядок внеконкурсного оспаривания сделок должника

Оспаривание сделок только в случае, когда должник признан банкротом, сильно ограничивает механизмы защиты интересов кредиторов. В связи с этим возникает вопрос: как предотвратить вывод ликвидного имущества должника, если кредитору стало о нем известно до возбуждения дела о банкротстве или в процедуре наблюдения? Ведь даже если кредитор моментально подаст заявление о банкротстве своего должника, между совершенной сделкой по выводу имущества и введением в отношении него процедуры внешнего управления или конкурсного производства пройдет значительный временной промежуток, а интересующий актив к этому моменту уже может быть отчужден по цепочке сделок третьим лицам, что существенно затруднит его возврат. Кроме того, участие в процедуре банкротства требует от кредитора значительных финансовых и трудовых ресурсов.

Вследствие этого особую значимость приобретает институт внеконкурсного оспаривания сделок, который позволяет кредиторам наиболее оперативно реагировать на недобросовестные действия должника по отчуждению активов, не прибегая при этом к долгой и финансовой затратной процедуре банкротства.

Так, ВС РФ указал, что «требования (доводы) о недействительности сделки могут быть заявлены любым кредитором, считающим, что действия

должника направлены на уменьшение имущества, служившего источником исполнения требований кредиторов, вне зависимости от введения в отношении должника процедур банкротства (внеконкурсное оспаривание)» [61]. Таким образом, право на внеконкурсное оспаривание прямо признается судами.

Правовым основанием для внеконкурсного оспаривания сделок «является не конкретная норма закона, как в случае с конкурсным оспариванием, а применение принципа доброй совести и запрета на злоупотребление правом (статья 10 ГК РФ) в сочетании с правилом пункта 2 статьи 168 ГК РФ о недействительности сделки, противоречащей закону» [132, с. 323].

Безусловным преимуществом данного института является то, что он позволяет признавать сделки недействительными и в том случае, если кредитор по каким-либо причинам не может инициировать процедуру банкротства: отсутствует минимально необходимый размер задолженности для возбуждения дела о банкротстве, должник в силу прямого указания закона не может быть признан банкротом, у кредитора отсутствуют денежные средства для финансирования процедуры банкротства.

Например, до 2015 года Закон о банкротстве не предусматривал возможность признания граждан банкротами. Между тем, для сокрытия своего имущества от обращения на него взыскания граждане прибегали к его отчуждению. В данном случае необходим был действенный механизм, позволяющий пресекать указанные действия.

Кроме того, применение внеконкурсного оспаривания приобретает большую актуальность благодаря внесенным изменениям в Закон о банкротстве в части повышения суммы задолженности, необходимой для возбуждения дела о банкротстве в отношении юридического лица: с трехсот тысяч рублей до двух миллионов рублей [9].

Между тем, при внеконкурсном оспаривании непременно возникает вопрос о целесообразности вмешательства в договорные отношения и

нарушения стабильности гражданского оборота. В этой связи необходимо соблюсти баланс между интересами контрагента и правами кредиторов для того, чтобы избежать излишнего вмешательства в договорные отношения сторон. Данный вопрос является основным при рассмотрении правовой природы внеконкурсного оспаривания и его практическом применении.

Обстоятельства, подлежащие доказыванию при внеконкурсном оспаривании, законодательно не установлены. Вследствие этого необходимо провести анализ судебной практики, для того чтобы понимать при наличии каких обстоятельств суды признают вмешательство в договорные отношения сторон целесообразным, а сделки недействительными.

Так, в одном из дел ВС РФ указал, что для установления злоупотребления правом при заключении сделки необходимо установить: «наличие или отсутствие цели совершения сделки, отличной от цели, обычно преследуемой при совершении соответствующего вида сделок, наличие или отсутствие действий сторон по сделке, превышающих пределы дозволенного гражданским правом осуществления правомочий, наличие или отсутствие негативных правовых последствий для участников сделки, для прав и законных интересов иных граждан и юридических лиц, наличие или отсутствие у сторон по сделке иных обязательств, исполнению которых совершение сделки создает или создаст в будущем препятствия» [37]. На эти обстоятельства, по мнению ВС РФ, указывали:

- безвозмездность совершенной сделки;
- наличие судебного решения о взыскании задолженности;
- совершение сделки в пользу супруги.

В другом деле при установлении указанных выше обстоятельств суд указал на то, что отчуждение имущество произошло после прекращения исполнения кредитных обязательств [41]. Также при установлении злоупотребления правом при совершении сделки суд может принять во внимание, что вырученные от совершения оспариваемой сделки денежные средства не были направлены на погашение существовавшего долга [40].

Еще в одном деле суд указал на то, что сделка по передаче земельного участка в уставный капитал общества может быть оспорена кредитором во внеконкурсном порядке на основании статей 10 и 168 ГК РФ при соблюдении ряда условий, в том числе:

- цель сделки – не допустить удовлетворение требования кредитора;
- требование кредитора, оспаривающего сделку, уже существовало на момент заключения сделки и являлось бесспорным;
- сторона сделки знала о противоправной цели и действовала недобросовестно [89].

В рамках другого дела ВС РФ, напротив, отменил судебные акты апелляции и кассации, которые признали недействительной сделку по продаже недвижимого имущества, указав, что для признания сделки недействительной на основании статей 10 и 168 ГК РФ, статьи 170 ГК РФ необходимо установить, что обе стороны сделки действовали недобросовестно, в обход закона и не имели намерения совершить сделку в действительности. Суды, признавая договор купли-продажи недействительным, не дали оценку тем обстоятельствам, что покупатель по сделке не является аффилированным по отношению к продавцу лицом, что приобретенное имущество он использовал по назначению. Кроме того, оспариваемый договор был совершен до того, как возникли обязательства продавца перед его кредитором, вследствие чего указанная сделка не могла быть направлена на вывод активов и причинение ему вреда [33].

На основании анализа приведенных судебных актов представляется возможным выделить условия, необходимые для признания сделки недействительной в рамках внеконкурсного оспаривания:

- 1) Лицо, обращающееся с иском о внеконкурсном оспаривании, должно иметь установленные требования к должнику, совершившему сделку. Данное условие подтверждает, что у истца имеется законный интерес в оспаривании сделки.

При этом анализ судебной практики показал, что кредитор может быть наделен правом на внеконкурсное оспаривание и в том, случае, если его требование к должнику подано, но еще не рассмотрено судом. В таком случае суд может приостановить производство по рассмотрению иска о признании сделки недействительной до вступления в законную силу судебного акта о взыскании задолженности [95].

Представляется, что данная позиция суда является верной и позволяет кредиторам наиболее оперативно реагировать на вывод активов должника. Так, осознавая наличие задолженности перед контрагентом и неизбежность ее взыскание в судебном порядке, должник может предпринять действий по отчуждению своих активов и одновременно с этим затягивать спор о взыскании с него задолженности, чтобы отсрочить момент оспаривания сделки.

2) Сделка совершена с противоправной целью – причинить вред кредитору путем недопущения взыскания на принадлежащее должнику имущество (вывод активов). При этом совершение сделки до возникновения обязательств перед кредитором должно исключать возможность ссылаться на намеренный вывод активов.

Указанная позиция согласуется с предложенной в параграфе 2.1 концепцией оспаривания сделок, согласно которой право кредитора оспаривать сделки должника обусловлено тем, что он, вступая в правоотношение с будущим должником, разумно полагается на наличие у него определенного объема имущества, с помощью которого можно будет удовлетворить свои требования в случае неисполнения обязательства. Если же спорное имущество было отчуждено еще до того, как кредитор вступил в правоотношения с должником, то разумно сделать вывод, что он и не мог рассчитывать на него.

3) Недобросовестность контрагента, которая выражается в том, что он знал или должен был знать о том, что совершенная сделка направлена на злоупотребление правом. Считаем, что недобросовестность контрагента

должна предполагаться при наличии любого из следующих обстоятельств: сделка совершена безвозмездно или ее цена кратно отличается от рыночной цены, сделка совершена с аффилированным лицом.

4) Сделка повлекла за собой невозможность взыскания кредитором задолженности. Представляется, что суду следует отказать во внеконкурсном оспаривании сделки, если должник докажет, что у него имеется иное имущество, стоимости которого достаточно для удовлетворения требований кредитора, оспаривающего сделку. Представим, что должник, имея задолженность перед кредитором в размере миллиона рублей и обладающий при этом недвижимым имуществом, стоимость которого превышает несколько сот миллионов рублей, подарил третьему лицу автомобиль. Очевидно, что при таких обстоятельствах вмешательство в договорные отношения и преодоление принципа свободы договоров является нецелесообразным, так как права кредитора не нарушаются и он не лишен возможности удовлетворить свои требования из стоимости иного имущества должника.

Несмотря на то, что институт внеконкурсного оспаривания постепенно развивается в нашей стране и встраивается в правовую систему, его применение влечет возникновение ряда вопросов, требующих решения.

Во-первых, встает вопрос о порядке исчисления срока исковой давности, а именно: если кредитор узнал о сделке по выводу имущества до начала процедуры банкротства, однако в течение срока исковой давности не обращался с иском в порядке внеконкурсного оспаривания, может ли он оспаривать указанную сделку в рамках конкурсного производства по специальному основанию, предусмотренному Законом о банкротстве? Иными словами, начинается ли срок исковой давности для оспаривания сделки течью заново в связи с введением конкурсного производства (внешнего управления)?

Представляется, что ссылка ответчика на применение срока исковой давности в таком случае должна быть отклонена судом. Как уже было сказано конкурсное оспаривание представляет собой иск не в пользу одного

кредитора, а в пользу всей конкурсной массы, вследствие чего защищаются не только права того кредитора, который пропустил срок исковой давности для внеконкурсного оспаривания, но и права иных кредиторов. Кроме того, учитывая, что основания оспаривания, предусмотренные Законом о банкротстве, не могут применяться ранее введения конкурсного производства, то течение срока исковой давности по ним не может начаться ранее введения соответствующей процедуры.

Во-вторых, встает вопрос о соотношении внеконкурсного и конкурсного оспаривания, а именно: если кредитору в рамках внеконкурсного оспаривания было отказано в признании сделки недействительной, может ли он после возбуждения дела о банкротстве повторно обратиться с заявлением о признании той же сделки недействительной, но уже по правилам главы III.1 Закона о банкротстве?

Представляется, что в таком случае кредитор не лишается права обратиться с заявлением о признании сделки недействительной в рамках процедуры банкротства, так как стандарт доказывания порочности сделки в рамках уже установленной несостоятельности должника исполнить свои обязательства ниже, чем при внеконкурсном оспаривании.

Кроме того, при разрешении обоих вопросов представляется, что кредитор в любом случае имеет право поставить вопрос об оспаривании сделки перед конкурсным управляющим должника.

В-третьих, встает вопрос о подсудности исков о внеконкурсном оспаривании в рамках процедуры наблюдения, а именно: подлежат ли такие иски рассмотрению в рамках дела о банкротстве или в рамках общеискового производства?

Представляется, что заявления о признании сделок недействительными на основании статей 10 и 168 ГК РФ, как сделок, причиняющих вред кредиторам, необходимо рассматривать в рамках общеискового производства.

Таким образом, в настоящее время в Российской Федерации фактически отсутствует законодательное закрепление внеконкурсного кредиторского

оспаривания. Между тем, указанную пробельность восполняет судебная практика, которая, отзываясь на потребности кредиторов защитить свои права от действий должника по отчуждению своего имущества, формирует правовые позиции по внеконкурсному оспариванию.

Правовой основой внеконкурсного оспаривания стала связка статей 10 и 168 ГК РФ, то есть признание сделок должника, направленных на вывод активов, совершенными при злоупотреблении правом с противоправной целью – не допустить взыскания на имущество. Анализ судебной практики позволил выделить условия признания сделок недействительными в рамках внеконкурсного оспаривания. Кроме того, обозначены важные теоретико-практические вопросы, возникающие при применении внеконкурсного оспаривания, и предложены пути их решения.

3.3 Правовые последствия признания сделок должника недействительными

Пункт 2 статьи 167 ГК РФ устанавливает в качестве последствия недействительности сделки двустороннюю реституцию – возвращение сторон сделки в первоначальное имущественное положение, которое имело место до исполнения сделки [1].

В свою очередь, в силу статьи 61.6 Закона о банкротстве последствием конкурсного оспаривания сделки является: с одной стороны – возврат полученного стороной сделки в конкурсную массу должника, с другой стороны – возникновение права предъявить реституционное требование стороны сделки к должнику.

При этом очередность удовлетворения требования контрагента должника по недействительной сделке, зависит от:

- 1) Момента возникновения реституционного обязательства.

Так, если денежное обязательство, на прекращение которого была направлена оспоренная сделка, возникло после принятия заявления о

признании должника банкротом, то восстановленное требование контрагента удовлетворяется в составе текущих платежей и не включается в РТК.

Если же данное обязательство возникло до принятия заявления о признании должника банкротом, то восстановленное требование контрагента подлежит включению в РТК.

2) Добросовестности стороны сделки.

Так, если сделка была признана недействительной на основании пункта 2 статьи 61.2 и пункта 3 статьи 61.3 Закона о банкротстве, то право требования стороны сделки к должнику подлежит удовлетворению только после удовлетворения требований кредиторов третьей очереди (пункт 4 статьи 142 Закона о банкротстве) [7]. Объединяющим признаком указанных оснований недействительности является то, что сторона сделки совершала ее, зная о неплатежеспособности должника, то есть действовала недобросовестно. Следовательно, недобросовестные контрагенты приобретают правовой статус так называемых «зарегистрованных кредиторов», что фактически лишает их возможности удовлетворить свои требования, а также не позволяет голосовать на собраниях кредиторов. Стоит отметить, что такое понижение в очередности удовлетворения требования выступает своего рода мерой ответственности за недобросовестное поведение [53].

При этом в силу пункта 29.2 Постановления Пленума ВАС от 23.12.2010 № 63 ответственность в виде понижения требований в реестре не будет применяться к стороне недействительной сделки, если она самостоятельно возвратит должнику полученное по сделке имущество после введения в отношении него любой процедуры банкротства.

В свою очередь, если сделка была признана недействительной по основаниям пункта 1 статьи 61.2 и пункта 2 статьи 61.3 Закона о банкротстве, то право требования стороны сделки к должнику подлежит удовлетворению в составе третьей очереди [7].

Однако в обоих указанных выше случаях, для того чтобы ответчик получил право на предъявление должнику встречного требования о возврате

полученного по оспоренной сделки, он сперва сам должен вернуть полученное им по сделке.

Указанное положение отличается от порядка реституции, предусмотренного общими положениями о последствиях недействительности сделки. Так, согласно разъяснениям ВС РФ возврат произведенных сторонами взаимных предоставлений должен происходить одновременно [29].

Таким образом, предусмотренные Законом о банкротстве правила существенно отличаются от стандартной двойной реституции, предусмотренной общими правилами о последствиях недействительности сделок, закрепленными в ГК РФ. Реституционное требование второй стороны сделки ставится в зависимость от исполнения ею своей обязанности по возврату имущества, а не возникает в связи с самим фактом признания сделки недействительной.

Если же переданное должником другой стороне сделки имущество у нее уже отсутствует и его возврат в конкурсную массу в натуре невозможен, то возникает обязанность вернуть в конкурсную массу действительную стоимость полученного имущества, определенную на момент его приобретения [7]. В частности, проблемы с применением последствий недействительности сделки в виде возврата имущества в натуре могут возникнуть в отношении сделок с цифровыми финансовыми активами. «Несмотря на то, что Федеральный закон от 02.10.2007 № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве» признает цифровую активы имуществом для целей обращения взыскания, судебные приставы-исполнители не имеют действенных инструментов, которые бы позволяли получить доступ к криптоактивам ответчика по сделке для их возврата в конкурсную массу. Криптокошельки ответчика по сделке невозможно идентифицировать и наложить на них арест» [162, с. 576].

Среди ученых существуют различные подходы к вопросу об особой правовой природе последствий недействительности сделок, установленных в статье 61.6 Закона о банкротстве.

По мнению И.М. Шевченко, «последствия недействительности, предусмотренные Законом о банкротстве, тождественны последствиям недействительности сделок, закрепленным в ГК РФ, и не обладают особой правовой природой» [203].

Противоположной точки зрения придерживается Т.П. Шишмарева, которая делает вывод об особой правовой природе последствий недействительности сделок в процедурах банкротства [116, с. 474]. Соглашаясь с указанной позицией, М.В. Столярчук называет последствия кредиторского оспаривания сделки должника «особой мерой юридической ответственности» [196, с. 119]. Придерживаясь схожей позиции, В.С. Костко указывает, что «последствие оспаривания действий в рамках банкротства не является реституцией» [183, с. 70].

Указанный подход представляется более правильным. При признании сделки недействительной по специальным (банкротным) основаниям двусторонняя реституция в ее классическом понимании не применяется. Целью применения последствий недействительности сделки в рамках процедур банкротства является не приведение сторон в первоначальное состояние (как в случае классической двусторонней реституции), а пополнение конкурсной массы.

Подтверждение указанной позиции можно найти и в практике ВС РФ. Так, в деле о банкротстве № А40-35533/2018 высшая судебная инстанция указала, что в силу особенностей применяемых в банкротстве последствий недействительности, такие последствия по своей экономической сути приближены к конфискационным [57].

Таким образом, особая правовая природа последствий недействительности сделки в процедурах банкротства обусловлена целями оспаривания сделки – пополнение конкурсной массы и наиболее полное удовлетворение требований кредиторов. Применение двусторонней реституции в классическом виде не достигало бы указанных целей. Проведенный выше анализ позволил выделить отличительные особенности

последствий недействительности сделки в процедурах банкротства, обуславливающих их особую правовую природу:

1) Целью применения последствий недействительности сделок в банкротстве является не приведение сторон в первоначальное положение, а пополнение конкурсной массы. Вследствие этого вторая сторона сделки получает лишь право предъявить свои реституционные требования к должнику, а не все то, что было ей исполнено по сделке.

2) Реституционное требование второй стороны сделки не возникает в связи с самим фактом признания сделки недействительной, а ставится в зависимость от исполнения ею своей обязанности по возврату имущества.

3) Ко второй стороне сделки может быть применена особая мера ответственности в виде понижения его реституционного требования к должнику в очередности удовлетворения требований кредиторов.

До недавнего времени в практике судов существовали разные подходы относительно порядка возврата стоимости переданного имущества после признания сделки недействительной по мотиву неравноценного встречного исполнения, а именно: подлежит ли возврату полная стоимость переданного имущества или же разница между действительной стоимостью имущества и уже уплаченной по сделке суммой?

ВС РФ еще в 2015 году дал однозначный ответ на данный вопрос, указав, что выводы нижестоящих судов о том, что взыскание полной рыночной стоимости со ответчика по оспариваемой сделке может привести к неосновательному обогащению, противоречат законодательству о банкротстве. Фактически, такой подход влечет преимущественное удовлетворение требования кредитора должника по недействительной сделке путем зачета требования должника о возврате стоимости имущества в конкурсную массу с требованием контрагента о возврате денежных средств, уплаченных по недействительной сделке [38]. Суд указал, что отсутствует неосновательное обогащение, так как у контрагента возникает право на включение восстановленного требования в РТК.

С тех пор позиция ВС РФ не менялась и ее в подавляющем большинстве своем восприняли нижестоящие суды [84; 86]. Так, Арбитражный суд Северо-Кавказского округа отменил судебные акты нижестоящих инстанций, которые в качестве последствий недействительности договора купли продажи автомобиля взыскали с ответчика разницу между рыночной стоимостью спорного автомобиля и ценой договора. Суд кассационной инстанции указал, что примененные нижестоящими судами последствия недействительности не соответствуют положениям Закона о банкротстве, который не предусматривает возможность возмещения покупателем действительной стоимости имущества, приобретенного по недействительной сделке, за вычетом произведенной оплаты [101].

Между тем, указанный вопрос остается дискуссионным, а в ряде дел суды продолжают в качестве последствия недействительности взыскивать разницу между рыночной и уплаченной стоимостью [71; 76].

Например, рассматривая вопрос недействительности соглашения об отступном на основании его неравноценности (стоимость переданного в качестве отступного имущества существенно превышала размер погашаемых обязательств) Арбитражный суд Восточно-Сибирского округа указал, что нижестоящие суды правильно применили последствия недействительности сделки в виде взыскания разницы между рыночной стоимостью имущества и согласованными в условиях сделки ценами [91].

Указанный подход ВС РФ связан с существующей в российском конкурсном праве модели специфики оспаривания сделок, заключающейся в уничтожении не только обязательственного, но и вещного эффекта сделки.

Между тем, анализ правового регулирования оспаривания сделок в Германии, проведенный в параграфе 2.3 настоящего исследования, показал, что может применяться и модель относительного (обязательственного) оспаривания, которая направлена не на полную отмену сделки, а на взыскание с контрагента убытков, причиненных ее совершением.

Как указывают Д.Н. Кархалев и М.В. Громоздина: «Приобретатель, получивший вещь вследствие распоряжения вопреки запрету, становится новым обладателем права по отношению ко всем, за исключением защищаемой стороны и отчуждателя, но отчуждатель продолжает оставаться правомочной стороной по отношению к защищаемой стороне и приобретателю в той мере, в какой этого требует защищаемое право» [172, с. 101]. Как следствие, последствием недействительности при данной модели оспаривания является возмещение потерь конкурсной массы, вызванных ее совершением [171, с. 134].

Модель относительной недействительности сделок при оспаривании сделок в деле о банкротстве поддерживают такие ученые, как: Рыков Д.А., который указывает, что «применение двусторонней реституции в «чистом виде» при оспаривании сделок должника нецелесообразно», так как целью оспаривания сделок является компенсация потерь, которые понес должник в результате совершения сделки» [113, с. 146] и А.С. Гутникова, которая утверждает, что «необходимо установить механизм, позволяющий устранять последствия сделок лишь в той части, которая касается обогащения контрагента должника» [173, с. 58].

Д.М. Генкин считает, что в связи с совершением относительно недействительной сделки у кредитора возникает «особое право требования, направленное на устранение невыгодных для него последствий распорядительных действий должника» [170, с. 227].

С.А. Карелина обращает внимание на то, что включение требований добросовестного приобретателя имущества по неравноценной сделке в РТК является несправедливым последствием недействительности [181, с. 23].

Таким образом, абсолютная недействительность сделки означает, что она не имеет правового эффекта ни для кого, то есть она недействительна в отношении всех лиц. В связи с этим происходит ее полная отмена.

Относительная недействительность означает, что сделка может быть недействительна только в отношении лица, чей законный интерес нарушается

совершением сделки. Она не противопоставляется в отношении лица, чей законный интерес она нарушает. В отношении других лиц сделка считается действительной. В этой связи нивелирование правового эффекта сделки производится только в том объеме, в котором это необходимо для защиты нарушенного интереса.

Применение относительного (обязательственного) оспаривания сделок в банкротстве означает, что в качестве последствий недействительности реституция как таковая не применяется. Сторона сделки должна лишь возместить ущерб, причиненный конкурсной массе.

В отечественном регулировании наблюдаются отдельные «проблески» относительной (обязательственной) модели оспаривания в Постановлении Пленума ВАС от 23.12.2010 № 63. Так, согласно пункту 29.3 удовлетворение требований, полученное залоговым кредитором с предпочтением, оспаривается только в той части, которая превышает удовлетворение, которое он бы мог получить по правилам Закона о банкротстве. Согласно пункту 29.4 суд признает преференциальный платеж недействительным только в части суммы, равной разнице между стоимостью конкурсной массы и общим размером требований кредиторов.

Кроме того, судебная практика ВС РФ также не позволяет оспаривать платежи на сумму, превышающую размер реестра требований кредиторов, и по иным основаниям, так как взыскание в конкурсную массу суммы, превышающей размер РТК, противоречит смыслу процедур банкротства [64].

В указанных случаях сформированные положения направлены не на устранение вещного эффекта сделки, а на возмещение вреда, причиненного конкурсной массе и лишь в том объеме, в котором этот вред был причинен.

Таким образом, в отдельных ситуациях разъяснения высших судебных инстанций и судебная практика допускают относительное (обязательственное) оспаривание сделок.

С одной стороны, российская модель сильнее защищает кредиторов и конкурсную массу должника. Например, ее применение позволяет вернуть

имущество даже если оно было впоследствии отчуждено по цепочки сделок третьему лицу, если это лицо не будет признано добросовестным приобретателем. С другой стороны, такая усиленная защита достигается за счет интересов контрагента должника, что не всегда оправдано.

Смоделируем простую ситуацию. Допустим в РТК должника включены требования двух кредиторов по 50 000 000 рублей у каждого. У должника имеется имущество рыночной стоимостью 20 000 000 рублей. Таким образом, при реализации указанного имущества кредиторы получают по 10 000 000 рублей (пропорционально размеру своих требований). А теперь представим, что должник в преддверии банкротства продал указанное имущество за 10 000 000 рублей третьему лицу (контрагенту). Таким образом, в случае применения последствий недействительности сделки, которые будут заключаться в возврате имущества в конкурсную массу должника и включении требований контрагента на уплаченную сумму в РТК должника, экономический результат будет следующим: конкурсная масса составит 30 000 000 рублей (20 000 000 рублей – стоимость возвращенного имущества и 10 000 000 рублей, уплаченных контрагентом по недействительной сделке), а РТК должника составит 110 000 000 рублей (два кредитора с требованиями по 50 000 000 рублей и восстановленное требование контрагента на 10 000 000 рублей). При таких исходных данных кредиторы получают по 13 635 000 рублей (выгода составляет 3 635 000 рублей в сравнении с ситуацией, если бы недействительная сделка вовсе не совершалась), а контрагент по недействительной сделке – 2 730 000 рублей (убыток от совершенной сделки составляет 7 270 000 рублей).

Указанный пример позволяет прийти к парадоксальному выводу: кредиторам может быть выгодно, чтобы должник перед банкротством совершал неравноценные сделки, которые впоследствии могут быть ими оспорены в процедуре банкротства.

Представляется, что столь жесткая позиция ВС РФ относительно применяемых последствий недействительности оправдана, если речь идет о

недобросовестном приобретателе, который понимал, что сделка совершается в ущерб интересам кредиторов и направлена на вывод имущества. В частности, если стороной по сделке является аффилированное с должником лицо.

Однако такое последствие не должно применяться к добросовестным приобретателям, которые не знали и не могли знать о нарушении прав кредиторов. Между тем, в таком случае возникает вторая проблема, касающаяся определения стандарта добросовестности и осмотрительности контрагента по сделке. Например, если такой контрагент совершает сделку, видя, что цена имущества в два раза ниже относительно рыночной цены, можно ли признать его действовавшим добросовестно и осмотрительно? На наш взгляд – нет.

И все же сформировавшийся подход в большей степени отражает прокредиторскую направленность судебной практики, в то же время, ущемляя права добросовестных приобретателей по сделке, что приводит к нарушению баланса интересов. В результате включения их восстановленного требования в третью очередь реестра они могут рассчитывать на возврат, в среднем, около 7,8% от суммы уплаченных денежных средств, если речь идет о банкротстве юридического лица и 5,5% если речь идет о банкротстве физического лица (доля удовлетворенных требований, приведенная в статистическом бюллетене Федресурса) [214]. Учитывая тот факт, что единственный порок рассматриваемого вида сделки – неравноценность встречного исполнения, то взыскание разницы между действительной стоимостью имущества и ценой сделки является адекватной мерой, позволяющей сохранить баланс между интересами кредиторов должника и добросовестным покупателем.

В отношении внеконкурсного оспаривания действуют общие положения о последствиях недействительности сделок, установленные в статье 167 ГК РФ – возврат всего полученного по сделке.

При этом как справедливо отмечает А.Г. Карапетов «истец по иску о констатации ничтожности сделки, направленной на отчуждение вещи, может не требовать взаимного возврата имущества в отношениях между сторонами

сделки – ему достаточно признания сделки ничтожной, так как констатация ничтожности сделки означает, что право собственности на имущество не переходило и все еще принадлежит должнику, а значит, открывается правовая возможность его ареста и обращения на него взыскания по долгу должника» [132, с. 327].

Таким образом, Закон о банкротстве содержит особые последствия признания сделок недействительными. Привычная гражданскому праву двусторонняя реституция не отвечает целям оспаривания сделок должника. Вместо этого приобретатель возвращает в конкурсную массу все полученное им по сделке имущество, а в ответ получает право встать в РТК должника. Именно целью защиты прав кредиторов и обосновывается особая правовая природа последствий недействительности при кредиторском оспаривании.

Между тем, применяемые последствия недействительности сделок не всегда позволяют соблюсти баланс интересов между кредиторами и добросовестными контрагентами по недействительной сделке, в частности, при взыскании с добросовестного приобретателя полной рыночной стоимости имущества, переданного по неравноценной сделке. Представляется, что взыскание с добросовестного контрагента разницы между действительной стоимостью имущества и ценой сделки позволило бы в большей мере соблюсти баланс интересов.

Таким образом, проведенный анализ оснований и последствий конкурсного и внеконкурсного оспаривания сделок должника позволил прийти к следующим выводам и предложениям.

Закон о банкротстве подробно регулирует основания оспаривания сделок и устанавливает обстоятельства, подлежащие доказыванию для признания сделки недействительной, что безусловно положительно сказывается на правовом определенности и в большинстве случаев позволяет с достаточной степенью достоверности предсказать к какому результату придет суд при тех или иных обстоятельствах.

Между тем, применительно к отдельным правовым вопросам в практике отсутствуют единообразные подходы к их решению. В частности, при оспаривании сделок с неравноценным встречным представлением, при применении практики сальдирования и применении последствий недействительности сделок.

В этой связи для формирования единообразной судебной практики и создания правовой определенности для участников гражданского оборота, был сделан ряд предложений.

Во-первых, ввести опровержимые презумпции существенности и несущественности отклонения цены от обычных условий аналогичных сделок, что с одной стороны, дало бы судам единый ориентир при определении неравноценности сделки, с другой стороны, не исключило бы возможность исходить из обстоятельств каждого конкретного дела и представленных сторонами доказательств.

Во-вторых, обобщить и унифицировать практику сальдирования обязательств, что позволило бы дать участникам гражданского оборота понимание различий данного института от зачета обязательств и установить критерии его применения. Кроме того, предложено законодательно закрепить сформировавшийся в судах подход о невозможности оспаривания действий по соотнесению встречных исполнений в денежной форме в рамках одного или нескольких взаимосвязанных договоров.

В-третьих, были предложены единые условия, из которых должны исходить суды при рассмотрении исков о внеконкурсном оспаривании сделок должника. Отсутствие законодательного регулирования внеконкурсного оспаривания сделок при наличии потребности в данном институте у кредиторов для защиты своих породило соответствующие правовые позиции на уровне судебной практики, которые не всегда согласуются между собой.

Кроме того, была обоснована особая правовая природа последствий недействительности сделок, применяемых в процедурах банкротства,

основанная на цели защитить права кредиторов. Выявлены признаки, существенным образом отличающие ее от двусторонней реституции.

Анализ законодательных и доктринальных положений позволил доказать, что установленные Законом о банкротстве последствия недействительности сделок не всегда позволяют соблюсти баланс интересов между кредиторами и добросовестными получателями по недействительной сделке. Вследствие этого было предложено в отдельных случаях отступить от абсолютной модели оспаривания.

Заключение

Оспаривание сделок должника, выступая одним из способов защиты прав кредиторов, имеет ряд недостатков, которые могут помешать в достижении национальной цели развития предпринимательства, закрепленной в Указе Президента Российской Федерации от 21.07.2020 № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года». Проведенное исследование института оспаривания сделок должника, основанное на анализе как теоретических аспектов, так и правоприменительной практики позволило сформулировать выводы и предложения. Выявленную фрагментарность правового регулирования защиты прав кредиторов посредством оспаривания сделок должника предлагается преодолеть путём внедрения сформулированных в диссертационном исследовании предложений.

Недействительность сделок, оспариваемых по законодательству о банкротстве, обладает самостоятельной правовой природой, обусловленной целью защиты прав кредиторов и проявляется в расширении перечня действий, которые могут быть оспорены в процедуре банкротства, а также в наличии особых оснований недействительности. Право кредитора, имеющего денежные требования к должнику, оспаривать сделки должника является продолжением его права требовать взыскание. Возникновения указанного права исходит из наличия у кредитора разумных ожиданий относительно наличия у должника определенного объема имущества, которое должник намеренно уменьшает путем совершения сделок.

Неполноценность указанного способа защиты прав кредиторов, которая проявляется в отсутствии законодательного закрепления права кредиторов на внеконкурсное оспаривания сделок должника, обуславливает выработку теоретических и практических рекомендаций, позволяющих решить поставленные в исследовании задачи. Следует установить, что необходимыми

условиями для признания сделки недействительной в рамках внеконкурсного оспаривания являются:

- 1) наличие у кредитора, обращающегося за оспариванием, установленных требований к должнику;
- 2) наличие у должника цели причинить вред совершаемой сделкой;
- 3) недобросовестность контрагента должника (оппонента по оспариванию);
- 4) невозможность взыскания кредитором задолженности из стоимости иного имущества.

Некоторые нормативные положения, касающиеся оспаривания сделок должника, негативно сказываются на соблюдении принципа правовой определенности. В законодательстве о несостоятельности (банкротстве) не содержится критерий установления существенности или несущественности отклонения цены. Между тем, установление правильного порога существенности является необходимым для того, чтобы соблюсти баланс между стабильностью гражданского оборота и защитой интересов кредиторов должника. Для формирования единообразной судебной практики и создания правовой определенности для участников гражданского оборота, необходимо ввести опровержимые презумпции существенности и несущественности отклонения цены. Предлагается не признавать существенным отклонение рыночной стоимости имущества от стоимости полученного встречного исполнения менее чем на 20 процентов в худшую для должника сторону, пока не доказано иное. При этом кратное отклонение стоимости предлагается признавать существенным, пока не доказано иное.

Доказанная особая правовая природа последствий недействительности при кредиторском оспаривании сделок обуславливается целью защиты прав кредиторов. Между тем, применяемые последствия недействительности сделок не всегда позволяют соблюсти баланс интересов между кредиторами и добросовестными контрагентами по недействительной сделке. Тотальное применение абсолютной модели недействительности сделки влечет риск

потери баланса между интересами кредиторов должника и добросовестным сторонами сделки. Представляется, что применение относительной модели недействительности, вследствие которого с добросовестного контрагента взыскивались бы только убытки, причиненные конкурсной массе недействительной сделкой, позволило бы в большей мере соблюсти баланс интересов лиц и сохранить стабильность гражданского оборота.

Предложенные в исследовании изменения позволят обеспечить надлежащий порядок применения исследуемого способа защиты прав кредиторов.

Таким образом, сделанные теоретические выводы и предложения по совершенствованию правового регулирования института оспаривания сделок позволят обеспечить достижение баланса интересов кредиторов, должников и контрагентов по сделке.

Список сокращений и условных обозначений

В настоящей диссертации применяют следующие сокращения и обозначения:

АПК РФ – Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации;

ВАС РФ – Высший Арбитражный Суд Российской Федерации;

ВС РФ – Верховный Суд Российской Федерации;

ГК РФ – Гражданский кодекс Российской Федерации;

ЕФРСБ – Единый федеральный реестр сведений о банкротстве;

КНР – Китайская Народная Республика;

КС РФ – Конституционный Суд Российской Федерации;

НК РФ – Налоговый кодекс Российской Федерации;

РТК – реестр требований кредиторов;

СК РФ – Семейный кодекс Российской Федерации;

ФВС Германии – Федеральный Верховный суд Германии;

ФГК – Гражданский кодекс Франции.

Список литературы

Нормативные правовые акты

1. Российская Федерация. Законы. Конституция Российской Федерации : [принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года: по состоянию на 1 июля 2020 года]. – Официальный интернет-портал правовой информации pravo.gov.ru. – Текст : электронный. – URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102027595> (дата обращения: 11.03.2023).
2. Российская Федерация. Законы. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) : федеральный закон [принят Государственной Думой 30 ноября 1994 года] // Собрание законодательства Российской Федерации. – 05.12.1994. – № 32. – ст. 3301. – ISSN 1560-0580.
3. Российская Федерация. Законы. Семейный кодекс Российской Федерации : федеральный закон [принят Государственной Думой 29 декабря 1995 года] // Собрание законодательства Российской Федерации. – № 1. – 01.01.1996. – ст. 16. – ISSN 1560-0580.
4. Российская Федерация. Законы. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) : федеральный закон [принят Государственной Думой 16 июля 1998 года] // Собрание законодательства Российской Федерации. – № 31. – 03.08.1998. – ст. 3824. – ISSN 1560-0580.
5. Российская Федерация. Законы. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации : федеральный закон [принят Государственной Думой 14 июня 2002 года] // Собрание законодательства Российской Федерации. – 29.07.2002. – № 30. – ст. 3012. – ISSN 1560-0580.
6. Российская Федерация. Законы. Об акционерных обществах : федеральный закон [принят Государственной Думой 24 ноября 1995 года] // Собрание законодательства Российской Федерации. – 01.01.1996. – № 1. – ст. 1. – ISSN 1560-0580.

7. Российская Федерация. Законы. О несостоятельности (банкротстве) : федеральный закон [принят Государственной Думой 27 сентября 2002 года] // Собрание законодательства Российской Федерации. – 28.10.2002. – № 43. – ст. 4190. – ISSN 1560-0580.

8. Российская Федерация. Законы. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных законодательных актов (положений законодательных актов) Российской Федерации : федеральный закон [принят Государственной Думой 22 декабря 2014 года] // Собрание законодательства Российской Федерации. – 29.12.2014. – № 52 (часть I). – ст. 7543. – ISSN 1560-0580.

9. Российская Федерация. Законы. О внесении изменений в Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» и статью 223 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации : федеральный закон [принят Государственной Думой 29 мая 2024 года] // Собрание законодательства Российской Федерации. – 03.06.2024. – № 23 (часть I). – ст. 3045. – ISSN 1560-0580.

Нормативные правовые акты зарубежных стран

10. Insolvenzordnung (InsO) vom 5. Oktober 1994 (BGBl. I S. 2866) // Bundesministerium der Justiz. – Текст : электронный. – URL: [https://www.gesetze-im-internet.de/inso/BJNR286600994.html#:~:text=\(1\)%20Wird%20die%20Eröffnung%20eines,Gericht%20des%20Gruppen%2DGerichtsstands%20verweisen](https://www.gesetze-im-internet.de/inso/BJNR286600994.html#:~:text=(1)%20Wird%20die%20Eröffnung%20eines,Gericht%20des%20Gruppen%2DGerichtsstands%20verweisen) (дата обращения: 15.10.2023).

11. Gesetz über die Anfechtung von Rechtshandlungen eines Schuldners ausserhalb des Insolvenzverfahrens // Bundesministerium der Justiz. – Текст : электронный. – URL: http://www.gesetze-im-internet.de/anfg_1999/ (дата обращения: 15.10.2023).

12. Code de commerce // Légifrance. – Текст : электронный. – URL: https://www.legifrance.gouv.fr/codes/texte_lc/LEGITEXT000005634379/2023-12-17/ (дата обращения: 05.12.2023).

13. Code civil. // Légifrance. – Текст : электронный. – URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/codes/id/LEGISCTA000032035223/> (дата обращения: 05.12.2023).

14. Закон КНР от 27.08.2006 «О банкротстве предприятий» // Законодательство Китая. – Текст : электронный. – URL: http://chinalawinfo.ru/economic_law/law_enterprise_bankruptcy/law_enterprise_bankruptcy_ch4 (дата обращения: 27.12.2024).

Нормативные правовые акты, утратившие силу

15. Устав о банкротах 19.12.1800. – Текст : электронный. – URL: https://primo.nl.ru/permalink/f/df0lai/07NLR_LMS009678093 (дата обращения: 10.03.2023).

16. Устав о торговой несостоятельности, утвержден 25.06.1832. – Текст : электронный. – URL: <https://viewer.rsl.ru/ru/rsl01004873290?page=1&rotate=0&theme=white> (дата обращения: 12.03.2023).

17. Свод законов Российской Империи. Издание в 16 томах. – Текст : электронный. – URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?empire> (дата обращения: 12.03.2023).

18. Об установлении правил о переходе по договорам торговых и промышленных предприятий, а также об изменении постановлений, касающихся признания недействительных сделок, совершенных должниками во вред кредиторам и правил о переходе по договорам торговых и промышленных предприятий. Закон от 03.07.1916. – Текст : электронный. – URL: <https://bankruptcyclub.ru/2020/01/29/%D0%B7%D0%B0%D0%BA%D0%BE%D0%BD-03-%D0%B8%D1%8E%D0%BB%D1%8F-1916-%D0%B3/> (дата обращения: 13.04.2023).

19. Гражданский кодекс Российской Советской Федеративной Социалистической Республики [утвержден Постановлением Всероссийского центрального исполнительного комитета от 11 ноября 1922 года]. – Текст : электронный. – URL: https://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_1435.htm (дата обращения: 12.03.2023).

20. Российская Федерация. Законы. О несостоятельности (банкротстве) предприятий : федеральный закон [принят Государственной Думой 21 октября 1992 года] // Российская газета. – № 279. – 30.12.1992. – ISSN 1606-5484.

21. Российская Федерация. Законы. О несостоятельности (банкротстве) : федеральный закон [принят Государственной Думой 10 декабря 1997 года] // Собрание законодательства Российской Федерации. – 12.01.1998. – № 2. – ст. 222. – ISSN 1606-5484.

Акты официального толкования и применения права

22. По делу о проверке конституционности статьи 42 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации и статьи 34 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве) в связи с жалобой гражданина Н.Е. Акимова [Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 16.11.2021 № 49-П] // Российская газета. – № 269. – 26.11.2021.

23. По делу о проверке конституционности положений пункта 1 статьи 61.2 и пункта 11 статьи 189.40 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» в связи с жалобой гражданина С.В. Кузьмина [Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 03.02.2022 № 5-П] // Российская газета. – № 39. – 23.02.2022.

24. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 24.02.2005 № 95-О // Судебная практика высших судов Российской Федерации. – Текст : электронный. – URL: <https://cloud.consultant.ru/cloud/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=10752&c>

acheid=C2A4E77F372AB4FD6E40848070046F55&mode=splus&rnd=6oQBg#ed1BnFU2y0GtlR3y (дата обращения: 08.01.2022).

25. О некоторых вопросах практики применения Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» [Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 15.12.2004 № 29] // Хозяйство и право. – № 2. – 2005. – ISSN 0134-2398.

26. О некоторых вопросах, связанных с оспариванием сделок по основаниям, предусмотренным Федеральным законом «О несостоятельности (банкротстве)» [Постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 30.04.2009 № 32] // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. – № 7. – 2009. – ISSN 0869-7426.

27. О некоторых вопросах, связанных с применением главы III.1 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» [Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 23.12.2010 № 63] // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. – № 3. – 2011. – ISSN 0869-7426.

28. О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации [Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23.06.2015 № 25] // Российская газета. – № 140. – 30.06.2015. – ISSN 1606-5484.

29. О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств [Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24.03.2016 № 7] // Российская газета. – № 70. – 04.04.2016. – ISSN 1606-5484.

30. О некоторых вопросах применения положений статьи 9.1 Федерального закона от 26 октября 2002 года № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» [Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24.12.2020 № 44] // Российская газета. – № 2. – 12.01.2021. – ISSN 1606-5484.

31. О некоторых вопросах, связанных с введением в действие Федерального закона от 29.05.2024 года № 107-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» и статью 223 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации [Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 17.12.2024 № 40] // Российская газета. – № 295. – 26.12.2024. – ISSN 1606-5484.

32. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 4 (2020) [утвержден Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 23.12.2020] // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – № 5. – 2021.

33. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 1 (2021) [утвержден Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 07.04.2021] // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – № 7. – 2021.

34. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 3 (2021) [утвержден Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 10.11.2021] // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – № 1. – 2022.

Судебные постановления и решения

35. Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 17.06.2014 № 10044/11 по делу № А32-26991/2009 // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. – 2014. – № 10. – ISSN 0869-7426.

36. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 15.12.2014 № 309-ЭС14-923 по делу № А07-12937/2012 // Картотека арбитражных дел. – Текст : электронный. – URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/9da5fb46-e6a4-4b2f-94bc-0d966e2ffb53> (дата обращения: 20.03.2023)

37. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 01.12.2015 № 4-КГ15-54 // Судебная практика высших судов Российской Федерации. – Текст : электронный. – URL: <https://cloud.consultant.ru/cloud/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=449662&cacheid=D92567146BDC98FF7810F13D5ADF22CA&mode=splus&rnd=6oQBg#xdtBnFUK7EILGBRD1> (дата обращения: 20.03.2023)

38. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 24.12.2015 № 303-ЭС15-11427(2) по делу № А51-17166/2012 // Картотека арбитражных дел. – Текст : электронный. – URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/b2ba3e5b-d809-473d-8eb1-9d1f442d40b3> (дата обращения: 29.04.2024).

39. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 10.05.2016 № 304-ЭС15-17156 по делу № А27-2836/2013 // Картотека арбитражных дел. – Текст : электронный. – URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/38d3e024-352f-452c-a99c-3e34727e8ec0> (дата обращения: 01.09.2023).

40. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 20.09.2016 № 49-КГ16-18 // Судебная практика высших судов Российской Федерации. – Текст : электронный. – URL: <https://cloud.consultant.ru/cloud/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=477570&cacheid=43B98EC35C54AA138C6A23289EA08A81&mode=splus&rnd=6oQBg#X3PDnFUes0egWeE12> (дата обращения: 02.02.2024).

41. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 28.02.2017 № 32-КГ16-30 // Судебная практика высших судов Российской Федерации. – Текст : электронный. – URL: <https://cloud.consultant.ru/cloud/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=494568&cacheid=5B7E066A1EC2F7F9D7BCACA193728F3E&mode=splus&rnd=6oQBg#gpWDnFUbmKCbSEo5> (дата обращения: 10.01.2024).

42. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 24.10.2017 № 305-ЭС17-4886(1) по делу № А41-20524/2016 // Картотека

арбитражных дел. – Текст : электронный. – URL:
<https://kad.arbitr.ru/Card/1c4fe260-f4a4-47c3-87eb-1435f5e5e8fa>
(дата обращения: 20.04.2023).

43. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 29.01.2018 № 304-ЭС17-14946 по делу № А46-6454/2015 // Картотека арбитражных дел. – Текст : электронный. – URL:
<https://kad.arbitr.ru/Card/40635015-0389-4720-9950-93a644757bfd>
(дата обращения: 04.02.2024).

44. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 22.02.2018 № 306-ЭС17-17171 по делу № А12-44790/2015 // Картотека арбитражных дел. – Текст : электронный. – URL:
<https://kad.arbitr.ru/Card/db572294-021e-4e4c-acbe-ef43c40ecc2c>
(дата обращения: 04.02.2024).

45. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 09.07.2018 № 307-ЭС18-1843 по делу № А56-31805/2016 // Картотека арбитражных дел. – Текст : электронный. – URL:
<https://kad.arbitr.ru/Card/772e93ec-2500-4a1f-8fc8-8b344baf0f1d>
(дата обращения: 10.03.2024).

46. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 14.09.2018 № 305-ЭС18-13167 по делу № А41-42616/2015 // Картотека арбитражных дел. – Текст : электронный. – URL:
<https://kad.arbitr.ru/Card/d80f25f9-1186-4944-bb1e-6819a28efeb3>
(дата обращения: 01.04.2023).

47. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 20.09.2018 № 305-ЭС18-6622 по делу № А40-177314/2016 // Картотека арбитражных дел. – Текст : электронный. – URL:
<https://kad.arbitr.ru/Card/062ce485-2a1a-4f28-8254-d8253191a42a>
(дата обращения: 02.02.2025).

48. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 22.02.2019 № 305-ЭС17-3098(5) по делу № А40-140251/2013 // Картотека

арбитражных дел. – Текст : электронный. – URL:
<https://kad.arbitr.ru/Card/8f82159c-10c6-4c23-894b-3236e282b667>
(дата обращения: 21.12.2023).

49. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 06.03.2019 № 305-ЭС18-22069 по делу № А40-17431/2016 // Картотека арбитражных дел. – Текст : электронный. – URL:
<https://kad.arbitr.ru/Card/baf109b4-7c05-48ff-aea0-27ef42f0182f>
(дата обращения: 10.12.2023).

50. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 12.08.2019 № 78-КГ19-20 // Судебная практика высших судов Российской Федерации. – Текст : электронный. – URL:
<https://cloud.consultant.ru/cloud/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=595599&cacheid=79E2DE22145E13452C27B51A037A83FB&mode=splus&rnd=6oQBg#5thEnFUVaYD2Jt0J> (дата обращения: 02.05.2024).

51. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 29.01.2020 № 308-ЭС19-18779(1,2) по делу № А53-38570/2018 // Картотека арбитражных дел. – Текст : электронный. – URL:
<https://kad.arbitr.ru/Card/9c56b0cc-1e1d-4887-9692-feb60f425311>
(дата обращения: 20.08.2023).

52. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 31.08.2020 № 305-ЭС19-24480 по делу № А41-22526/2016 // Картотека арбитражных дел. – Текст : электронный. – URL:
<https://kad.arbitr.ru/Card/f653ee0b-0fc1-49b8-becc-d5b7f67553d1>
(дата обращения: 13.02.2024).

53. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 05.10.2020 № 308-ЭС20-13744 по делу № А32-21376/2016 // Картотека арбитражных дел. – Текст : электронный. – URL:
<https://kad.arbitr.ru/Card/c6dad19f-9494-4250-9cd1-e3faae0cbb91>
(дата обращения: 29.04.2024).

54. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 15.10.2020 № 302-ЭС20-1275 по делу № А19-12341/2018 // Картотека арбитражных дел. – Текст : электронный. – URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/e9c7d619-dd43-4503-8b19-65e5dcde2b2a>

(дата обращения: 10.01.2024).

55. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 19.08.2021 № 305-ЭС18-19395(12) по делу № А40-216122/2016 // Картотека арбитражных дел. – Текст : электронный. – URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/4385202b-1675-40cd-95b0-c12a9db6ef71>

(дата обращения: 02.09.2023).

56. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 30.09.2021 № 307-ЭС21-9176 по делу № А56-17680/2017 // Картотека арбитражных дел. – Текст : электронный. – URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/a5163977-3577-4c71-b689-22b962a426f4>

(дата обращения: 12.10.2023).

57. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 23.12.2021 № 305-ЭС21-19707 по делу № А40-35533/2018 // Картотека арбитражных дел. – Текст : электронный. – URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/4b835944-2f23-407c-8817-69e3d5a8d3c2>

(дата обращения: 26.12.2024).

58. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 18.01.2022 № 305-ЭС21-26178 по делу № А40-281876/2018 // Картотека арбитражных дел. – Текст : электронный. – URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/1c037a5b-3ff0-4633-91ce-bd940a9a629b>

(дата обращения: 11.01.2024).

59. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 18.04.2022 № 309-ЭС22-4758 по делу № А47-7968/2023 // Картотека арбитражных дел. – Текст : электронный. – URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/06cd0567-1280-4090-917f-2eb85d871279>

(дата обращения: 01.05.2023).

60. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 28.04.2022 № 304-ЭС19-8798(3) по делу № А45-23379/2011 // Картотека арбитражных дел. – Текст : электронный. – URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/7447c647-c173-4ec2-961e-9995d05005e7>

(дата обращения: 01.05.2023).

61. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 05.05.2022 № 306-ЭС21-4742 по делу № А12-42/2019 // Картотека арбитражных дел. – Текст : электронный. – URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/5a5cb80b-abd2-458c-853c-954d15eed539>

(дата обращения: 11.05.2024).

62. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 16.08.2022 № 309-ЭС21-23067 по делу № А47-8855/2019 // Картотека арбитражных дел. – Текст : электронный. – URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/b26eb0ce-362c-45f4-8e5f-4febaa44d365>

(дата обращения: 01.04.2023).

63. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 14.11.2022 № 305-ЭС22-3458(2) по делу № А40-321381/2019 // Картотека арбитражных дел. – Текст : электронный. – URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/c0d937bb-8362-440c-9bf7-84c1b983b2e0>

(дата обращения: 02.05.2023).

64. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 28.02.2023 № 305-ЭС22-10847 по делу № А40-144662/2020 // Картотека арбитражных дел. – Текст : электронный. – URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/5f2efa67-f124-488b-a7c4-7dcbbb12d705>

(дата обращения: 12.11.2024).

65. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 16.03.2023 № 309-ЭС23-1019 по делу № А07-31860/2021 // Картотека арбитражных дел. – Текст : электронный. – URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/0334c5d3-4b93-4c8e-8d3a-fcd3dba7d7cb>

(дата обращения: 01.04.2023).

66. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 24.03.2023 № 307-ЭС23-1640 по делу № А52-4955/2018 // Картотека арбитражных дел. – Текст : электронный. – URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/16955d5e-2263-4831-bc14-cd887e877874>

(дата обращения: 21.07.2023).

67. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 30.03.2023 № 304-ЭС22-20237 по делу № А27-615/2021 // Картотека арбитражных дел. – Текст : электронный. – URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/b16e855b-77a9-49fe-9bc1-b745a23830d9>

(дата обращения: 21.07.2023).

68. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 06.09.2023 № 305-ЭС23-15212 по делу № А40-152440/2021 // Картотека арбитражных дел. – Текст : электронный. – URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/ff628843-4fe8-4666-9624-2204f52e1d03>

(дата обращения: 21.07.2024).

69. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 27.11.2023 № 306-ЭС23-14897 по делу № А65-24538/2020 // Картотека арбитражных дел. – Текст : электронный. – URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/1477ca17-8903-47eb-be7d-3ff10366325f>

(дата обращения: 11.09.2024).

70. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 25.09.2024 № 301-ЭС24-7054 по делу № А79-10962/2020 // Картотека арбитражных дел. – Текст : электронный. – URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/05270bb5-63db-4288-bfd6-6366abea3322>

(дата обращения: 25.01.2025).

71. Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 27.08.2018 № Ф07-9977/2018 по делу № А13-8662/2015 // Картотека арбитражных дел. – Текст : электронный. – URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/23c8f6fc-92a1-4b32-affb-a0f5a9518a59>

(дата обращения: 29.04.2024).

72. Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 28.01.2019 № Ф01-6455/2018 по делу № А43-949/2016 // Картотека арбитражных дел. – Текст : электронный. – URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/c3c0217f-ae99-45fa-b673-d997eb41bdcb>

(дата обращения: 02.02.2024).

73. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 06.02.2019 № Ф05-11947/2018 по делу № А40-145641/17 // Картотека арбитражных дел. – Текст : электронный. – URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/7f170fcd-d83b-415a-a29f-965781aaa512>

(дата обращения: 02.02.2024).

74. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 30.07.2019 № Ф05-17659/2018 по делу № А40-216512/2016 // Картотека арбитражных дел. – Текст : электронный. – URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/93556e0f-77b2-4633-aded-3c06f28b6d6b>

(дата обращения: 17.05.2024).

75. Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 05.02.2020 № Ф01-8479/2019 по делу № А17-4841/2015 // Картотека арбитражных дел. – Текст : электронный. – URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/a71b2415-8f75-4473-a813-f690bbc74cd5>

(дата обращения: 01.04.2024).

76. Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 26.02.2020 № Ф01-8421/2019 по делу № А79-1127/2016 // Картотека арбитражных дел. – Текст : электронный. – URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/7855197f-6cdb-4091-9a3f-e7f313091647>

(дата обращения: 29.04.2024).

77. Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 19.03.2020 № Ф08-1451/2020 по делу № А32-26629/2017 // Картотека арбитражных дел. – Текст : электронный. – URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/2a721de5-85a4-4fc5-b329-974a88bd0857>

(дата обращения: 01.04.2024).

78. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 29.03.2021 № Ф05-4364/2019 по делу № А40-248870/2018 // Картотека арбитражных дел. – Текст : электронный. – URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/4905437f-c965-48ca-a377-a8ae74dabfa4>

(дата обращения: 05.02.2025).

79. Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 21.10.2020 № Ф09-5244/20 по делу № А07-3629/2019 // Картотека арбитражных дел. – Текст : электронный. – URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/3768f98e-d842-44c5-bd83-71d04542f9c8>

(дата обращения: 02.09.2023).

80. Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 04.05.2021 № Ф09-2086/21 по делу № А60-66150/2019 // Картотека арбитражных дел. – Текст : электронный. – URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/131098c5-69fd-4489-9b34-02e5f568f32b>

(дата обращения: 03.05.2024).

81. Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 16.06.2021 № Ф09-8729/20 по делу № А50-9504/2019 // Картотека арбитражных дел. – Текст : электронный. – URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/15193605-0a54-479d-ba87-eb835c8a7284>

(дата обращения: 03.05.2024).

82. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 20.07.2021 № Ф05-15830/2021 по делу № А41-107691/2019 // Картотека арбитражных дел. – Текст : электронный. – URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/7958bb65-28b5-453f-a747-8e139ad004b5>

(дата обращения: 15.01.2024).

83. Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 02.08.2021 № Ф08-6363/2021 по делу № А20-3640/2017 // Картотека арбитражных дел. – Текст : электронный. – URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/1f6c06d3-4978-4d92-8286-6978d657a8cf>

(дата обращения: 15.01.2024).

84. Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 17.08.2021 № Ф06-7243/2021 по делу № А55-37804/2019 // Картотека арбитражных дел. – Текст : электронный. – URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/a0f0063e-e389-4b61-9313-1b6a15766aaf>

(дата обращения: 29.04.2024).

85. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 06.10.2021 № Ф05-15481/2019 по делу № А40-175789/2018 // Картотека арбитражных дел. – Текст : электронный. – URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/12e452f9-27b3-4146-92f0-50f2ca6d7455>

(дата обращения: 12.02.2024).

86. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 15.11.2021 № Ф05-20844/2021 по делу № А40-80043/2019 // Картотека арбитражных дел. – Текст : электронный. – URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/3442f76a-9047-4a5f-bdbc-8036b34b85d5>

(дата обращения: 29.04.2024).

87. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 28.12.2021 № Ф05-16149/2017 по делу № А40-124489/2016 // Картотека арбитражных дел. – Текст : электронный. – URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/f52e7ca6-5096-4abb-bfe4-c08f6d9afe7f>

(дата обращения: 29.04.2024).

88. Постановление Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 06.01.2022 № 13АП-36061/2021 по делу № А26-348/2020 // Картотека арбитражных дел. – Текст : электронный. – URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/809178f9-4a5a-4f89-8ca4-2fa0a520a3da>

(дата обращения: 02.02.2024).

89. Постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 09.03.2022 № Ф03-506/2022 по делу № А51-18696/2019 // Картотека арбитражных дел. – Текст : электронный. – URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/79008128-0ae0-40e0-b39a-ea6ec822eb54>

(дата обращения: 02.09.2023).

90. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 20.06.2022 № Ф05-17501/2020 по делу № А40-202418/2019 // Картотека арбитражных дел. – Текст : электронный. – URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/bb5cca41-0973-4bb3-af69-34f5e5040ca8>

(дата обращения: 05.02.2025).

91. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 14.02.2023 № Ф05-117/2023 по делу № А40-256962/2020 // Картотека арбитражных дел. – Текст : электронный. – URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/e249b002-9ab6-45e3-b54f-50b6c7384cb2>

(дата обращения: 05.02.2025).

92. Постановление Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 25.05.2023 № Ф02-2330/2023 по делу № А19-9607/2019 // Картотека арбитражных дел. – Текст : электронный. – URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/d88dd592-e526-4b6d-b1a5-ebd1314fb036>

(дата обращение: 25.12.2024).

93. Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 18.09.2023 по делу № А70-6184/2021 // Картотека арбитражных дел. – Текст : электронный. – URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/2dd7b07c-f056-4373-b0fe-319febddd1864> (дата обращения: 29.05.2024).

94. Постановление Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 18.10.2023 № Ф02-3821/2023 по делу № А10-5988/2021 // Картотека арбитражных дел. – Текст : электронный. – URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/45081967-3562-46e5-8811-bd2698091755>

(дата обращения: 11.01.2025).

95. Постановление Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 28.11.2023 № Ф02-5074/2023 по делу № А19-4713/2023 // Картотека арбитражных дел. – Текст : электронный. – URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/8b9ed4af-8e8e-4d0f-8c7a-10ebece2c4a4>

(дата обращения: 05.04.2024).

96. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 15.12.2023 № Ф05-10877/2021 по делу № А40-242489/2020 // Картотека арбитражных дел. – Текст : электронный. – URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/0b4bbcf2-14b6-4777-bdda-9a243666f63f>

(дата обращения: 11.01.2025).

97. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 29.01.2024 № Ф05-13592/2020 по делу № А40-32986/2019 // Картотека арбитражных дел. – Текст : электронный. – URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/0241f079-5425-4fa2-bc12-f4968a3c8f89>

(дата обращения: 11.01.2025).

98. Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 06.02.2024 № Ф04-6301/2023 по делу № А45-13387/2021 // Картотека арбитражных дел. – Текст : электронный. – URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/0c62d3fd-1c63-4cf0-ab75-f0106f91ac93>

(дата обращения: 02.05.2024).

99. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 27.03.2024 № Ф05-6889/2018 по делу № А40-105473/2014 // Картотека арбитражных дел. – Текст : электронный. – URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/3901718e-3d23-415f-be1f-ecd2298cae55>

(дата обращения: 02.05.2024).

100. Постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 29.03.2024 № Ф03-992/2024 по делу № А04-6137/2021 // Картотека арбитражных дел. – Текст : электронный. – URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/31ed1f11-6c67-415d-9817-aaa69e7c13d2>

(дата обращения: 02.05.2024).

101. Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 03.05.2024 № Ф01-1683/2024 по делу № А17-601/2021 // Картотека арбитражных дел. – Текст : электронный. – URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/43192df5-497b-47d6-a04f-502a7d6f52ff>

(дата обращения: 02.11.2024).

102. Постановление Арбитражного суда Центрального округа от 23.05.2024 № Ф10-1318/2022 по делу № А36-6666/2021 // Картотека арбитражных дел. – Текст : электронный. – URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/261aa147-6cde-45df-981e-b8bd20a2a10f>

(дата обращения: 05.02.2025).

103. Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 30.05.2024 № Ф08-2636/2024 по делу № А32-44281/2021 // Картотека арбитражных дел. – Текст : электронный. – URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/9fc10ea5-6bd4-45b9-b3f6-208c7507aa85>

(дата обращения: 02.11.2024).

104. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 03.06.2024 № Ф05-15684/2022 по делу № А40-8844/2021 // Картотека арбитражных дел. – Текст : электронный. – URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/5e2db67a-9e2c-4b73-93dd-6009f47791cb>

(дата обращения: 02.11.2024).

105. Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 14.06.2024 № Ф09-2420/24 по делу № А76-41546/2022 // Картотека арбитражных дел. – Текст : электронный. – URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/0e2c3f33-f336-49b4-a139-4b15c617d759>

(дата обращения: 05.02.2025).

106. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 11.11.2024 № Ф05-8403/2017 по делу № А41-46277/2016 // Картотека арбитражных дел. – Текст : электронный. – URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/307ad034-815c-4368-b1d0-b91766665718>

(дата обращения: 12.12.2024).

107. Решение Федерального Верховного Суда Германии от 16.11.2007 – IX ZR 194/04 // [Juris.bundesgerichtshof](https://juris.bundesgerichtshof.de/cgi-bin/rechtsprechung/document.py?Gericht=bgh&Art=en&Datum=2007-11-16&nr=42303&pos=0&anz=4) : сайт. – Текст : электронный. – URL: <https://juris.bundesgerichtshof.de/cgi-bin/rechtsprechung/document.py?Gericht=bgh&Art=en&Datum=2007-11-16&nr=42303&pos=0&anz=4> (дата обращения: 05.02.2025).

108. Judgment of the Court of 27 June 2000. – Océano Grupo Editorial SA v Roció Murciano Quintero (C-240/98) // EUR-Lex : сайт. – Текст : электронный. – URL : <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/ALL/?uri=CELEX%3A61998CJ0240> (дата обращения: 05.02.2025).

Иные официальные документы

109. Обзор практики применения арбитражными судами статьи 10 Гражданского кодекса Российской Федерации [информационное письмо Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 25.11.2008 № 127] // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. – № 2. – 2009.

110. О внесении изменений в Федеральный закон «Об исполнительном производстве [проект Федерального закона № 711269-6] // СПС «КонсультантПлюс». – Текст : электронный. – URL: <https://cloud.consultant.ru/cloud/cgi/online.cgi?req=doc&base=PRJ&n=127734&cacheid=9EFE7FC5D51225BD2EB1D978279DCDF6&mode=splus&rnd=6oQBg#bQ1AnFUqMjdfvwtN2> (дата обращения: 20.08.2023).

111. О направлении обзора судебной практики по спорам, связанным с оспариванием сделок [письмо Федеральной налоговой службы России от 30.12.2021 № КЧ-4-18/18485@] // СПС «КонсультантПлюс». – Текст : электронный. – URL: <https://cloud.consultant.ru/cloud/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=408191&cacheid=49B0B9BB372F28C6431B542D35CE7258&mode=splus&rnd=6oQBg#OijAnFU2yF8Sfpj51> (дата обращения: 02.03.2024).

Диссертации

112. Быканов, Д.Д. «Проникающая ответственность» в зарубежном и российском корпоративном праве : специальность 12.00.03 «Гражданское

право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право» : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Быканов Денис Дмитриевич ; Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации. – Москва, 2018. – 269 с. – Библиогр.: с. 235-269.

113. Рыков, Д.А. Недействительность сделок должника в деле о банкротстве: гражданско-правовые аспекты : специальность 12.00.03 «Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право» : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Рыков Дмитрий Александрович ; Байкальский государственный университет. – Москва, 2018. – 185 с. – Библиогр.: с. 160-185.

114. Тузов, Д.О. Реституция в гражданском праве : специальность 12.00.03 «Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право» : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Тузов Даниил Олегович ; Томский государственный университет. – Томск, 1999. – 211 с. – Библиогр.: с. 200-211.

115. Циндяйкина, А.Э. Правовое регулирование конкурсного оспаривания сделок должника при несостоятельности (банкротстве) : специальность 12.00.03 «Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право» : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Циндяйкина Аксана Эдуардовна ; Российский государственный гуманитарный университет. – Москва, 2012. – 201 с. – Библиогр.: с. 191-201.

116. Шишмарева, Т.П. Правовые средства обеспечения эффективности процедур несостоятельности в России и Германии : специальность 12.00.03 «Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право» : диссертация на соискание ученой степени доктора юридических наук / Шишмарева Татьяна Петровна ; Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА). – Москва, 2022. – 546 с. – Библиогр.: с. 485-546.

Авторефераты диссертаций

117. Бекленищева, И.В. Понятие гражданско-правового договора (сравнительно-правовое исследование) : специальность 12.00.03 «Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право» : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Бекленищева Илона Валерьевна ; Уральская государственная юридическая академия. – Екатеринбург, 2004. – 28 с. – Библиогр.: с. 28. – Место защиты: Уральская государственная юридическая академия.

118. Красавчикова, Л.О. Гражданско-правовая охрана личной жизни советских граждан : специальность 12.00.03 «Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право» : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Красавчикова Лариса Октябрьевна ; Уральская государственная юридическая академия. – Свердловск, 1979. – 15 с. – Библиогр.: с. 15. – Место защиты: Уральская государственная юридическая академия.

119. Рабинович, Н.В. Недействительность сделок и ее последствия : специальность 12.00.03 «Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право» : автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора юридических наук / Рабинович Надежда Вениаминовна ; Ленинградский государственный университет. – Ленинград, 1961. – 39 с. – Библиогр.: с. 39. – Место защиты: Ленинградский государственный университет.

Книги

120. *Aequum ius*. От друзей и коллег к 50-летию профессора Д.В. Дождева / ответственный редактор А.М. Ширвиндт. – Москва : Статут,

2014. – 245 с. – ISBN 978-5-8354-0994-5.

121. Брагинский, М.И. Договорное право: общие положения / М.И. Брагинский, В.В. Витрянский. – Москва : Статут, 2020. – 848 с. – ISBN 978-5-8354-1666-0.

122. Бруско, Б.С. Категория защиты в российском конкурсном праве / Б.С. Бруско. – Москва : Волтерс Клувер, 2006. – 200 с. – ISBN 5-466-00206-2.

123. Вавин, Н.Г. Ничтожные сделки (ст. 30 Гражданского кодекса РСФСР и УССР, и последствия ее нарушения) / Н.Г. Вавин. – Москва : Правовая защита, 1926. – 24 с. – ISBN отсутствует.

124. Генкин, Д.М. Советское гражданское право : учебник / С.Н. Братусь, Д.М. Генкин, Л.А. Лунц [и др.] ; под редакцией Д.М. Генкина. – Москва : Госюриздат, 1950. – 495 с. – ISBN отсутствует.

125. Годэмэ, Е. Общая теория обязательств / Е. Годэмэ ; перевод И.Б. Новицкий. – Москва : Юридическое издательство Министерства Юстиции СССР, 1948. – 510 с. – ISBN отсутствует.

126. Гольмстен, А.Х. Учение о праве кредитора опровергать юридические акты, совершенные должником в его ущерб, в современной юридической литературе / под редакцией А.Г. Смирных. – Москва : Издание книг ком, 2019. – 264 с. – ISBN 978-5-6042642-5-6.

127. Гражданское право : учебник / М.М. Агарков, К.А. Граве, М.В. Зимелева [и др.] ; ответственные редакторы Я.Ф. Миколенко, П.Е. Орловский, И.С. Перетерский : в 2 частях. Часть 2. – Москва : Юридическое издательство НКЮ СССР, 1938. – 488 с. – ISBN отсутствует.

128. Гражданское право : учебник / под редакцией Б.М. Гонгало : в 2 томах. Том 2. – 2-е издание, переработанное и дополненное. – Москва : Статут, 2017. – 543 с. – ISBN 978-5-8354-1336-2.

129. Добровольский, А.А. Исковая форма защиты права. Основные вопросы учения об иске / А.А. Добровольский. – Москва : Издательство Московского университета, 1965. – 190 с. – ISBN отсутствует.

130. Жюллио де ла Морандьер, Л. Гражданское право Франции / Л. Жюллио де ла Морандьер : в 3 томах. Том 1. – Москва : Издательство иностранной литературы, 1958. – 742 с. – ISBN отсутствует.

131. Законодательство о банкротстве: преемственность и новации : монография / П.Р. Абдуллаева, Н.В. Бандурина, Ю.М. Воронина ; ответственные редакторы С.А. Карелина, И.В. Фролов. – Москва : Юстицинформ, 2023. – 348 с. – ISBN 978-5-7205-1942-1.

132. Исполнение и прекращение обязательства: комментарий к статьям 307-328 и 407-419 Гражданского кодекса Российской Федерации / ответственный редактор А.Г. Карапетов. – Москва : М-Логос, 2022. – 1494 с. – ISBN 978-5-6047367-2-2.

133. Кечекьян, С.Ф. Правоотношения в социалистическом обществе / С.Ф. Кечекьян ; ответственный редактор М.С. Строгович. – Москва : Издательство Академии наук СССР, 1958. – 187 с. – ISBN отсутствует.

134. Кораев, К.Б. Правовой статус конкурсных кредиторов в деле о банкротстве / К.Б. Кораев. – Москва : Волтерс Клувер, 2010. – 208 с. – ISBN отсутствует.

135. Кузнецов, С.А. Основные проблемы правового института несостоятельности (банкротства) : монография / С.А. Кузнецов. – Москва : Инфотропик Медиа, 2015. – 304 с. – 300 экз. – ISBN 978-5-9998-0219-4.

136. Перетерский, И.С. Сделки, договоры. Научный комментарий к ГК РСФСР / И.С. Перетерский ; под редакцией С.М. Прушицкого, С.И. Раевича. – Москва : Юридическое издательство НКЮ РСФСР, 1929. – Выпуск 5. – 84 с. – ISBN отсутствует.

137. Рабинович, Н.В. Недействительность сделок и ее последствия / Н.В. Рабинович. – Ленинград : Издательство Ленинградского университета, 1960. – 171 с. – ISBN отсутствует.

138. Осокина, Г.Л. Иск (теория и практика) / Г.Л. Осокина. – Москва : Городец, 2000. – 192 с. – ISBN 5-89391-054-0.

139. Османова, Д.О. Злоупотребления при несостоятельности (банкротстве) : монография / под редакцией О.А. Беляевой. – Москва : Юстицинформ, 2020. – 184 с. – 500 экз. – ISBN 978-5-7205-1572-0.

140. Рассказов, Л.П. Теория государства и права: углубленный курс : учебник / Л.П. Рассказов. – Москва : РИОР : ИНФРА-М, 2015. – 559 с. – ISBN 978-5-369-01369-4.

141. Ручкина, Г.Ф. Правовое регулирование несостоятельности (банкротства) : учебник / Г.Ф. Ручкина, Е. Ю. Матвеева, С. В. Крашенинников. – Москва : Прометей, 2020. – 358 с. – ISBN 978-5-00172-007-2.

142. Сарбаш, С.В. Исполнение договорного обязательства / С.В. Сарбаш. – Москва : Статут, 2005. – 636 с. – ISBN 5-8354-0271-6.

143. Скловский, К.И. Сделка и ее действие. Комментарий главы 9 ГК РФ. Принцип добросовестности : учебное пособие / К.И. Скловский. – 4-е издание, дополненное. – Москва : Статут, 2019. – 278 с. – ISBN 978-5-907139-33-6.

144. Сделки, представительство, исковая давность: постатейный комментарий к статьям 153-208 Гражданского кодекса Российской Федерации / ответственный редактор А.Г. Карапетов. – Москва : М-Логос, 2018. – 1264 с. – ISBN 978-5-9500177-6-6.

145. Сделки, совершенные с целью, противной интересам государства и общества : учебное пособие / Шахматов В.П. ; ответственный редактор И.В. Федоров. – Томск : Издательство Томского университета, 1966. – 140 с. – ISBN отсутствует.

146. Суворов, Е.Д. Оспаривание сделок должника : монография / Е.Д. Суворов. – Москва : Статут, 2021. – 524 с. – 300 экз. – ISBN 978-5-8354-1768-1.

147. Телюкина, М.В. Основы конкурсного права / М.В. Телюкина. – Москва : Волтерс Клувер, 2004. – 560 с. – ISBN 5-466-00026-4.

148. Томтосов, А.А. Цена гражданско-правового договора : монография / А.А. Томтосов. – Москва : Юстицинформ, 2023. – 208 с.

– 500 экз. – ISBN 978-5-7205-1878-3.

149. Тузов, Д.О. Теория недействительности сделок: опыт российского права в контексте европейской правовой традиции / Д.О. Тузов. – Москва : Статут, 2007. – 600 с. – ISBN 978-5-8354-0448-3.

150. Механизм действия гражданско-правовых охранительных мер : учебное пособие / Т.И. Илларионова ; ответственный редактор М.Я. Кириллова. – Свердловск : Издательство Уральского университета, 1980. – 76 с. – ISBN отсутствует.

151. Новицкий, И.Б. Сделки. Исковая давность / И.Б. Новицкий. – Москва : Госюриздат, 1954. – 247 с. – ISBN отсутствует.

152. Федоров, В.Г. Право опровержения действий, совершенных должником в ущерб кредиторам. К вопросу о законодательных мерах борьбы с неплатежом и фиктивными банкротствами / В.Г. Федоров. – Санкт-Петербург : Право, 1913. – 45 с. – ISBN отсутствует.

153. Хейфец, Ф.С. Недействительность сделок по российскому гражданскому праву / Ф.С. Хейфец. – 2-е издание, дополненное – Москва : Юрайт-М, 2001. – 164 с. – ISBN 5-94227-087-2.

154. Шершеневич, Г.Ф. Учебник русского гражданского права : учебник / Г.Ф. Шершеневич. – в 2 томах. Том 1. Общая часть. – Москва : Издательство Юрайт, 2024. – 148 с. – ISBN 978-5-534-07291-4.

155. Шершеневич, Г.Ф. Учение о несостоятельности : исследование / Г.Ф. Шершеневич. – репринтное издание. – Казань : [б.и.], 1890. – 446 с. – ISBN отсутствует.

156. Шершеневич, Г.Ф. Конкурсное право / Г.Ф. Шершеневич. – Казань : Типография Императорского университета, 1898. – 498 с. – ISBN отсутствует.

Статьи

157. Агарков, М.М. Понятие сделки по советскому гражданскому праву / М.М. Агарков // Советское государство и право. – 1946. – № 3-4.

– С. 47-48. – ISSN отсутствует.

158. Амбарцумов, Р.А. Аффилированность сторон сделки и ее влияние на оспаривание сделок должника / Р.А. Амбарцумов // Право и государство: теория и практика. – 2025. – № 1. – С. 359-361. – ISSN 1815-1337.

159. Амбарцумов, Р.А. Защита прав кредиторов от сделок с номинальными (мнимыми) держателями активов должника / Р.А. Амбарцумов // Современное право. – 2024. – № 12. – С. 99-101. – ISSN 1991-6027.

160. Амбарцумов, Р.А. К вопросу о защите прав кредиторов от номинальных (мнимых) держателей активов должника / Р.А. Амбарцумов // Евразийская адвокатура. – 2024. – № 2 (67). – С. 80-82. – ISSN 2304-9839.

161. Амбарцумов, Р.А. К вопросу об оспаривании сделок должника посредством Паулианова иска / Р.А. Амбарцумов // Евразийская адвокатура. – 2023. – № 1 (60). – С. 51-54. – ISSN 2304-9839.

162. Амбарцумов, Р.А. Проблемы защиты прав кредиторов при оспаривании сделок с цифровой валютой / Р.А. Амбарцумов // Образование и право. – 2025. – № 2. – С. 574-576. – ISSN 2076-1503.

163. Аюрова, А.А. Теоретические основания оспаривания сделок в процессе банкротства / А.А. Аюрова // Журнал российского права. – 2016. – № 11 (239). – С. 54-63. – ISSN 1605-6590.

164. Блохина, Е.В. Банкротные способы защиты прав кредиторов в случае оформления активов должника на подставных лиц / Е.В. Блохина // Цивилист. – 2023. – № 1. – С. 54-60. – ISSN 2071-5889.

165. Васильева, А. Соотношение общегражданских и банкротных оснований недействительности сделок: суды в поисках баланса / А. Васильева // Юридическая работа в кредитной организации. – 2020. – № 2 (64). – С. 54-64. – ISSN отсутствует.

166. Викут, М.А. Иск как элемент права на судебную защиту, его юридическая природа и обоснование / М.А. Викут // Вопросы теории и практики гражданского процесса : межвузовский научный сборник. – 1976. – Выпуск I. – С. 47-62. – ISSN отсутствует.

167. Витрянский, В.В. Пути совершенствования законодательства о банкротстве / В.В. Витрянский // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. – 2001. – № 3. – С. 91-104. – ISSN 0869-7426.

168. Воронов, Ф.А. Аффилированность при несостоятельности (банкротстве): понятие, виды, практика применения и зарубежный опыт / Ф.А. Воронов // Хозяйство и право. – 2023. – № 9. – С. 32-44. – ISSN 0134-2398.

169. Генкин, Д.М. Недействительность сделок, совершенных с целью, противной закону / Д.М. Генкин // Ученые записки. Ученые записки ВЮОН. – Москва : Юридическое издательство МЮ СССР, 1947. – Выпуск 5. – С. 40-57. – ISSN отсутствует.

170. Генкин, Д.М. Относительная недействительность сделок / Д.М. Генкин // Юридический Вестник. – Москва, 1914. – Книга VII-VIII (III-IV). – С. 215-250. – ISSN отсутствует.

171. Гримм, Д.Д. Оспаривание актов, совершенных во вред кредиторам (по поводу законопроекта, внесенного в Государственную Думу) / Д.Д. Гримм // Вестник гражданского права. – 2010. – № 4. – С. 126-191. – ISSN 1992-2043.

172. Громоздина, М.В. Относительная недействительность сделок / Д.Н. Кархалев, М.В. Громоздина // Имущественные отношения в Российской Федерации. – 2024. – № 9. – С. 98-104. – ISSN 2072-4098.

173. Гутникова, А.С. Оспаривание сделок в ходе конкурсного производства / А.С. Гутникова // Законодательство. – 2003. – № 7. – С. 57-67. – ISSN 2658-4301.

174. Егоров, А.В. Распорядительные сделки: выйти из сумрака / А.В. Егоров // Вестник гражданского права. – 2019. – № 6. – С. 51-107. – ISSN 1992-2043.

175. Егоров, А.В. Сальдирование и зачет: соотношение понятий для целей оспаривания при банкротстве / А.В. Егоров // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. – 2019. – № 7. – С. 36-65. – ISSN 0869-7426.

176. Жестовская, Д.А. Противопоставимость судебных актов в банкротстве: к единой модели «Паулианова опровержения» / Д.А. Жестовская // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. – 2022. – № 1. – С. 133-165. – ISSN 0869-7426.

177. Ивакин, В.Н. Фактическое основание иска: понятие и состав / В.Н. Ивакин // Актуальные проблемы российского права. – 2020. – № 4. Том 15. – С. 74-82. – ISSN 1994-1471.

178. Илюшина, М.Н. Собрание кредиторов в случае банкротства гражданина: новеллы ГК и Закона о несостоятельности / М.Н. Илюшина // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2015. – № 9. – С. 41-46. – ISSN 1992-8041.

179. Кантор, Н.Е. Расчет сальдо в отношении связанных требований / Н.Е. Кантор // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. – 2021. – № 9. – С. 136-178. – ISSN 0869-7426.

180. Карапетов, А.Г. Стандарты доказывания: аналитическое и эмпирическое исследование / А.Г. Карапетов, А.С. Косарев // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. – 2019. – № 5. Специальный выпуск. – С. 3-96. – ISSN 0869-7426.

181. Карелина С.А. Подозрительные сделки в процессе несостоятельности (банкротства): правовые проблемы оспаривания / С.А. Карелина // Предпринимательское право. – 2012. – № 4. – С. 22-26. – ISSN 1999-4788.

182. Карницкий, И.И. О праве кредиторов опровергать сделки, заключенные должником с третьими лицами / И.И. Карницкий // Журнал гражданского и уголовного права. – 1882. – С. 8-10. – ISSN отсутствует.

183. Ковалев, С.И. Отдельные проблемы оспаривания в рамках процедуры банкротства сделок «с предпочтением» / С.И. Ковалев // Имущественные отношения в Российской Федерации. – 2014. – № 2. – С. 67-74. – ISSN 2072-4098.

184. Костко, В.С. Правовые последствия запрета на распоряжение имуществом (п. 2 ст. 174.1 ГК РФ) / В.С. Костко // Вестник гражданского права. – 2015. – № 2. – С. 51-75. – ISSN 1992-2043.

185. Коциоль, Х. Основы и спорные вопросы оспаривания действий должника, совершенных во вред его кредиторам (начало) / Х. Коциоль ; перевод с немецкого К.А. Усачевой // Вестник гражданского права. – 2017. – № 3. Том 17. – С. 205-294. – ISSN 1992-2043.

186. Красильников, А.В. К вопросу о соотношении понятий «правовое положение» и «правовой статус» в сфере уголовно-процессуальных правоотношений / А.В. Красильников // Академическая мысль. – 2020. – № 3 (12). – С. 47-49. – ISSN 2588-0020.

187. Кузбагаров, М.Н. Признание недействительной сделки должника-банкрота в связи с оказанием предпочтения одному из кредиторов / М.Н. Кузбагаров, Е.В. Кузбагарова, Ю.В. Рогова // Вестник арбитражной практики. – 2018. – № 2. – С. 10-19. – ISSN 2223-1498.

188. Кузнецов, С.А. Проблемы оспаривания сделок несостоятельного должника / С.А. Кузнецов // Закон. – 2010. – № 3. – С. 103-109. – ISSN 0869-4400.

189. Кузулгуртова, А.Ш. Искусственное изменение периода подозрительности по делам о банкротстве в практике Верховного Суда РФ / А.Ш. Кузулгуртова // Вестник арбитражной практики. – 2021. – № 5. – С. 41-45. – ISSN 2223-1498.

190. Маковская, А.А. Реформа договорного права во Франции. Новые положения Гражданского кодекса Франции / А.А. Маковская // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. – 2016. – № 8. – С. 76-101. – ISSN 0869-7426.

191. Сарнакова, А.В. Обеспечение защиты прав и законных интересов кредиторов при банкротстве должника (начало) / А.В. Сарнакова // Юрист. – 2020. – № 4. – С. 60-65. – ISSN 1812-3929.

192. Свириденко, О.М. Актуальные вопросы субсидиарной ответственности контролирующих лиц при банкротстве должника / О.М. Свириденко // Lex russica. – 2018. – № 12. – С. 18-24. – ISSN 1729-5920.

193. Свириденко, О.М. Оспаривание сделок во вред кредиторам вне процедуры банкротства (внеконкурсное оспаривание) / О.М. Свириденко // Актуальные проблемы российского права. – 2020. – № 2. – С. 105-112. – ISSN 1994-1471.

194. Смола, А.А. Стандарты, доказывание и Верховный Суд / А.А. Смола // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. – 2018. – № 8. – С. 129-165. – ISSN 0869-7426.

195. Старцев, И.В. Соотношение оснований конкурсного и внеконкурсного оспаривания сделок должника / И. В. Старцев // Новый юридический вестник. – 2021. – № 7 (31). – С. 24-29. – ISSN 2587-8573.

196. Столярчук, М.В. Правовая природа последствий недействительности сделок должника при банкротстве / М.В. Столярчук // Актуальные проблемы российского права. – 2023. – № 7. – С. 115-123. – ISSN 1994-1471.

197. Стрелкова, И.И. Законодательство Китая о банкротстве: основные этапы эволюции / И.И. Стрелкова // Юридические исследования. – 2017. – № 1. – С. 75-90. – ISSN 2305-9699.

198. Суханов, Е.А. О видах сделок в германском и в российском гражданском праве / Е.А. Суханов // Вестник гражданского права. – 2006. – № 2. – С. 5-26. – ISSN 1992-2043.

199. Сушкова, О.В. Оспаривание сделок должника при несостоятельности (банкротстве), совершенных с предпочтением / О.В. Сушкова // Вестник гражданского процесса. – 2019. – № 5. – С. 111-128. – ISSN 2226-0781.

200. Сысоева, О.В. Оспаривание сделок с неравноценным встречным исполнением обязательств: анализ арбитражной практики / О.В. Сысоева //

Законы России: опыт, анализ, практика. – 2017. – № 10. – С. 87-93. – ISSN 1992-8041.

201. Толмачев, И.А. Меры охраны прав и законных интересов кредиторов при банкротстве кредитных организаций: понятие и классификация / И.А. Толмачев // Российский юридический журнал. – 2020. – № 1. – С. 131-137. – ISSN 2071-3797.

202. Федотов, Д.В. Некоторые проблемы оспаривания сделок с неравноценным встречным исполнением в процедуре банкротства / Д.В. Федотов // Арбитражный и гражданский процесс. – 2024. – № 11. – С. 36-40. – ISSN 1812-383X.

203. Шевченко, И.М. О применении последствий недействительности сделки в отношении должника, находящегося в процедуре банкротства / И.М. Шевченко // Российский судья. – 2020. – № 2. – С. 3-8. – ISSN 1812-3791.

204. Шишмарева, Т.П. Защита прав кредиторов в процедурах несостоятельности (банкротства) / Т.П. Шишмарева // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2019. – № 9. – С. 46-50. – ISSN 1992-8041.

205. Шишмарева, Т.П. Способы противодействия злоупотреблению правами участниками процедур несостоятельности (банкротства) / Т.П. Шишмарева // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2021. – № 2. – С. 74-82. – ISSN 1992-8041.

206. Якимов, Ю.А. Статус субъекта права (теоретические вопросы) / Ю.А. Якимов // Государство и право. – 2003. – № 4. – С. 5-10. – ISSN 1026-9452.

Зарубежная литература

207. Brox, H. Allgemeiner Teil des BGB / H. Brox. – 26 neu bearbeitete Auflage. – Köln; Berlin; Bonn; München : Carl Heymanns Verlag KG, 2002. – 398 p. – ISBN 978-3452252845.

208. Bufford, S. Supreme People's Court Interpretations of China's Bankruptcy Law: Translations and Commentary / S. Bufford // American Bankruptcy Law Journal. – 2015. – № 9. – P. 1-53. – ISSN отсутствует.

209. Jiang, Y. On the significance of creditor protection law in the us (from the perspective of Uniform voidable transactions act) / Y. Jiang // The Way of Science. – 2015. – №. 12(22). – P. 63-68. – ISSN 2311-2158.

210. Münchener Kommentar zur Insolvenzordnung / Herausgegeben von H.-P. Kirschhof, H. Jürgen Lwowski, R. Stürner. – 2 Auflage. – München : Verlag C.H. Beck oHG. – 2007. – 2468 p. – ISBN 978-3406-55091-1.

211. Pizzio-Delaporte, C. L'action paulienne dans les procedures collectives / C. Pizzio-Delaporte // RTDCom. – 1995. – № 4. – P. 715. – ISSN 1635-3234.

212. The problem of insufficient debtor's property during bankruptcy / I.V. Sarnakov, A.V. Sarnakova, I.V. Matveev [et al.] // SHS Web of Conferences. – 2021. – Volume 118. – P. 1-6 – ISSN 2416-5182.

213. Zimmermann, R. Comparative Foundations of a European Law of Set-Off and Prescriptions / R. Zimmermann. – Cambridge : Cambridge University Press. – 2002. – 196 p. – ISBN 978-0521814614.

Электронные ресурсы

214. Статистический бюллетень Федресурса по банкротству 2024 / Единый федеральный реестр юридически значимых сведений о фактах деятельности юридических лиц, индивидуальных предпринимателей и иных субъектов экономической деятельности : официальный сайт. – Текст : электронный. – URL: <https://fedresurs.ru/news/d87010f9-556a-4874-872b-69d8612a8185> (дата обращения: 10.04.2025).